

М И Х А И Л П О Г А Р С К И Й

ГОРОДА И НАГРОМОЖДЕНИЯ

неполное собрание сочинений
Т о м 4
том, который построил я
КРАСНОГОРСК 1984-2000

Попытка эпиграфов, или эпиграфия попыток

Перемещаясь в пространстве,
Иногда понимаешь вдруг
Довольно простые вещи:
Запах воды., движение неба...

Может быть, несколько тихих строк...
Отражение солнца в волнах...
Где-то там существует Запад или Восток...
Где-то там начинаются города...

.....
Помня о горизонте., о теплоте песка,
Я растворяюсь на кромке исписанного листка...

.....
Моё понимание города теряется где-то не дальше текста,
И я нагромождаю тысячи слов, потому что уже больше
некуда деться,
Потому что города, расположенные внутри,
совсем не те, что лежат снаружи,
и я обрываю или перечёркиваю свой стиль,
который и так-то совсем простужен,
простужен от тех словарных ветров,
ворвавшихся в текст по законам жанра...
И если теперь не хватает слов,
Поверьте, что это не так ужасно...

.....
Открытие города всегда немного случайно
..... там
.....или допустим река.....
Лучшие приобретения
..... и эти камни, которые лизжут века...
..... может, всего только угол дома.....
И конечно, вокзал

.....
И ещё, та полуденная истома...
Постаревшей Земли...
И когда я выхожу за край
Своей собственной мысли,
То приходится удивляться...
Приходится делать вид, что уже был здесь,
Но только забыл...
И в те секунды, в которых слышно

*Как молекулы времени перетирают пространство
Я начинаю строительство бесконечного смысла,
В котором отсутствует направление,
Но зато безусловен вздох...*

.....
И этот засохший букет воскресений...

.....
Вчера начиналась весна...

.....
... приблизительно так...

и ещё несомненность ветра.....

.....
... очарование луны.....

..... облако, похожее на замёрзший стих...

Несколько слов-паутинок...

.....четвёртая лестница прозы.....

.....квadrатура огня...

..... двойное би-ение ритма...

.....

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕАМБУЛА

Топография — наука, посвящённая измерению поверхностей и изображению местностей на планах и картах, кроме того, топография — это и есть сама поверхность и взаимное расположение отдельных пунктов местности. А поскольку составление карты смыслового пространства представляется нам достаточно проблематичным, то мы ограничиваемся здесь составлением кроки, то есть описанием маршрутов движения и характерных точек местности. Впрочем, зачастую смысловое пространство просто-напросто совпадает со своим описанием, и тогда возникает парадоксальная ситуация, подобная некоему архитектурному проекту, когда план предшествует реальности, с той лишь небольшой, но существенной разницей — здесь план и реальность создаются синхронно, и даже если смыслообразующий топограф начинает описывать уже существующую смысловую реальность, то само описание вносит столь сильные возмущения в пространство смысла, что по окончании топографического процесса оно (пространство) приобретает совершенно иной вид. Дело в том, что в настоящее время инструменты, используемые для съёмки топографической съёмки смысловых поверхностей, обладают мощностью, сравнимой с мощностью самих поверхностей, и более того: сами инструменты являются частью поверхности. На первый взгляд подобная задача выглядит достаточно абсурдной. Однако она не более абсурдна, чем измерение метра миллиметрами, сантиметрами или дециметрами. И когда учитель спрашивает ученика: «Сколько дециметров находится в метре?», то ученик ничтоже сумняшеся отвечает: «Десять». На вопрос же, что такое дециметр, незамедлительно следует ответ — одна десятая часть метра. Вот уж действительно было бы весьма странно, если бы десятых частей метра было бы в метре более или менее десяти. Но то, что вызвало бы серьёзный переполох в палате мер и весов, отнюдь не покажется странным при измерении смысловых поверхностей. Дело в том, что здесь целое почти что никогда не равняется сумме своих частей, более того, целое может оказаться значительно меньше какой-то своей части. Представьте себе, например, бриллиант, утонувший в ведре с дерьмом. Система бриллиант-дерьмо состоит, в грубом приближении, из двух частей, и, без сомнения, в пространстве эстетики бриллиантовая часть перевешивает свою совокупность (видимо следует сделать оговорку «в пространстве классической эстетики», поскольку современные агрессоры от искусства, безусловно, предпочитают дерьмо бриллианту, но здесь речь не об этом). И опять аналогия увела нас совсем не туда, ведь по сути своей, здесь метры измеряются не сантиметрами, но самими же метрами. — Сколько метров в одном метре? — Один! — Правильно! НО!!! — Сколько смыслов в одном смысле? — Уже далеко не один. Уже получается много, и даже бесконечно много, поскольку измерение смысла смыслом добавляет в него новый смысл, а при измерении этого нового смысла появляется ещё один и так далее до полной неизмеряемости. То есть топограф сам становится частью рельефа и странствует по собственным ландшафтам, отмечая на страницах оброненные самим же собой смысловые странности.

ГЕОДЕЗИЯ СТРАННЫХ МИРОВ

Предваряющие пояснения: HOMINES MARGINATA можно перевести с латинского как обитатели маргиналий, пограничные существа, люди предельных миров и состояний, но ни один из переводов не будет достаточно точным, и лишь совокупность их даёт некое общее представление о названии. Не менее расплывчат и жанр этой территории — изолинии. Повествование действительно состоит из линий, вернее, высвеченных отрезков и пересечений этих линий, отрезков, стремящихся к определённом объединению и поиску, и счастью... Линий, равных самим себе, характеризующих, несмотря на все взлёты и падения, извечное постоянство... Постоянство стремления... Но жанр обозначен как изолинии любви, и тогда: что же здесь понимается под любовью? И вот, подыскивая нужные слова (ибо в общем-то не так-то просто ответить на поставленный вопрос), я мерил комнату замысловатыми зигзагами (изоплентами шага и мысли), и тут взгляд мой случайно (случайно ли?) упал на томик Ортеги-и-Гассета, и память вытащила некий ответ, найти который уже не составило никакого труда. Я вернулся к компьютеру и с чистой совестью переписал (то есть, что там? перенабрал?) этот ответ. И теперь этот перенабор перед вами: «... мы сузили бы тему, сведя её к рассмотрению любви, которую испытывают друг к другу мужчины и женщины. Тема неизмеримо шире, и Данте полагал, что любовь движет солнце и другие светила.

Даже если мы воздержимся от столь вселенского охвата, нам следует учесть всё многообразие проявлений любви. Не только мужчина любит женщину, а женщина любит мужчину; мы любим также искусство и науку, мать любит своего ребёнка, а верующий любит Бога. Огромное множество и разнородность объектов подчиняются законам любви...»

*Homines
marginata*

Н О М И Н Е С М А Р Г И Н А Т А

изолинии любви

*Нынче, оставшись один на один с собою, странник
в этих касаниях ветра, во всплесках моря
ищет приметы того, что отыщется наконец-то место,
где хорошо. Вспоминает из детства пещеры, обраги, камни.
(Уинстен Хью Оден)*

НА ТОЙ СТОРОНЕ РЕКИ

Узнай об этих событиях великий сербский писатель Милорад Павич, он бы, наверное, начал свою повесть приблизительно так:

«Они жили на той стороне реки. Они жили на пределе той самой реальности, за которой почти сразу же начинается смерть. В глазах у них отражалось небо, и облака на глазной пелене не равнялись облакам атмосферы. Слово застывало у них на устах и скатывалось к ногам собеседника звёздообразной ледышкой. И если разговор происходил летом, то слово оттаивало в полёте и, ударяясь о землю, взмывало вверх, минуя ушные раковины случайного слушателя, а если беседа случалась зимой, то желающий услышать вынужден был оттаивать замёрзшие слова своим дыханием, и иногда это были стихи. И ещё был у них символ — ярко-синее знамя на белой снежинке. Они прислушивались к дрожанию лучей на пронзительно синем шёлке и говорили: «Ветер меняется. Чего ж ещё ждать от ветра».

Как описать этих людей, не прибегая к псевдоцитатам из Павича, я не знаю.
Глухие места...

Соседи называли его «Шальные крылья», мать, ждавшая дочку, дала ему имя Анатолий, а отец почему-то предпочитал называть Антоном. Друзья же просто прозвали Анькой...

Аньке было 14, когда он впервые поднялся на гору и увидел, что мир гораздо больше, чем казался доньше. Аньке захотелось взлететь и перечеркнуть то, что в географии называется горизонтом. И что-то вдруг нетерпеливо заняло у левого поседевшего в это утро виска. И Анька как бы не сошёл, но скатился на старую ферму у подножия холма.

На 18 белых с бурыми подпалинами коров приходилась по штатному расписанию одна доярка. И этого было достаточно. Её звали Антонина, и было ей 35, и муж у ней пил от счастья ровно столько же, сколько он пил от тоски. А поскольку кроме тоски и счастья ничего в его жизни не было, то пил ежедневно, а точнее сказать, ежечасно, и если когда-нибудь в мыслях своих и мечтал о жене, как о женщине, то ей своих дерзких мечтаний не поверял и держал себя в строгости.

Ферма стояла на самом отшибе, и Антонина, закончив дойку, любила, откинувшись на копну соломы, запустить свою загорелую пахнущую коровьим выменем руку в разгорячённое от восемнадцати приседаний и жаждущее мужской силы

лоно. Белая юбка в маленький красный цветочек задиралась запутанным комом на плотный поджарый живот. Упругие бёдра нежились приятным покалыванием, исходящим от жёсткой соломы. Глаза её прикрывались в блаженной истоме, а по губам скользила тонкая счастливая улыбка. Что было в тот момент в мыслях её, знать не дано никому, но не было места там грубой пошлости, что приходит иногда с годами верноподданного супружества.

Анька, скатившийся с гор на ферму, стоял, очарованный этой тайной игрой, происходящей на грани похоти и мечты. Анька стоял и боролся между немедленным желанием ворваться в эту нежную ласку или же убежать, убежать, не смея оглянуться. Но что-то вне его и помимо его подвело Аньку к жаждущей счастья коровнице. Что-то бесшумно опустило его на колени и заставило прикоснуться тонкими подростковыми губами к дрожащему и пульсирующему бедру... Ах, как же оно было свежо и прекрасно, и как короток был этот сладостный миг... Антонина вскрикнула от испуга и неги и, стряхнув с себя Аньку, тут же прижала его безумное лицо к той границе, что отделяла живот от... «Ты, ты! Ты! Ты зачем здесь? Откуда? Хочешь меня?»...

Анька обхватил ручонками крепкую, но всё ещё тонкую спину коровницы и, уткнувшись носом в жёсткие рыжеватые волоски над лбом, в это смешанный запах женского сока и коровьего молока, прошептал прямо в разгорячённое лоно: «Оч-чень».

И тогда Антонина, погладив мальчика по вспотевшему лбу, подтянула его вверх и, нежно поцеловав в подрагивающий, словно воробышек, глаз, расстегнула неподатливые пуговички на ширинке. Маленький и твёрдый карандашик задрожал в тёплой и ласковой руке, привыкшей к коровьему вымени, и тут же пролился тонкой и острой струйкой подросткового млечного пути...

Тонкого пути, охватившего жизнь и смерть... Ещё не начавшиеся жизни и уже распустившиеся смерти... На ладонях коровницы, на её белой с красными цветочками юбке, на жёстких палочках жёлтой соломы...

И ещё отчего-то замычала корова, и луч солнца пробился сквозь драную кровлю, и Анька отпрянул в недослышанном счастье и горячем стыде за эту подростковую поспешность... А глаза Антонины смеялись, и казалось, что милая коровница вот-вот сойдёт с ума. Анька почему-то страшно испугался и бросился бежать. Бежать по кособокому холму. Бежать из своего последнего детского лета в колючую, страшную и невыносимо прекрасную жизнь. А за ним струился, переливался всеми тонами звукового спектра, игривый смех почти сумасшедшей коровницы.

Собственно, у Аньки уже давно всё было подготовлено. Старая кожаная сумка, оставшаяся от отца, хранила в себе: 38 скопленных рублей, почти что новую капроновую рубашку, свидетельство о рождении и книгу Константина Паустовского «Блистающие облака»...

Анька начеркал для матери короткую записку и бросился бегом на четырёхчасный поезд, чтобы успеть до темноты в город и чтобы может быть уехать куда-то дальше...

Особое значение для формирования внутреннего стержня растущего юношеского существа имеет окружающая среда и звучание слов. Если окружающая юношу среда нежна, непорочна и пасторальна, а звучание слов обладает грубой добродушностью, то внутренний стержень набирает прочность и упругость, обретает положительную кривизну и не имеет налёта ржавчины. Если же окружающая среда жестока, развратна и урбанистична, а слова изысканы, витиеваты и романтически поэтичны, то внутренний стержень становится рыхлым и податливым, получает отрицательную кривизну, быстро окисляется или ржавеет. Сочетание нежной среды и изысканных слов может повести вектор внутреннего стержня в направлении творчества и созидательной экспрессии, а объединение жёсткой среды и грубых слов поворачивает вектор внутреннего направления к низкопробному разврату и беспричинной озлобленности.

При разумном балансировании на границе слова и ландшафта можно добиться существенного выправления и упрочнения внутреннего стержня не только у растущего юноши, но и у вполне сформировавшегося молодого человека.

Возникает резонный вопрос, к чему следует относить половые сношения: к словам или же к окружающей среде? Наше мнение, что половое сношение в том и только том случае может быть приравнено к слову, если вплотную примыкает к высокой любви, в противном же случае оно не что иное, как обычная окружающая среда.

(Из книги Сюзерена Тота «Изнанка траектории постороннего движения»)

ПЕРЕПРАВА В...

Поезд расчерчивал надвое пространство полей и пространство реки, и за окном оставалась возвращающаяся с фермы коровница, и на руках её ещё лежал отпечаток Анькиного мира, а по другую сторону парили белые птицы, которых ещё называют чайками и которым нет никакого дела до уезжающего в странное никуда мальчишку. И Анька сидел, уткнувшись лбом в никогда не мытое стекло, и слушал стук колёс — этот ровный пульс старого железного поезда, равный 80-ти ударам в минуту. И, в общем-то, не отдавая себе отчёта, Анька написал свои первые в жизни стихи.

*Я оставил свой дом на той стороне реки,
Я оставил себя на ладонях твоих и губах,
Я оставил тебе неотмоленные грехи
И уехал, сквозь сумерки,
Уехал на никогда не опаздывающих поездах.*

А напротив сидел угрюмый грузин и сосредоточенно грыз грецкие орехи...

В глубине центральной Африки до сих пор существует племя Каэгов. Каэги прекрасно музицируют на тамтамах, красиво танцуют, мастерски режут по кости и даже обладают своей собственной иероглифической письменностью. Но им совершенно неизвестно искусство поэзии. Учёные связывают это с особенностями речевого аппарата Каэгов. Но дело, видимо, совсем в другом. В одном из каэжских мифов рассказывается о некоем верховном существе — Джинге, которое занималось плетением словес. Джинга плёл из слов красивые картинки и раздавал их в подарок всем залетающим к нему ветрам. Ветры так увлеклись этими картинками, что перестали бродить по земле, и облака застыли на месте. В тени от облаков беспрерывно лил дождь, в остальных же местах светило яркое солнце. Так образовались озёра и пустыни. И неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы спохватившийся Джинга не отобрал у ветров свои диковинные мозаики из слов. По поверью, очень опасно составлять словесные картинки, но если уж они как-нибудь сами собой сложатся в твоём мозгу — ни в коем случае нельзя отпускать их на ветер.

(Из книги Сюзерена Тота «Например, человек»)

РАССПРОСЫ И РАСПИСАНИЯ

Анька стоял у облупившегося расписания, смотрел на растрескавшиеся, уводящие в какое-то другое пространство буквы и раздумывал, до какой же станции взять билет. И было ему страшно, и было тоскливо, и очень хотелось вернуться домой...

— А оно всегда так, — послышался вдруг незнакомый, но очень уверенный голос. — Всегда чего-то не хватает, чтобы уехать на край света: иногда решимости, иногда денег, иногда элементарного везенья... Пожалуй, из всех, кого я знаю, только Рокуэл Кент сумел разорвать привычные пути всех этих мелких препон, препоночек, препинаний... Знаков препинаний... Знаков судьбы... Ведь, по большому-то счёту, всегда не хватает только одного, только настоящего желанья...

— С чего вы взяли, что я еду на край света? — спросил Анька у странного бородатого мужчины, в очках, с двумя кулками семечек в руках.

— А у Вас, юноша, вид такой, как будто вы только что соблазнили зрелую женщину или написали первые в своей жизни стихи, что, впрочем, почти что одно и то же... Ну, а после таких подвигов — куда же ещё? Только на край света и никак иначе.

— Почему же женщина и стихи — это почти что одно и то же? — спросил до-нельзя смущённый Анька.

— Соблазнить или соблазниться словом ничуть не печальнее, мой друг, чем соблазниться, как вы изволили выразиться, же-женщиной.

— Почему же соблазниться — «печальнее»?

— Отсутствие постоянства, мой друг... Увы — слова, ветра и женщины — непостоянны... И не говорите мне об устойчивых пассатах, неизменяемых междометиях и верных жёнах. Потому что пассат — это такой же ветер, как междометие

слово, и как жена — женщина... Есть во всём этом какое-то недоразвитие, нехарактерность, обугленность...

— А почему же отсутствие постоянства должно быть печальным?

— Потому что отсутствие постоянства напоминает о смерти, а смерть вызывает во мне печаль, хотя некоторые видят в ней просто одну из загадок. Как Вы относитесь к смерти, мой юный друг?

— Боюсь...

— Микаэль Петрович, — сказал бородач, протягивая руку.

— Анатолий... Антон... Анька...

— Ну и что мы собираемся делать, Анатолий-Антон-Анька?

— Видимо, жить...

— Видимо-невидимо...

Одной из наиболее интересных загадок, существующих в природе, является так называемая «проблема ветра». Дело в том, что привычное школьное толкование, впечатанное в человеческие сознания со времён Азбуки Льва Толстого, который объяснил всему миру, почему ветер дует... Дело в том, что это псевдонаучное толкование весьма ущербно и отнюдь не способно заменить предшествующую ему гипотезу, что ветры — это дыхание богов. Последние исследования визионера Шимлянского показали, что затаившиеся боги способны весьма искусно маскироваться и могут подстраивать своё дыхание под смешные физические законы, придуманные человеком. Подобно искусному зверолову, который не только подстраивает свой шаг под шаг преследуемого животного, но и заставляет своё сердце биться в унисон с сердцем добычи, так и боги отсылают свои вздохи коллинеарно той ерунде, которую сочинили физики-термодинамисты.

(Из книги Сюзерена Тота «Трепетное Теперь»)

ТРАВМА. ТРЕВОГА. ТРЕМОЛО ЛЮБВИ

Маринка, её звали не Марина, а именно Маринка (как горную рыбку, часто говаривала мать). Маринка ненавидела свою красоту. Нормальные парни просто боялись подходить к ней, зато лезла всякая наглая шушера, надеясь даже не столько на возможность взаимности, но получая удовольствие от оскорбления красивой девушки.

Красота не приносит счастья, это уж точно. И сейчас, сидя с немытыми, нечёсанными, но очень добрыми хиппи, она впервые чувствовала, как спадает с её плеч этот нелёгкий груз девичьей красоты. Она сидела в уголке, на полу незнакомой квартиры, курила крепкую папироску, набитую коноплёй, и вспоминала свою горькую и беспросветную, но местами такую счастливую жизнь.

С семи лет, когда мама вторично вышла замуж, жизнь Маринки стала просто невыносимой. Отчим лупцевал её ремнём за малейшую провинность, а если маме

приходило в голову вступиться, то доставалось и маме, а уж на Маринку сыпались такие удары, что рубцы держались на теле по целому месяцу... Маринка сносила побои молча. Она закрывала свою головёнку худыми ручками и, закусив до крови нижнюю губу, ждала, когда садистская волна отчима достигнет своего апогея и он, хлопнув дверью, зайдёт в соседней комнате с матерью, чтобы до конца получить свою гнусную мужскую разрядку.

Однажды, когда ей было уже двенадцать, отчим стегал её своим солдатским ремнём, за то что она случайно опрокинула чашку с чаем. Мамы в этот момент почему-то не было, и тогда распалённый отчим вдруг набросился на неё и начал раздевать с криками: «Я тебя научу жизни, сучка маленькая! Ты у меня сейчас попляшешь! Сейчас узнаешь, как старшим хамить!» Маринка, вдруг моментально сообразив, чем всё сейчас закончится, неожиданно для самой себя обхватила своими ручонками ненавистную талию отчима и зашебетала: «Не надо, дядя Ваню, я сама, дядя Ваню, я сейчас, сейчас...» А сама уже расстегала ему ширинку и доставала этот противный и вонючий, а отчим стоял совершенно какой-то потерянный и бормотал: «Ну-ну, я же могу и по-хорошему. Когда ты по-хорошему, то и я могу по-хорошему...» И она взяла в свой маленький ротик это донельзя противное мясо... И вдруг впилась в него зубами с такой силой и яростью, мстя за всё, что накопилось у неё в душе за эти беспросветные годы. И тут на её голову обрушился удар такой силы, что если она и выжила, то только благодаря своей природной живучести и везению.

Отлетев в угол, на секунду потеряв сознание и тут же придя в себя, Маринка, не мешкая ни одного мгновения, выпрыгнула в окно с третьего этажа на кусты сирени и, ещё раз чудом оставшись жива, бросилась бежать... Бежать... Бежать бегом навсегда из этой мерзкой жизни, туда, где нет места подлости и садизму. Туда, где может быть холодно от колючего ветра, но никогда от людей...

Она приткнулась к цыганскому табору и неожиданно нашла здесь ту суровую ласку и даже любовь, которой так не хватало в её непутёвой жизни. Старая Нэнси учила её гадать по руке, читать по глазам, говорить не в уши, а в самое сердце. А её дочка Нинка показывала, как танцевать одними плечами, в какое место ударить, чтоб у поймавшего тебя тут же разжались руки, как не замёрзнуть без обуви на самом лютном морозе.

Зимой они кочевали по московским вокзалам, а летом уходили в бескрайние степи, скитаясь по мелким городкам и деревням, где-то подворовывая, где-то подрабатывая, где-то просто охотясь или рыбача.

Маринка была счастлива с ними и за эти 6 лет научилась у них гораздо больше, чем гаданиям, воровству и танцам, в первую очередь она научилась настоящей человеческой дружбе.

Но в восемнадцать ей случилось влюбиться. Влюбиться по-настоящему, по-цыгански. Это был какой-то приезжий, лет шестидесяти, но очень подтянутый и бодрый и ещё, чувствовалось, очень богатый и щедрый. Он шёл по их улице, навистывая арию из «Цыганского барона», и вдруг наткнулся на настоящих цыган.

А когда потрясающе красивая Маринка стала рассказывать его судьбу, через раз попадая в десятку, он без малейшей жалости отдал ей все свои деньги. И какой-то странной подпрыгивающей походкой заковылял в свой гостиничный номер, бор-моча: «Всё правильно, так и должно, всё абсолютно точно..., но откуда такая белокурая? Характер, конечно, цыганский, но хороша. Похожа на мою Анну в молодости. Вот ведь, чёрт, все деньги выманила... Ну, не впервой... Подумаешь, деньги... Эка невидаль...»

А Маринка в ту ночь не спала. Что-то такое непонятное, чужое, но очень прекрасное навалилось на её вольную душу. И тогда утром, купив на рынке корзину цветов и две бутылки шампанского, она отправила всё это к нему в номер, наблюдая за произведённым эффектом с соседней крыши.

Приезжий долго смотрел на непостижимый подарок, выглядывал в окно, о чём-то расспрашивал горничную, наконец открыл бутылку шампанского и выпил её прямо из горлышка, а потом поставил корзину на колени и уткнулся лицом в это марево белых пионов... Вот этот его жест и решил окончательно дело. Маринка, ловко соскользнув со своего наблюдательного пункта, быстро поднялась до карниза на втором этаже по пожарной лестнице и, прижимаясь к стене, проскользила к его балкону, и вдруг вошла, вся немного растрёпанная, невообразимо красивая и до невозможности гордая.

— Ты?! — только и сумел произнести приезжий. — Но откуда?

— Как видно, с неба! Что красавец, никогда ещё тебя не любили цыганки?

— Да какой я красавец? Я уж старик совсем. Мне уже за шестьдесят перевалило, у меня уж дети старше тебя. Но ты-то, ты-то какова! Потрясающе! Но что же мы стоим? Давайте выпьем. Вот шампанское! Я, извиняюсь, одну бутылку уже. Всё это так необычно. Эх, сбросить бы мне годков двадцать! Я ведь, знаете, тоже умел гадать. Только у меня своя метода была, стихотворная. Да. Вот и жена моя... Я её как раз этим и очаровал... — и он всё сыпал эти бессмысленные слова, а сам уже разливал по стаканам шампанское и наконец-то сообразил, что стоит в одних трусах, и бросился за брюками... А она вдруг обняла его сзади и поцеловала сначала в шею, а потом в мочку уха и, нежно разворачивая голову, в губы.... А потом каким-то неуловимым движением были сброшены юбки, и он, развернувшись, вошёл в неё, утопая в запахе её свежего тела... и, подхватив под нежные загорелые бёдра, не выходя, дошёл вместе с ней до кровати, а она уже стенала под ним, извиваясь в огненном танце любви, и вдруг горячая острая струя вырвалась наружу из самых недр её девичьего существа, ударила в напряжённый старческий пах и растеклась по его худеньким бёдрам, и тогда тут же кончил и он, ответив своим слабым шестидесятилетним напором...

Это был их день. Она любила впервые и через край, а он, наверное, в последний раз и тоже через край. Хотя в чём-то и для него такая любовь и такой темперамент были впервые. Маринка неизменно кончала, выбрасывая из себя острую, словно жидкий скальпель, струю, и сотрясалась в таком невероятном оргазме, что, казалось, ещё немного — и душа её просто-напросто расстанется с телом. А он тоже превзошёл самого себя и впервые в своей жизни кончил за одни сутки что-то около шести раз...

А потом Маринка исчезла. Он забылся под утро коротким сном, а когда проснулся, её уже не было. И лишь стояла на его столе ещё одна корзина цветов и две бутылки шампанского.

В природе существуют довольно странные существа — бабочки-подёнки. Они несколько лет проводят в воде в форме маленьких хищных личинок, а потом внезапно с ними происходят сильнейшие метаморфозы, и подёнки превращаются в лёгких невесомых мотыльков... Их крошечное тельце дрожит от немыслимого счастья настоящего полёта, и они умирают от радости, проведя в воздухе иногда всего несколько секунд, а иногда почти целые сутки.

(Из книги Бертольда Бруни «Жизнь как подготовка к смерти»)

Должен заметить, что то, что ты называешь взрывом или восторгом, есть свойство преимущественно мужское, особенно у взрослых, ведь всем известно, что ребёнок в мужчине сохраняется дольше, чем в женщине.

(Из романа Хулио Кортасара «Книга Мануэля»)

ВЫСТРЕЛ

Особенно Кюлике любила стрелять осенью. Она стреляла глубокой ночью из окна своего флигелька по верхушкам пожелтевших деревьев. Листья рушились вниз золотистой лавиной, и звук выстрела затихал в облетающем шорохе... А по утрам Кюлике подбирала простреленные листочки и собирала гербарий из этих подранков.

Кюлике жила вдвоём со своим отцом. Отец её был полковник милиции, алкоголик и дебошир. Возвращаясь со службы домой, он начинал свою ежедневную битву с Зелёным змием. И расстреливал наседавших на него со всех сторон чертей и прочих мелких бесов. В этот момент Кюлике обычно пряталась в холодном погребе, опасаясь, что отец перепутает её с одним из своих незваных гостей. А когда шум битвы стихал и отец, не выдержавший этого неравного боя, падал под старый дубовый стол, Кюлике брала в свои тонкие ручонки тяжелый отцовский браунинг и стреляла в окно...

Когда Кюлике исполнилось 13 лет, то отец решил устроить настоящий день рождения и позвал в гости своего старого приятеля капитана Моржухина. Моржухин был моложе, к алкоголю относился спокойнее, и к моменту расстрела чертей был ещё относительно трезв. Кюлике была зла на отца. Во-первых, она надеялась, что хотя бы сегодня он не напьётся, а если уж и напьётся, то, по крайней мере, не будет устраивать своё гнусное побоище на глазах этого молодящегося капитанишки, перед которым ей было страшно неудобно. Но капитан показал себя неожиданно благородным и деликатным, он сделал вид, что в стрельбе по чертям нет ничего особенного, и предложил Кюлике прогуляться в сад. Стояла удивительно тёплая осень. Луна пробиралась сквозь свинцовые омуты неба. Листья падали на плечи, листья шуршали под ногами, листья запутывались в золотистых волосах Кюлике, листья засоряли глаз своим бесконечным кружением, и ещё они гипнотизировали душу и приносили в сердце невыносимую тоску и жажду чего-то сладостно нового, желанного и неожиданного. Предусмотрительный Моржухин захватил с собой бутылку шампанского и переносной магнитофончик. Он предложил выпить за очаровательную Кюлике, которая совсем вскружила ему голову, за её

глубокие, как ночная бездна, глаза, за тонкие влекущие в пучину губы, за волосы, подобные золотистому солнцу. Кюлике уже поплыла под непривычным действием алкоголя, а Моржухин всё нёс и нёс столь сладкую для неё околесицу, и когда он включил музыку и пригласил Кюлике на танец, то она, казалось бы, попала в какую-то волшебную взрослую сказку... И Моржухин казался ей не стареющим и уже немного обрюзгшим капитаном, но могучим рыцарем, уносящим её из серости повседневного мира. Она прижалась к нему всем своим крохотным тельцем и, встав на цыпочки, неумело поцеловала, воображая себя героиней последнего фильма, а он подхватил её на руки и понёс к сарайчику, где хранилось сено для кроликов. Сено неприятно кололось, но пухлые и неожиданно нежные губы Моржухина, вбравшие в себя почти что всю маленькую грудку, сделали своё дело, и вскоре Кюлике уже ничего не замечала, кроме горячих волн, растекавшихся по её телу, изнывающему от первой мужской ласки. Умелые руки Моржухина расстегнули её ситцевую юбочку, и чередой поцелуев, проскользив от груди к подрагивающему животу и худеньким бёдрам, уткнулась в её детские трусики, толстый капитанский палец отодвинул их мокрую кромочку, и его горячий язык проник в задрожавшую от невиданной доселе истомы Кюлике. Моржухин умело изогнулся и пододвинул ручку своей маленькой любовницы к огромному, налитому, пахнущему чем-то противно-сладким... Кюлике тихонько сжала эту трепещущую мужскую плоть и стала ласкать так же, как это делала женщина в красном из одного развратного кинофильма. Их тела стали колыхаться в каком-то странно-извивающемся ритме, и вскоре струя горячей и липкой жидкости ударила Кюлике в худенькую шейку и она, вскрикнув от прилива жгучего блаженства, почувствовала, как что-то невообразимо прекрасное пролилось внутри неё, и нет на свете ничего лучшего, что могло бы сравниться с этим удивительным всполохом плоти...

Кюлике перестала стрелять по вечерам. Ласка выстрелов сменилась лаской мечтаний. Каждый вечер она ждала своего капитана, и они всё чаще и чаще предавались своим невинно-преступным играм. Но счастье, увы, недолговечно... В один из вечеров случилось то, что должно было случиться. Недопитый или, наоборот, перепитый полковник проснулся в разгар их непорочных ласканий и выпустил оставшиеся в обойме патроны в лысеющую голову Моржухина...

Полковник ничего не сказал на суде. И его приговорили к семи годам лишения свободы за непреднамеренное убийство. А Кюлике с тех пор замолчала. Она смотрела на своих собеседников добрыми внимательными глазами и молчала.

Осенью Кюлике часто набирала охапку опавших листьев, прижимала их к тонкому нервному лицу и плакала. Мир преломлялся сквозь хрусталик глаза и жемчуг слёз, и казалось, что на землю сошли облака...

Вскоре Кюлике переехала жить к своей тётке — Анне Юрьевне.

Коллекционирование — школа воли, рефлекс цели, имеющий огромное жизненное значение.

(Из трудов И.П.Павлова)

Предпочтение следует отдавать коллекционированию крыльев от сторевающих над керосиновой лампой мотыльков, причём собирать лучше всего левые крылья, потому что мотылек, подлетающий к огню правым боком, как правило, является вестником потусторон-

него дня, мотылёк же, подлетающий левой стороной, чаще всего бывает почтальоном потусторонней ночи.

Не возбраняется собирать разбитые сущности упавших чайных чашек. Для того, чтобы определить, в каком из осколков осталась сокровенная сущность чашки, следует бросить каждый из кусочков в тарелку с красным виноградным вином. Осколок, обладающий сущностью, невинен и потому не оставляет кругов на вине.

Позволительно также консервирование коньячных и ликёрных джинов. Для этого на выпитую бутылку коньяка надевается воздушный шарик. Бутылка подогревается на медленном огне (быстрое подогревание может привести к травмированию и даже преждевременной смерти джина). И после того, как джин покинет бутылку, следует завязать шарик суровой ниткой и трижды произнести неразвязную молитву «Во имя узла, свива и свитого духа».

Но увлекательнее всего заниматься филотенией (коллекционированием случайных теней). На нечаянную тень набрасывается тонкий лист пергамента и густой чёрной тушью закрашивается место тени. Скопированные таким образом тени надлежит хранить в сухом и прохладном месте, но не в холодильнике.

Эти и близкие к ним занятия оказывают благотворное влияние на характер ваших воспитанниц. Однако и не следует преувеличивать их роль, ибо, разумеется, они не являются панацеей от всех существующих в мире соблазнов.

Остаётся открытым вопрос: можно ли принять собирание чувственных наслаждений за один из видов коллекционирования? На наш взгляд, коллекция может состоять только из вещей сугубо материальных, и в этом случае речь может идти о фотографиях, видеозаписях, описаниях и т.п. Но в любом случае нужно всеми силами избегать этого псевдоколлекционирования, ибо оно приводит к профанации чувства и губительно для целостности личности.

(Из книги Сюзерена Тота «Влияние коллекционирования на душу населения»)

НА ТОЙ СТОРОНЕ МОРЯ

Петрович было не отчеством, но фамилией. Отец Микаэля был сербом, а для сербов в такой фамилии нет ничего необычного. Отец занимался починкой духовых инструментов и слыл в этой области специалистом высочайшего уровня. Злые языки утверждали, что он способен сделать заколдованный звук, который, вырвавшись на волю, убивает на своём пути всё живое, кроме летучих мышей и дельфинов. Петровича недолюбливали и побаивались, потому что он позволял себе прогуливаться по улицам города с ручной полевой мышью на плече, которая постоянно егозила, вставала на задние лапки, упираясь передними в шею, и целовала

Петровича в мочку уха. И еще потому, что он никогда не снимал свою широкополую шляпу и брился вечером, чтобы встретить день уже отросшей, полуторамиллиметровой щетиной. Вдова Валенская утверждала, что Петрович каждую ночь осеменяет свою любовницу-мышь при помощи тонкой соломинки и надеется на наследника. Говорили, что Петрович сказочно богат, что его помятая духовая труба состоит из чистого золота и что он может делать хлеб из конского навоза и производить навоз из рыбных костей.

Однажды к Петровичу обратилась жена Советского посла с просьбой отладить кларнет для своей дочери, и уверяют, что он начинил кларнет специальным приворотным звучанием, ибо чем же ещё объяснить вдруг возникшее желание посольской дочери брать уроки у старого мастера?

Петрович увозил Анну (так звали его ученицу) на берег лесного озера и там обучал её мудрости музыки.

«Звук, отражаясь от воды, приобретает новую силу и глубину, — говорил Анне мастер, — нужно только научить своё ухо отделять отражённый звук от шума ветра и шорохов леса. И если ты постигнешь чистоту неземных резонансов, то ты постигнешь всё. Когда же ты освоишь отражение звука от горизонтальной воды и научишься играть в темноте, то я дам тебе последний урок. Урок у подножия вертикальной воды...».

«Но водопад подавляет своим шумом любую музыку», — сказала, якобы, Анна».

«Во-первых, ухо мастера должно быть способно отключить шум любой природы, а во-вторых, это будет не водопад», — ответил Петрович.

И вот настало время, когда по лесу полетели первые паутинки, а чирки-хлопуны стали пытаться встать на крыло. «Теперь тебе нужно научиться хорошо нырять, — неожиданно сказал Петрович. — Бери камень и держись под водой до тех пор, пока не услышишь шум крови в висках. После этого всплывай, но очень медленно и осторожно, чтобы избежать кессонной болезни».

И уроки музыки сменились уроками подводного плавания. Вскоре Петрович был удовлетворён успехами Анны. «Пожалуй, пора. — сказал он. — Купи завтра две кислородные подушки в аптеке. Мы отправляемся в горы».

Петрович вёл Анну к озеру Утонувшего льда, которое располагалось высоко в горах. Рассказывают, что в незапамятные времена огромный ледник со страшной скоростью съехал в озеро и от падения этого горного айсберга уровень воды поднялся в озере сразу же на несколько метров. При этом под водой оказалась небольшая пещера, с не вышедшим наружу воздухом. Давление пещерного воздуха не позволило воде ворваться в этот каменный мешок, а давление воды удержало в нём воздух. Так под равновесием двух различных давлений и образовалась эта уникальная вертикальная граница двух сред. Уверяют, что здесь находится единственное на планете место, где существует вертикальная вода, не производящая шума. Именно здесь старые мастера духовой музыки посвящали своих учеников в последние тайны звука. Но женщина впервые переступила, вернее, перенырнула порог этого подводного склепа.

Вынырнувший влед за ней Петрович тут же открыл свою кислородную подушку, чтобы освежить спёртый застоявшийся и изрядно выдыханный воздух. После чего достал из тройной целлофановой обёртки кларнет и, взяв несколько глубоких нот, передал его Анне. В пещере было совсем темно, лишь еле-еле уловимый свет просачивался сквозь толщу воды, вертикальная стена которой казалась в этом свете золотой. Говорят, что Анна впервые играла там музыку собственного сочинения, и ещё говорят, что эта музыка была её первым объяснением в любви к старому мастеру, при этом непременно добавляют, что старый Петрович овладел прямо там же своей молоденькой ученицей. Она, якобы, стояла перед лицом золотистой водной стены и играла, а её

учитель тем временем обнял молоденькую кларнетистку сзади и проник в её ничем не защищённую святую святых своим старым уже давно позабывшим о женской плоти орудием. И якобы вскоре музыка начала меняться и из объяснения и клятвы в вечной любви она плавно перетекла в стенания дикой страсти и наконец вонзилась в толщу вод пронзительной нотой своего первого в жизни оргазма. Утверждают, что музыкальный оргазм, вырвавшийся из озера на свободу, размножился многоголосым горным эхом и долго оседал в расселинах, пещерках и ложбинках.

Когда беременность шестнадцатилетней Анны стала заметной, то её мать запретила любое общение со старым мастером, а вскоре и совсем увезла Анну в Россию.

Петрович после этого страшно затосковал. Он перестал бриться по вечерам. Пропил свою знаменитую шляпу и уже не выходил со своей маленькой мышкой на ежевечерние прогулки. И только раз в год он уходил к озеру Утонувшего льда, подныривал в свою тайную пещерку и изливал в ней тоску свою, играя на старенькой флейте. Говорят, что именно к этому дню стали стекаться к озеру высокогорные птицы, чтобы послушать это странное подводное дыхание.

На следующий день птицы улетали на Юг.

Будущая мать всё время должна помнить о том, что не только правильно организованное питание, но (и в значительно большей степени) правильно организованное звучание влияет на развитие вынашиваемого плода. Причём весьма существенно не только качество, но и разнообразие получаемых звуков. Обязательно включайте в свой рацион не только вальсы Шопена и концерты Рахманинова, но и старую скрипучую шарманку, и шум дождя по озёрной глади, и шорох падающих осенних листьев, и шелест снежинок, и шепот ветра, и гул далёких поездов...

(Из книги Микаэля Петровича «Вторая составляющая внутреннего ветра»)

Настоящий музыкант должен уметь произвести внутреннее темперирование окружающего шума.

(Из книги Микаэля Петровича «Звук как скрытая сущность воздуха»)

Различие между чистым музыкальным звуком и глубоким чувственным наслаждением только кажущееся, поскольку в обоих случаях затрагиваются одни и те же психологические струны. Другое дело, что органы восприятия здесь различны, и отсюда их разнесённость в межличностном пространстве.

(Из книги Микаэля Петровича «Распознавание неявных тождеств»)

Вот, казалось бы, два близких словосочетания: «Горное озеро» и «Озеро гор». Но как меняется их глубинная сущность! Разряд обыденности перетекает в возвышенность, величие и уникальность... Те же особенности можно наблюдать в именах собственных: одинаково звучащие имена могут носить абсолютно разный оттенок, в зависимости от того, являются ли они собственно именем, фамилией или отчеством, а также в зависимости от географии произношения...

(Из книги Микаэля Петровича «Преодоление идиоматики»)

НА ЭТОЙ СТОРОНЕ МОРЯ

После родов Анна долго болела, и родители отправили её в один из крымских санаториев. Стояла поздняя черноморская осень, с этим подвявшим виноградом на плохо убранных плантациях, с налетающими откуда-то с гор дождями, с йодистым запахом выброшенных штормами водорослей, с опустевшими пляжами и притихшими приморскими ресторанчиками. И эта тихая прозрачная крымская осень так хорошо гармонировала с грустным миром её исковерканной души... Так здорово было стоять на огромных солёных камнях, слушать ворчание волн под ногами и смотреть вдаль, туда, на ту сторону моря, туда, где остался её возлюбленный учитель, туда, где она была счастлива и любима, туда, где в толще горных вод всё ещё блуждает взволнованный звук из её кларнета.

На пустынном пляже расположилась колоритная пара: могучий фотограф-грузин с настоящим древним фотоаппаратом на треноге и его шуплый немного суетящийся спутник с бутылкой жигулёвского пива. Этот второй разыгрывал перед ней настоящую пантомиму, расхваливая качество их продукции и необходимость фотографии как предмета демонстрации московским подругам. Он был действительно очень талантливым мимом, и его весёлые кривлянья в конце концов покорили доброе сердце Анны, и она подошла к этим славным работникам кадра.

— Вот и хорошо! Вот и чудненько! Вы даже представить себе не можете, как Вам повезло! Мы сделаем для Вас превосходный портрет в великом ракурсе двух третей! — непрерывно балагурил шупленький мим. — Это будут не полицейские фас и профиль, но грациозный поворот головы и пряди волос на ветру, и непропечатанный шум моря... А если хотите, на обороте фотографии мы напишем стихи, которые я прочту в вашем сердце... Это будут не какие-то там плоские вирши на память, но ваши озвученные желанья и сокровенные мысли! Поверьте, сударыня, я ничуть не рисуюсь, мне просто открыт тайный мир телепатических токов, я читаю в ваших глазах глубинную боль очень близкой утраты. Скажите лишь строчку! Всего-навсего первую строчку. А дальше предоставьте всё стихии языкового пространства и его верному адепту, то есть мне.

Развеселившаяся Анна грациозно повернула свою голову, направляя её в диктуемый мимом ракурс, и прошептала:

— Там, на той стороне моря...

Мим смешно заводил глазами, начал что-то такое бормотать, покачивать головой, ходить кругами и через несколько минут, театрально выбросив руку вперёд, продекламировал:

*Там, на той стороне моря...
Есть страна, где рождается звук,
Волнам и ветру вторя,
Он с нежных слетает губ.
Где старый ваятель звука,
Мастер духовных труб,
Положит тебе на руку
Свой невесомый труд...
И будут слетаться птицы
На музыку древних слов,
И будет тревожно биться
В ладонях твоих любовь...*

Последние слова он уже не читал, но как бы пел, и Анне послышалось в этой тихой мелодии та музыка, которую оставила она в далёкой подводной пещере...

Она сидела на тёплом крымском камне, очарованная этими шершавыми и неровными, как черноморская галька, стихами. Колдовство так верно угаданной темы навалилось на неё своей загадочностью, и было как-то совсем невозможно уйти от этих странных знакомых. Она сидела, отхлёбывая тёплое пиво из галантно предложенной мимом бутылки, и купалась в лучах оседающего солнца, в отзвуках свежесочинённого стихотворения, в ровном гуле неторопливого мужского разговора.

Мим к этому времени уже успел потратить все вырученные за стихотворение деньги. На импровизированном столе дымились горячие татарские чебуреки, благоухал благородный «Мускат красного камня» и манили своей матовой свежестью грозди белого винограда. Фотограф Гиви, отмахиваясь от такого редкого явления для Крыма, как комар, бурчал сквозь прожёвываемый чебурек:

— Эты комары, слушай, совсем обнаглэлы! Сэгодня ночью пришёл одын, шумэл, шумэл. Я ему рукой и так махал, и так махал, а он шумит и шумит. Нэ какой совести нэт у проклятой мошка.

— Э, брат, комар — это ещё полбеда, а ко мне сегодня сон один пришёл, вот уж шумел, так шумел. Мне, понимаешь ли, Мировой булк приснился.

— Что это — Мыровой булк?

— Это, брат, такая штука, когда с самой высокой горы, в самое глубокое море кидается самый большой камень, и тогда происходит Мировой булк.

— Э-э, слушай, как на эту гору такой болшой камен тащит?

— Я откуда знаю. Это ж сон, Гиви!

— Я понымаю, что сон, но как ты во снэ-то его тащил?

— Вэртолётom.

— Вэртолёт такой болшой камэн нэкак нэ подымет.

— А это был самый болшой вэртолёт, — сказал мим, пародируя своего друга.

— Ка-26?

— Ка-114.

— Э-э слушай, нэт такого вэртолёта. Ест Ту-114, но это самолёт, понятно?

— Это здэс нэт, а там ест, понятно?

— Гдэ это там?

— На той стороне жизни...

Нужно обращать особенное внимание на события, так и не произошедшие. Поскольку в них остался один из вариантов нашей несуществлённой жизни.

(Из книги Микаэля Петровича «На той стороне жизни»)

Выбирая необходимый ракурс для съёмки, нужно обращать внимание не столько на то, что попадает в кадр, но в большей степени на то, что остаётся за рамками кадра, но присутствует в нём, как отражение в глазах, как память неотброшенной тени, как дыхание отдалённого ландшафта.

(Из книги Сюзерена Тота «Квадратура кадра»)

Возможно, небо — это просто предельное состояние мира, в котором остались лишь цвет и ветер.

(Из книги Бен Маколя «О пределе определения»)

Такие состояния, как тоска, грусть, беспричинная радость и ветренная беспечность, имеют общую природу и зависят от химического состава крови, однако, и это самое важное, химический состав крови также зависит от вышеперечисленных состояний.

(Из книги Григория Полумесяца «Физиология счастья»)

РАКОВИНЫ. ОСЕНЬ.

Может быть, действительно стоило пить несколько дней подряд, чтобы однажды утром уткнуться в эту серую нежность рассвета и с проникновенной тупостью осознать всю невозможную лиричность своего существования... И ещё эта долгая и густая тоска... Ведь вот, казалось бы, что ж: он, выдающийся молодой учёный, достигший в жизни ну как будто бы всего, к чему так стремился, ставший академиком в 43, почти что совершивший великое объединение, почти что получивший Нобелевскую премию, женившийся, родивший сына (дочь) и построивший дом... Почему же он так внезапно сорвался и уехал? Уехал к морю. Уехал в непривычном общем вагоне. Уехал, потратив за полуторадневную дорогу почти что все захваченные деньги (но зато напоил весь вагон, и какой-то ребёнок впервые в жизни попробовал настоящих раков... и эта старушка, забывшая вкус коньяка, которая так чисто выводила «лучинушку»).

Почему он однажды так радостно осознал себя этим мутным похмельным утром в образе весело суетящегося спутника возле степенного фотографа Гиви. И это странное запутанное лето, в котором он сочинял незатейливые вирши для желающих сняться на память... И эта простая и лёгкая работа поэта, дававшая хлеб и вино..., и этот шум моря по утрам... И эта нежная осенняя девушка, тоскующая о своём старом возлюбленном...

— Как вы думаете, Сюзи, если бы родились мыслящей ракушкой, о чём бы вы тогда написали стихи?

- О море.
— Прочитайте.

*Когда затихает пора штормов,
Когда приходится менять свой дом,
Потому что он становится мал,
И ты выходишь с открытым телом
В эту новую, смертельно опасную жизнь...*

*И этот странный глоток бытия вне дома
Опьяняет сильнее, чем сок черноморских водорослей.
И ты побеждаешь природную агорафобию,
Становясь на мгновение рыбой,
Парящей в прозрачных высотах
Пронзительно синего моря...*

— Эта ракушка очень похожа на Вас, Сюзи, или, быть может, это Вы похожи на ракушку...

— Выходите за меня замуж, Анна, и мы попробуем построить новый дом.

— Ах, Сюзи, не очень ли это опрометчиво — делать предложение после трёх-часового знакомства?

— Нет, Анна, это, наоборот, очень дальновидно и расчётливо. Ведь если девушка согласится на вот такое внезапное соединение судеб, значит она легка и безрассудна, а если при этом она потрясающе красива, то о чём же ещё мечтать выброшенной на берег ракушке?

— Мне не нравятся дальновидные и расчётливые люди, но я почему-то не в силах сказать вам нет.

Наступила пора штормов. Ракушки ушли в глубину. Пустые дома омывает прибой. Шуршит черноморская галька. Влюблённые, проходя по берегу, подбирают одинокие жилища и вдыхают в них музыку бесконечных блужданий. Дома обретают вторую жизнь. И маленькие дети, прикладывая раковины к уху, слушают шум моря...

Старые моряки сушат сети. Северные ветры оставляют соль на губах. Чайки кричат об ушедшей любви и исчезающей рыбе. Пустынная крымская осень.

(Из книги Михаила Погарского «Мера Моря»)

ДОКУМЕНТЫ

- Мне нужен новый паспорт, Гиви.
— Заграничный?
— Да нет. Зачем заграничный. Обычный российский паспорт.
— Э-э. Российский трудно. Грузынский могу сделать, украинский могу, а российский трудно. Бланков нет.

— Ну, хорошо, сделай украинский.

— Слушай, давай грузинский сделаю. Будешь настоящим грузином. Маму тебе придумаем, папу. И фамилию хорошую дадим. Кикабидзе, хочешь?

— Нет Гиви, фамилию я себе уже придумал и имя. Я хочу, чтобы меня звали Сюзерен Тот. Я так представился, понимаешь? Я не хочу, чтобы Анна подумала, будто бы я врал. Я тогда немножко кривлялся и фамилию придумал корявую. Но мы ответственны за свои слова, Гиви.

— Что это за фамилия такая — Тот? Тот, этот... Нэ-эт, грузину нэляз с такой глупой фамилией ходить. Придётся украинский делать.

— Э-э, слушай, а зачем тебе вообще паспорт, ты что, с нэю в ЗАГС ыдти собираешься?

— В том-то и дело, что в ЗАГС.

— Э-э, слушай! Как такое в ЗАГС? Ты что, жениться собрался?

— Получается, что собрался.

— Э-э! Как так жениться! Почему лучший друг о твоей свадьбэ последний узнал? Почему вина нэ пьём? Почему песня нэ поём?

— Всё будет, Гиви. И вино будет. И песни. Но сейчас мне нужен паспорт.

— Э-э, слушай, для сэрёзного дэла почему нэ сделать? Пойдём, дарагой, фотографировать тебя буду. Самый лучший плёнка для тебя заряджу. Такой тебе паспорт сдэлаем, лучше настоящего будет.

Иногда самые бесстрашные высекали на камне своё имя, но чаще всего это было второе ненастоящее имя, потому что произнести, а тем более высечь первое, означало подвергнуть себя смертельной опасности, поскольку враг мог стереть это имя с лица земли, а вместе с именем стирался и человек.

(Из книги Федерико Буанаротти «Обычаи и традиции древних Сигов»)

Паспортизация — введение системы паспортов, снабжение паспортами.

(Из книги Сергея Ожегова «Словарь русского языка»)

ПРОГУЛКА

Они шли по мокрому феодосийскому асфальту, взявшись за руки, и солнце, на миг проглянувшее сквозь низкие тучи, осветило на загорелой щеке Анны ямочку от улыбки.

— А ты приготовил мне свадебный подарок, Сюзии?

— Я подарю тебе самую красивую раковину, какая только есть на побережье.

— А она будет правда самая красивая?

— Ну, конечно.

— А если я приложу её к уху, то там будет слышен шум моря?

— Да. Там будет слышен шум моря.

— А ты не мог бы подарить мне ещё и флейту. Только мне нужна самодельная флейта. Мне нужна флейта, сделанная твоими руками.

— Я знаю, где растёт очень хороший бамбук.

*Облака приближают пространство неба...
Небо копирует сущность воды...
Мокрые листья лежат под ногами
На глянцевой фактуре осенней дороги...
И ты, по стечению дождевых обстоятельств,
Вдруг попадаешь в предел календарного бега,
В то предельное воскресенье, за которым кончаются дни...*

*Ты идёшь по границе вечернего цвета,
Полупьяный художник, фаворит сентября...
И в душе твоей та же густая завеса,
То же марево жизни на струях дождя...*

(Из сборника Сюзерена Тота «Фаворит сентября»)

ПЕТРОВИЧ МЛАДШИЙ

И хотя они носили разные фамилии: Анна Свирская, Сюзерен Тот, Микаэль Петрович, но это не мешало им любить и понимать друг друга.

По семейной легенде, Микаэль был зачат в далёкой горной пещере перед лицом вертикальной воды, под нежные звуки материнского кларнета. И это якобы повлекло за собой много важных последствий. Во-первых, здорово подмочило его репутацию (мнение бабушки). Во-вторых, не в меру размягчило характер (мнение дедушки). В-третьих, заронило поэзию в ещё не существующую душу (мнение матери). В-четвёртых, омыло свежестью будущий разум (мнение отчима).

Микаэль рос под строжайшим присмотром своей бабушки. Но уже с 7 лет начал проявлять полную неуправляемость и ужасную самостоятельность, отвергая все существующие авторитеты.

Начиная с 7 лет каждую осень Микаэль убегал к своему отцу в Сербию, и с каждым побегом цель становилась всё ближе и ближе.

Мальчик рос замкнутым и немного странным, его не интересовали никакие детские забавы, но он мог часами наблюдать за полётами ласточек, за падением снежинок, любоваться восходом луны или осенним листопадом, следить за тем, как распускается цветок или образуется морозный узор на окнах, сотни раз перечитывать одно и то же стихотворение...

Огромное влияние оказало на него знакомство с архивариусом Иваном Борисовичем, который открыл ему доступ в мир древних рукописей и старых фолиантов. Микаэль погрузился в причудливый мир становления письменности, в мир странных предвидений, пророчеств и откровений. Он, сам того не понимая, прикоснулся к древнему тайному знанию, и оно вошло в него как некая первозданная истина, не вызывающая никаких сомнений.

А ещё Микаэль очень любил своего немного странного отчима и часто беседовал с ним на далеко не детские темы. Они сидели в плетёных креслах на просторной веранде своего дачного дома и рассуждали, например, об энергии звука.

— Скажи, Сюзи, высокие ноты так режут слух, потому что они обладают большей энергией?— спрашивал у отчима Микаэль.

- Нет, малыш, энергия зависит от частоты только в квантовой механике, а в обычной жизни энергия определяется амплитудой.
- Что такое обычная жизнь, Сюзи?
- Ну, макроуровень.
- По твоему, мы живём обычной жизнью?
- В механическом смысле, да. А так — нет, конечно.
- Но о какой механике речь, если режет слух?
- Тогда о какой энергии речь?
- Внутренней энергии звука.
- Нет такого понятия.
- Но если я им пользуюсь.
- Тогда определи.
- Внутренняя энергия звука — это мера красоты или противности его воздействия на слух человека.
- Законы физического мира не подчиняются ни красоте, ни противности.
- Пока не подчиняются.
- Что значит пока?
- А ты не допускаешь, что конечная истина может зависеть от времени?
- Что-что? А это, чёрт возьми, любопытно? Хм. Я подумаю над этим, малыш.

В кругах научной общественности бытует широко распространенное мнение, что природные закономерности не изменяются с течением времени. Однако этот факт совсем не очевиден. Свойства мировой материи вполне могут зависеть от времени. И материя, подобно обычным материалам, может обладать усталостью, стареть, изменять свою структуру под действием всеобщих нагрузок. И если никого не удивляет положение о том, что время — это форма существования материи, то почему бы не допустить и обратного положения, что материя — это форма существования времени? Но тогда возникает резонный вопрос: а могут ли существовать иные, нематериальные формы времени? Да. Безусловно, могут. Одна из таких форм — сознание. Сознание — это шаткая, постоянно меняющаяся форма времени, не подчинённая никаким закономерностям. Время может (условно выражаясь) «ежесекундно» умирать и рождаться в сознании, течь «одновременно» и вперёд, и назад, стоять на месте и длиться, достигать нуля и бесконечности в одной и той же точке.

(Из книги Сюзерена Тота «Великое разъединение»)

ДРУГОЙ РАЗГОВОР

- Послушайте, дядя Сюзи, я слышал от бабушки, что до того, как познакомиться с моей матерью, ты был академиком и вплотную подошёл к созданию единой теории поля.
- Э-э, нет, малыш, я сначала отошёл от этой проблемы, а уже потом познакомился с твоей матерью.
- Но почему?

- Потому что она была очень красивая и очень лёгкая.
- Да нет, почему ты перестал заниматься физикой?
- О-о... Это такая бездна, малыш... В какой-то миг мне стало очень страшно, а потом очень скучно.
- Ты испугался, что человечество применит твои открытия для оружия?
- Да нет, малыш, не только. Дело в том, что эти открытия становились ключом к полной власти человека над материей. То есть, он смог бы обрести почти божественную силу. Становилось возможным второе творение, понимаешь?
- Но, дядя! Ведь это же!.. Впрочем, конечно... Но почему же вдруг скучно, дядя?
- Предельные знания всегда несут за собой скуку, малыш. А потом я понял, что есть вещи поважнее творения.
- Какие же это вещи, дядя Сюзи?
- Любовь... Жизнь...

Именно сами основы квантовой механики стали препятствием для создания единой теории поля. Следует отказаться от принципа квантования энергии, но ввести в рассмотрение при переходе с одного энергетического уровня на другой отрицательное время. Именно с учётом отрицательного времени возможно создание единой системы уравнений, описывающей все четыре известных на сегодняшний день взаимодействия. Впрочем, косвенные данные допускают существование пятого взаимодействия, выпадающего, однако, за рамки материального мира.

(Из книги Сюзерена Тота «Приближение к богу»)

Остаётся открытым вопрос, способна ли человеческая воля влиять на протекание физических законов внутри организма и близлежащих к нему физических полей? Опыты левитации показывают, что человек в состоянии изменять действие гравитационных сил. Не вызывает сомнения, что люди способны управлять и электромагнитными полями внутри себя. Но ещё более удивительны последние статистические данные, касающиеся здоровья людей, подверженных сильному радиационному излучению. Оказалось, что известны случаи срабатывания полного иммунитета на радиацию. То есть, организм проводил работу не только на уровне очищения клеток, но и на уровне восстановления повреждённых атомов. Вполне возможно, что именно посредством пятого взаимодействия и протекало вмешательство, изменившее действие сильных и слабых сил.

(Из книги Сюзерена Тота «Поле воли»)

КАЛЕЙДОСКОП

В день совершеннолетия Микаэля в их доме появилась Кюлике. Вместе с ней пришла какая-то страшная тайна, какая-то тёмная история с убийством любовни-

ка, какая-то трагедия с осенними листьями и алкоголиком-отцом. Но Микаэля в то время не очень-то волновали чужие судьбы, его гораздо больше интересовали симметрии и цветные стёкла.

Сюзерен подарил ему на день рождения шесть больших зеркал, и Микаэлю не терпелось поскорее закончить этот дурацкий праздничный обед, чтобы тут же приступить к постройке гигантского калейдоскопа...

И тут, движимый каким-то добрым порывом, он предложил Кюлике помочь ему в этом сугубо сокровенном занятии. Но она так посмотрела на него, что Микаэль вдруг почувствовал всю ничтожность гигантского калейдоскопа по сравнению с чёрным калейдоскопом её замутнённой жизни...

Дни проходили за днями. Микаэль большую часть времени проводил около своего любимого разноцветного аппарата, дед ворчал о бессмысленном существовании современной молодёжи, Кюлике сидела в своей комнате, словно мышка, и рисовала простреленные осенние листья.

Но вот однажды она подошла к погружённому в свой калейдоскоп Микаэлю и, осторожно потянув его за рукав, взглядом попросила посмотреть.

Причудливый мир бесконечно изменяющихся узоров неожиданно оглушил её, и что-то с этого мига поменялось в её помутневшей душе.

С этого дня Микаэль и Кюлике подружились. Микаэль не лез к ней ни с какими вопросами, и она была ему за это благодарна. Теперь Кюлике иногда произносила отдельные слова: «красиво», «пора», «спасибо»...

Микаэль рассказывал ей длинные средневековые истории, вычитанные в старом архиве, и предлагал вместе уехать в Сербию к своему отцу. «Там война, — говорила Кюлике, — я не люблю звука выстрелов».

Как-то раз они нашли в саду ворону с перебитым крылом и вылечили её. «Я похожа на эту ворону, — сказала Кюлике, — только её раны заживают быстрее».

Организация пространства при помощи зеркал и цветных стёкол может показаться обычной детской забавой. Но вот весьма любопытные статистические данные, собранные моим отчимом Сюзереном Тотом: «Люди, никогда не смотревшие в калейдоскоп, в 10 раз чаще подвержены световой идиосинкразии, чем люди, проводившие в детстве у калейдоскопа от 10 минут до нескольких часов».

Рассматривание изменяющихся узоров может оказывать положительное воздействие не только на психику индивидуума, но и на развитие повышенной цветовой чувствительности, что ведёт, в свою очередь, к внутреннему обогащению и приумножению линий эстетического спектра в ежедневном восприятии мира.

(Из книги Микаэля Петровича «Соитие цвета»)

МАВРИК

А потом в их доме появился Маврик. Это был какой-то четвероюродный брат Микаэля по материнской линии. Маврик был слепоглухим от рождения. И 12 лет прожил жизнью подвижного растения, которого кормили, поили и одевали любящие, но недалёкие родители. Но вот однажды родители попали в аварию и их в тяжелейшем состоянии увезли в больницу. Так Маврик очутился в их доме.

Сюзерен долго шумел и возмущался воспитанием Маврика, а потом, вооружившись трудами Ильенкова и Мещерякова, стал приучать несчастного калеку к самостоятельным действиям и всеми силами пытался достучаться до его разума.

Впервые в жизни Маврик почувствовал в своей жизни какое-то неудобство. Окружающая среда, снабжавшая его раньше всем необходимым, вдруг стала сопротивляться. Он осознал, что те заботливые дружеские руки, которые кормили его, мыли, причёсывали и нежно гладили по волосам, вдруг куда-то исчезли. Он оказался в каких-то новых чужих руках, холодных и неумелых. Маврику пришлось самому научиться подносить ложку ко рту, самому одеваться и умываться... И вдруг он понял, что эти странные руки пытаются что-то объяснить ему, пытаются достучаться до его сознания и о чём-то спросить его. Вскоре Маврик догадался, что определённое сочетание длинных и коротких пожатий обозначают еду. А другое сочетание — воду. И с тех пор, когда ему хотелось есть или пить, он просил об этом новым и таким удивительным способом. Через некоторое время Маврик изучил сигналы тепла и холода, жёсткого и мягкого, жидкого и твёрдого, он научился просить расчёску, японские железные шарики, детскую пирамидку и множество других необходимых предметов. Однажды Маврик с удивлением узнал, что чередование пожатий может быть заменено таким же чередованием прорезанных на листе бумаги точек, и он понял вдруг, что этим способом можно общаться, не имея поблизости собеседника.

Следующим поразительным открытием было то, что одно и то же чередование точек может встречаться в самых различных предметах и действиях. Собственно, различных чередований было всего-навсего 40 и, комбинируя их, можно было составить образ любой вещи или движения. А потом оказалось, что существуют целые книги, написанные таким способом совсем незнакомыми ему людьми.

Однажды он ощутил какое-то новое и совсем незнакомое прикосновение. Кто-то ещё, помимо его друга и учителя Сюзи, пытался установить с ним контакт. Маврика, неизвестно почему, пронзила странная дрожь, и, отвечая неизвестному собеседнику, он постарался вложить в свои пальцы всю нежность, на какую только он был способен. Получив разрешение «осмотреть» своего нового знакомого, он обнаружил очень длинные и тонкие волосы, худенькую подрагивающую шею, острые плечики под очень гладкой материей и неожиданные какие-то мягко-упругие припухлости в районе груди, от прикосновения к которым его собеседник неожиданно отпрянул и убежал, а сам Маврик вдруг ощутил какое-то сладкое напряжение в том месте, откуда из него вытекала отработанная вода. Маврик долго спрашивал о своём новом знакомом у Сюзи. И выяснил, что это было существо, хотя и очень похожее на него, Маврика, но другое. Это существо как бы дополняло таких, как Маврик. И соединившись вместе, они могли сделать ещё одно существо, которое явилось бы их продолжением во времени.

Вскоре это новое существо появилось опять, и Маврику было дозволено продолжить осмотр, но когда его руки опять попытались коснуться припухлостей в районе груди, то их вовремя очень настойчиво, хотя и нежно остановили; другой запрет Маврик обнаружил в районе междуполия, хотя это место как раз больше всего его и интересовало, поскольку он уже знал от Сюзи, что именно здесь происходит различие от соседнего с ним существа. Сначала новая знакомая (теперь Маврик знал, что надо сигнализировать «знакомая», а не «знакомый») довольно плохо понимала его, но с каждым днём их общение становилось всё разнообразнее и интереснее. Знакомую звали Кюлике, и она тоже жила в этом доме. Однажды Маврик предложил ей соединиться, чтобы продолжить себя во времени, если, конечно, она знает, каким

способом это делается. После чего она опять почему-то бросила его руку и убежала. Маврик попытался выяснить причины столь странного поведения у Сюзи, но тот нёс какую-то непонятную околесицу о какой-то любви и уверял, что лишь при взаимной любви можно совершать подобное продолжение, а кроме того, говорил Сюзи, необходимо сначала достигнуть совершеннолетия.

Но через некоторое время Сюзи привёл какое-то новое соседнее существо (Сюзи называл их женщины) и сказал, что если хочу, то я могу соединиться с ней для своего продолжения во времени. Но от этой женщины веяло таким холодом и ещё так невкусно пахло, что у меня не возникло никакого желания воссоединения с ней. И всё же я удовлетворил своё любопытство, основательно исследовав женские припухлости и междуплодие. У этой женщины припухлости в районе груди были значительно больше, хотя и не такие упругие, как у Кюлике. А между ног у неё не было такого отростка, как у Маврика, но существовала влажная и скользкая расщелинка, от которой исходил довольно резкий запах. Сюзи просигнализировал, что для соединения, нужно ввести мой отросток в это отверстие. Но мне почему-то стало от этого очень противно, и я наотрез отказался. По-моему, я начинаю понимать, что такое любовь, о которой так долго твердил Сюзи.

Вечером я сказал Кюлике, что, наверное, люблю её, а она вся как-то задрожала в ответ, и какая-то горячая капля упала мне на руку. Когда я слизнул эту каплю, то почувствовал, какая она солёная. Я спросил у Кюлике, откуда взялась эта капля, а она опять почему-то бросила мою руку и убежала.

Когда я стал расспрашивать об этом своего учителя, то он вдруг сказал мне, что я совсем не такой, как он, как Кюлике, как другие. Оказывается, люди, все остальные люди, умеют общаться не только при помощи рук, но и ещё какими-то странными способами, которые учитель называл слух и зрение. И тогда я понял, что для Кюлике Маврик всего лишь жалкий уродец, к которому она ходит из обычного сострадания, а не от подобного моему влечения и интереса. Мне стало очень плохо и почему-то захотелось больше никогда-никогда не встречаться с ней. А когда она на следующий день взяла меня за руку, то я отдёргнул свою и не стал ей ничего объяснять.

Я понимаю, что слепоглухота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их — больше она не делает ничего.

(Э.В. Ильенков из письма к А.В.Суворову)

Я долго пытался понять, что такое музыка, живопись, кинофильмы. Но, видимо, мне этого так и не удастся постигнуть. Я понимаю, что музыка — это некоторая интерполяция ритмических ударов, что живопись — это плоская скульптура, а кинофильм — это движение плоских фигур, но такое понимание не даёт мне постижения той радости, которое нормальные люди испытывают при прослушивании музыки или при рассматривании картины. Впрочем, как я выяснил, далеко не все нормальные люди способны испытывать радость от музыки и от живописи.

(Из записок Маврикия Свирского)

ЛЮБОВЬ

— Ах! Дядя Сюзи, что вы такое наговорили про меня Маврику? Почему он сегодня не захотел со мною общаться?

— Да не про тебя! Про него.

— Про него?

— Ну, я сказал ему о его ущербности!

— Да как... Да как же Вы могли... Да ведь он! О боже мой! А я-то, дура!

— Когда-нибудь он должен был об этом узнать.

— Но ведь ему, наверное, так плохо сейчас.

— Ну почему уж обязательно плохо? Ну, вот представь себе. Если бы ты познакомилась с ангелом. И через какое-то время он сообщил бы тебе, что умеет видеть сквозь стены. Разве тебе было бы очень плохо от этого?

— Но тут же совсем другое. Если бы я была одна среди ангелов, наверное, мне было бы очень плохо.

Кюлике схватила Маврика за руку и решительным шагом потащила его куда-то в самую глубь их огромного сада.

— Куда ты ведёшь меня? — просигнализировал Маврик.

— Не спрашивай, лучше иди за мной.

— Я, наверное, противен тебе?

— Дурачок. Ты самый лучший на свете. Просто это я. Я должна рассказать тебе. У меня был любовник. Ну, почти любовник. До самого последнего у нас с ним так и не дошло. Зато всё остальное было. И было в избытке. Вот. А когда мой отец. Когда мой отец увидел нас, то он застрелил его. Вот. Теперь я тебе всё рассказала. И теперь, если я тебе не противна, то поцелуй меня.

— Как это, поцелуй?

— А вот так, — сказала Кюлике и припала к губам Маврика долгим и нежным поцелуем.

Наконец-то для рук его не стало никаких запретов. И он ощутил в своих тонких чувствительных пальцах её нежные упругие груди, на которых налились маленькие трепещущие сосочки. Маврик проскользил рукой по тёплому подрагивающему животу и ниже, под немного колкую шерстяную юбочку, к этой влажной разгорячённой расщелинке и вдруг ощутил её ручку на своём набухшем внезапно отростке, и прямо через него, а не через руку, как обычно, получил разрешение соединиться с ней навсегда. И тут он внезапно ощутил в этом месте до невозможности сладкую истому и пролился, выплеснулся наружу, оставляя свои продолжения не Кюлике, а Земле.

Отросток бессильно повис между ног его, и Маврик испугался, что теперь уже никогда он не сможет соединиться со своей любимой, но она успокоила его, сообщив, что всё так и должно быть и что скоро он снова обретёт силу. Ему вдруг нестерпимо захотелось поцеловать Кюлике прямо в расселинку, и он, опустившись на колени, припал к ней горячим пронзительным поцелуем. И тогда Кюлике, акку-

ратно переступив ему через голову, подставила для поцелуев оба своих отверстия, а сама, наклонившись, припала губами к его вновь обретающему силу отростку. Вскоре, когда Маврик уже плохо себя контролировал, она вдруг ускользнула от губ куда-то вперёд, но через мгновение вернулась к нему, навинчиваясь своим телом на стоящий, как кол, отросток, и, почувствовав лёгкую блаженную боль, Маврик вошёл в неё и снова пролился в бесконечно-прекрасной истоме.

Есть состояния, в которых слепоглухие несомненно богаче, чем люди, обладающие всеми пятью органами чувств. Одно из таких состояний — соединение полов.

Широкомасштабные исследования показали, что большинство людей в процессе полового сношения непроизвольно закрывают глаза. И это не случайно. Пропаганда и восхваление сексуальных контактов с открытыми глазами глубоко ущербны, поскольку включение в общую цепочку наслаждений зрительного восприятия существенным образом снижает восприятие сенсорное, на которое самой природой возложена максимальная доля блаженства. У слепоглухих людей подобной проблемы просто не возникает. И более того, у них настолько обострены и развиты органы осязания, что их чувствительность позволяет намного превысить сексуальные удовольствия полноценного человека.

(Из книги Сюзерена Тота «Дактильные исследования сопредельных движений»)

В ТЕНИ ТИСОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

И всё-таки они отправились в путешествие. Пускай не в Сербию. Но хотя бы в Крым, туда, где когда-то познакомились мать и отчим... А потом нужно же было «показать» Маврику море.

Микаэль уже довольно неплохо освоил дактильную азбуку. И часто, сидя в тени тисовых деревьев, они «болтали» с Мавриком об окружающем мире.

— Как думаешь, Микаэль, за что мне — такое счастье? Ведь ещё два года назад я жил, как бездумное растение, а теперь у меня есть друзья, есть огромный беспредельный мир, есть самая лучшая на земле возлюбленная... За что?

— Счастье не бывает «за что». Я так думаю, нету там никаких таких мер и весов. И миром правит только случай.

— Нет. Я не согласен. Мой мир направил в нужное русло дядюшка Сюзи. Какой же здесь случай? Это было желание его и его доброта. Понимаешь, конечно, я уже что-то такое знал о мире. Об окружающих формах, о боли, о голоде, о жажде, но я не мог даже и подозревать о существовании абстрактных понятий, таких как дружба, ненависть, любовь, наконец. А он сумел достучаться до меня, он научил меня языку, а вместе с ним и мышлению. Я был так поражён, когда узнал о большом мире. И каждый день мне несёт новые потрясающие открытия... Кто знает, Микаэль, может быть, существуют ещё и какие-то другие органы чувств. Может быть, есть существа, не видимые простому глазу и не осязаемые на ощупь. Но одни

из их и наших органов чувств всё-таки пересекаются, например, они способны издавать и ощущать запахи. И может быть, кто-то из них уже давно пытается достучаться до нашего мозга, а мы упорно игнорируем все их попытки?

— Всё может быть. Но ты-то всё-таки часть нашего естественного мира, а то, о чём ты говоришь, это уже какие-то запредельные дебри.

— Я-то, конечно, часть вашего мира, но вы-то для меня уже какие-то сверхчеловеки! А вот представь себе: две различных популяции. Одна обладает только зрением и слухом, а другая только осязанием и обонянием, хотя мышление их развито примерно одинаково. Ну скажи, как они смогут общаться.

— Ну, зрячие изучат тактильную азбуку на глаз и будут передавать послания по образу и подобию осязателей. Но ты фантазируешь. Органы чувств формируются под воздействием окружающей среды. И то, что природа обделила тебя, — всего лишь странный её каприз.

— Но неужели ты не допускаешь, что существуют места, где совсем другая окружающая среда?

— Не знаю, Маврик. Допустить можно всё, что угодно. Но что даст нам это допущение, вот в чём вопрос!

— Как что? Надежду! Надежду на то, что мир беспределен не только в пространстве и времени.

— Хм, любопытно. А в чём же ещё?

— Ну, я не знаю..., допустим, в любви и смерти...

Нельзя отказывать в возможности существования разума в различных сколь угодно странных проявлениях. Если допустить, что до нашей вселенной существовала какая-то другая, то вполне вероятно, что на очень высоких стадиях развития разум, предвидя вселенскую катастрофу, «переселил» себя в нематериальные или, по крайней мере, неорганические состояния. И вполне возможно, что реликтовое излучение, например, обладает разумом некоей древней вселенной. Другое дело, что способы общения с этим разумом крайне затруднены.

(Из книги Маврикия Свирского «Допуски и допущения»)

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Оказалось, что их соединения нужно хранить в тайне ото всех, даже от Микаэля. Маврик чувствовал в этом какую-то внутреннюю правильность, но мозгом не понимал. Впрочем, возникающие препятствия делали их соединения ещё желаннее и насыщеннее... Обычно это происходило по вечерам. Кюлике уводила Маврика вдоль побережья в небольшую закрытую со всех сторон бухточку, и они сливались в единое целое, лёжа на мягком черноморском песке. Солёные волны иногда доставали до их ног, а однажды вода окатила их почти до груди, и Маврик долго слизывал потом солёные капельки из ложбинок тела своей любимой.

— Расскажи мне про звёзды, Кюли.

— Звёзды? Я не знаю... Говорят, это огромные огненные шары, гораздо большие, чем вся наша Земля, но я их вижу маленькими светящимися точками на чёрном небе.

— Так занятно: ваши глаза всё время путают размеры, а для рук этой проблемы не возникает... Там должна быть большая медведица. Помнишь, как мы гладили медведицу в цирке? Она была такая большая и такая мягкая...

— Нет, звёздная медведица совсем другая. Это просто семь ярких точек, по форме напоминающих ковшик. Говорят, что там есть ещё какие-то звёзды и если их все собрать, то получится немного похоже на медведицу, но остальные звёзды маленькие, и их невооружённым глазом не видно.

— Как ты думаешь, Кюли, может быть, и мои глаза когда-нибудь будет можно вооружить?

*Наверное, звёзды — это и в самом деле большое скопление огня,
Но для всех они просто лучистые точки...
А для меня звёзды — это, прежде всего, запах моря,
Это вкус женской кожи, омытой морской волной,
Это мягкий песок, обнимающий мою спину,
И нежное пожатие тонких пальцев, и ещё
Это память о большой медведице, которую
Я когда-то погладил в цирке...*

(Из сборника Маврикия Свирского «Ощущение звезды»)

ПРОЗРЕНИЕ

Кюлике проснулась вдруг от странного гортанного крика, который вырвался из комнаты Маврика. Она бросилась к нему, чуть не запутавшись в своей длинной ночной рубашке, и застала Маврика сидящим на кровати с полной опустошённостью, которая чувствовалась во всей его фигуре.

— Что случилось, Маврик? — просигналила Кюлике в его руку, по которой, помимо её сигнала, колыхалось сумасшедшее биение пульса.

— Я прозрел! Кюлике... Я вдруг на какое-то мгновение увидел и услышал мир. Огромный разноцветный мир, с жёлтым песком, синим морем, белыми чайками и пронзительно голубым небом... В моих ушах раздавались шум прибоя, крики птиц и ещё... наверное, это была музыка, да-да, конечно, музыка. Я был настолько поражён всем этим, что вдруг закричал (оказывается, я умею кричать, Кюлике), я закричал, и тут же всё пропало... Я снова оглох и ослеп...

— Это был сон, Маврик! Это был обычный сон. Я читала, что слепые могут видеть нормальные сны. Видимо, что-то такое переключилось в твоём сознании, и оно вытащило какую-то картинку из твоей генетической памяти. И это здорово, Маврик!

— Сон?.. А как ты думаешь, Кюли, мне сможет ещё раз присниться какой-нибудь сон?..

С тех пор Маврик начал видеть сны.

Многие вещи были мне непонятны. Я воспринимал их всего лишь как названия. Но это было до эпохи сновидений. Мир моих снов был настолько ярче и богаче реальности, что я старался уйти в него как можно чаще. Со временем я научился управлять своим поведением во сне. Я заметил, что там действуют совсем другие законы, чем те, которые работают в реальном мире и о которых я знал из книг. Например, во сне, если ты хочешь что-то рассмотреть поближе, то ни в коем случае нельзя концентрировать своё внимание на этой вещи, в этом случае то, что ты рассматриваешь, просто исчезнет. И поэтому нужно, наоборот, как бы убежать от неё взглядом, стараться выбросить её из поля зрения, но в то же время и не задерживать взгляд ни на чём остальном. То же самое касается законов сновидческой борьбы. Чем больше ты поддаёшься своему сопернику, тем ближе твоя победа. И вообще управление сном, по сути дела, сводится к неуправлению собой. Чем больше ты отдаёшься власти сна, тем больше он тебе открывает и дарит.

(Из книги Маврикия Свирского «Обретение внутреннего зрения»)

ПРОТИВ ВРЕМЕНИ

Микаэль купил себе брезентовый рюкзак, отрастил бороду и целыми днями пропадал где-то в горах.

— Э-э, Микаэло, слушай, что ты там бьщешь в этих горах? — спрашивал его старый фотограф Гиви. — Твой отэц, вино пил, пиво, стих писал женщинам. Весэ-ло жыл. Хорошо.

— Он мне не отец, дядя Гиви, сколько раз говорить.

— Э-э, слушай, муж твоей матери, зачем не отэц? Он тэбя вырастил. Он тэбя жить научил. Он тэбе частичку своего сердца отдал. А ты говоришь, нэ отэц...

— Это всё так, дядя Гиви, но у нас с ним разные гены.

— Кто это такое гэны?

— Ну, наследственность. То, что формирует наш характер, наше поведение, инстинкты.

— Э-э, слушай, какой-то скучный у тэбя наследственность. Вино нэ пьёшь. Женщину нэ любишь. Целый дэнь всё в горах и в горах. Вот посмотри на меня. Двадцать пять лэт здэсь живу и нэ разу в эти горы нэ лазил. Зачэм?

— Ну что вы, дядя Гиви, там так красиво. Там такой простор... Тишина... Небо.

— А по мнэ — жэнщина, вот что красиво... А простор... Зачэм мне простор, если у мэня есть свой дом? И зачэм тишина, если есть хорошая песня? Пойдём лучше со мной на пляж. Дэвушек поснимаем, вина хорошего выпьем. Отдохнём как люди.

— Да я ещё не устал, дядя Гиви.

— Э-э, слушай, чтобы отдохнуть, совсем нэ надо сначала устать. Чтобы хорошо отдохнуть, сила нужна, здоровье, а уставшему чэловеку какой-токой отдых? Уставший человек обычно спать хочет, ему уже нэ до этого.

— То, о чём Вы говорите, дядя Гиви, это всего лишь наслаждение, раздражение рецепторов удовольствия.., но для меня в этом нет никакой радости. Для меня радость в том, чтобы, обдирая в кровь руки, рискуя свернуть себе шею, донельзя напрягая свои мышцы, забраться на, казалось бы, совсем неприступную гору и, подставив лицо горячему летнему ветру, увидеть огромный мир, распластавшийся у твоих ног.

— Э-э, дорогой, завоевать сэрдце иной жэнжины порой куда труднее, чем забраться на твою гору. Просто ты ещё не знаешь, какую радость может доставить всего-навсего один её взгляд. Удовольствие что. Удовольствие можно пойти вон в нашу баню — дэньги заплатил: получай, сколько хочешь. Э-э, да что с тобой говорить! Пасматри, что в мире происходит! Люди космический ракета построили, на луну уже даже лэтают, электронные машина сдэлали, тэлевизор, фотопарат... Это твой пра-прадедушка по горам лазил. Ему кушать нужно было. Он там горный баран ловил. А тебе зачем? Ты что, Микаэло, решил против времэни повэзнуть?

— Видимо решил, дядя Гиви.

Я никак не могу понять смысла якобы улучшающихся условий человеческого существования. Человек настолько усложнил себе жизнь, что значительную часть времени тратит на то, чтобы научиться управлять всевозможными приборами, которыми он себя окружил. Другую часть времени он тратит на то, чтобы заработать деньги для приобретения новых самых лучших, самых последних машин и приборов.

Утомлённый и выжатый, как лимон, после долгого трудового дня он садится перед новейшим телевизором, оснащённым спутниковой антенной, и тупо щёлкает, переключая каналы, накачивая свой и без того перенасыщенный мозг совершенно ненужной ему информацией. Современный человек не видит радости в том, чтобы помолоть себе кофе на ручной меленке-кофемолке и сварить его на противне с крупным речным песком. Он предпочитает выставить восемь начальных условий на странной чёрной машинке и, нажав кнопку, через 10 секунд получить оттуда порцию кофе.

Мне кажется, что обычные удобства, перерастая в сверхудобства, снова становятся неудобством.

(Из книги Микаэля Петровича «Дискомфорт комфорта»)

ЭНЕРГИЯ СТЫДА

Однажды Микаэль, перевалив через хребет Эчки-Даг, спустился к морю. Его удивлённому взору предстало великое множество совсем обнажённых людей. Они жили обычной жизнью отдыхающих: купались, играли в волейбол, загорали, готовили обед на походных примусах, пили виноградное вино и совсем не обращали внимания на свою наготу.

Это было ново для Микаэля и по-неуютному необычно. «Что-то во всём этом есть слишком передовое и глубоко неправильное, — подумал Микаэль. — Утрата

стыда. Собственно, стыд-то и сделал человека человеком. Когда человек впервые сделал одежду, прикрываясь от холода, он ещё мало чем отличался от своих обезьяньих сородичей, но когда он осознал своё тело как некий сосуд, содержащий и прячущий душу, то уже и сам сосуд посчитал некоей тайной, сокровенной юдолью и почёл за лучшее прикрыть её. Человеку было стыдно за своё несовершенство, и он изо всех сил старался не выставлять его напоказ. Конечно, тела древних эллинов или современных негров из африканских джунглей приближаются к определённой гармонии, и их, пожалуй что, незастенчиво выставлять на всеобщее обозрение, но тело горожанина XX-го века... Боже мой, обрюзгшие животы, обвислые груди, и всё это вот так... без стеснения...»

Его размышления были внезапно нарушены молодой загорелой блондинкой, опровергающей своей фигурой все его мысли об ущербности современных горожан.

— Только что приехали?

— Что? А, нет. Я через горы. Сегодня же назад.

— В первый раз здесь?

— Что? А, да.

— Мне тоже сначала казалось как-то дико всё это. А потом я подумала — а чего стесняться? Зато так приятно подставить всю себя этому морю и солнцу.

— Вам-то действительно... Но если вот так. Если начать с тела. Тогда дальше-то и мысли, и душу надо открыть нараспашку.

— Почему бы и нет? Я и мыслей своих не стыжусь.

— Да? Ну, тогда поделитесь?

— Хм. Вот сидит человек, который почему-то мне очень симпатичен. Сразу видно, что он какой-то не такой. Что-то в нём есть притягивающее, волнующее. Кажется, я ему тоже немного понравилась, однако он меня почему-то боится. А ещё я с удовольствием ушла бы с ним в горы, потому что уже устала валяться на этом раскалённом песке.

— Вы действительно мне очень понравились. И если вы говорите правду, если вы не шутите надо мной, то я... Я был бы очень рад...

Её звали Маринка. Не Марина, а именно Маринка (как горную рыбку, шутила обычно она).

На сложных подъёмах Микаэль протягивал ей руку, и каждое её прикосновение вызывало в нём неведомый доселе трепет. Пробираясь по узким тропинкам, Микаэль рисовал себе картины предстоящей ночёвки: «Я замёрзла, — скажет она из своего спальника. — Согрей меня, пожалуйста». И он заберётся к ней в спальник и нежно погладит её по щеке, а она вдруг прижмётся губами к его ладони...»

— Уф, жарко, — сказала она.

— Сейчас будет небольшая горная речка. Там есть такая каменная ванна, очень глубокая. А вода там ледяная, дольше минуты не просидишь.

Маринка сбросила с себя рубашку и шорты и с визгом грохнулась в ледяную воду. Микаэль медлил. Было неудобно купаться при Маринке в плавках, а без них было ещё неудобнее. И всё же, решившись, он, быстро сбросив одежду, тут же плюхнулся в речку. А когда они выскочили на нагретые солнцем камни, Микаэль вдруг осознал, что стоит перед ней с возбуждённым от всей этой ситуации членом и поскорее бросился к одежде, чтобы прикрыться. А она весело хохотала над ним, и, когда он повернулся к ней спиной, вдруг обняла его сзади и нежно поцеловала в шею и в мочку уха, и, разворачивая голову, в губы... Микаэль, задрожав от неведомого донныне восторга, развернулся, прижимаясь к ней всем телом, а её рука уже направляла его, и Микаэль вдруг почувствовал такое неистовое возбуждение, что, не пройдя ещё и половины пути, забился в сладостных конвульсиях, подхватив её руками за бёдра и, видимо, доставляя этими резкими движениями ей некоторую боль, которую Маринка мужественно стерпела и, крепко обняв его, нежно погладила по голове.

Иногда в горах встречаются такие каменные ложбины, в которые слетаются листья из лесов, растущих на склонах гор. Эти листья не успевают перегнить и превращаются в удивительный многослойный ковёр, который помнит десятки и десятки солнечных осеней. Наверное, нет в мире более глубокого и сильного переживания, чем оказаться на этом ковре вместе с любимой женщиной и проваливаться, тонуть, утонать в этом месиве из прошлогодних сентябрей и ломком кружеве белокурых волос.

И если меня спросят о том, где зарождается счастье, я с уверенностью могу назвать точные координаты этого места., но при этом необходимо ещё, чтобы с ним смогла пересечься траектория счастливого времени.

(Из книги Микаэля Петровича «Координаты предельных состояний»)

ВОЗДУХ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Они спустились с гор через неделю, питаясь последние несколько дней только дикими грушами и ежевикой. Они шли к своему дому, пошатываясь от счастливой усталости, с горящими голубыми глазами и чёрными от ягод языками. Они шли к своему дому, впервые вспомнив о близких и начиная волноваться о том, что они, должно быть, волновались за них...

— Вон они идут, дядя Гиви. Я же говорила тебе, что не нужно снаряжать никаких спасательных экспедиций. Что я, Мики не знаю, что ли? Пойду «скажу» Маврику, а то он тоже вроде тебя, паникёром оказался.

— Э-эй! Ва! Ну! Ай да Микаэло! Ой, Кюли! Ты посмотри, какую красавицу он там, в горах нашёл. Ай, молодца! А мнэ, старому дураку, о каких-то там выдах твёрдил! Что, думаю, за выды таки? А они вон, оказывается, какие! Ай, молодца!

Давай, Кюли, накрывай на стол. Посмотри, их уже от голода совсэм вэтром шата-ет. Давай-давай! Вино неси из погреба, лаваш неси, овощи, сыр. А дядя Гиви пой-дёт маленького барашка резать. Шашлык будем делать... Эге-гей! Микаэло! Где ты был так до-олго! Почэму письмо нэ послал! Эге-гей!

— Эге-гей, дядя Гиви! Там, где я был, не ходят почтальоны.

Человеку очень важно знать, что в мире есть такие места, где его всегда ждут и всегда ему рады. Именно всегда. Это наречие очень важно здесь, потому что подчёркивает, что тебе радуются не как подарку, не как развлечению, не как кому-то могущему принести пользу, но просто как человеку. Рады тому, что ты жив, что ты есть, что ты привёл с собой новых друзей...

(Из книги Микаэля Петровича «Местоимение места»)

ДОРОГА. ДОРОГИ. ДОРОГИЕ.

Вот и закончилось лето. Начался сентябрь. Утки потянулись к югу, а люди к северу.

Дядя Гиви сделал прощальную фотографию: Маринка, сидящая на коленях у Микаэля, и Кюлике на коленях у Маврика. Две грациозные девушки, словно ветви винограда, обвивающие своих мужчин, а вдалеке виднеется вокзал и тёмно-зелёный поезд, который через несколько минут умчит обитателей фотографии в какую-то новую ещё неизвестную жизнь.

— Ну что мне, собственно, рассказывать? Не знаю. Я ушла из дома в двенадцать лет, когда отчим, чуть не забив меня до полусмерти, попытался в добавление ко всему изнасиловать. Я тогда чуть-чуть не откусила ему его поганую гордость и выпрыгнула с третьего этажа. Пристала к цыганскому табору и шесть лет скиталась по городам и весям. А потом вдруг влюбилась. Влюбилась сразу же. Влюбилась с первого взгляда, ну вот так же, как и в тебя. Мы с ним почти сутки не выходили из номера, а потом он уснул, а я для чего-то заглянула в его чемодан... И ты знаешь, таким теплом вдруг повеяло от его аккуратно выглаженных и сложенных рубашек, у меня что-то защемило под ложечкой, я вдруг представила себе его старенькую заботливую жену, как они пили чай перед отъездом, как она его ждёт... Мне до сих пор кажется, что я поступила, как последняя дура, отказавшись от него, но заметь, как благородная дура... Слишком уж слабая у меня была соперница...

— Ну почему ты так думаешь? У неё за плечами были годы совместной жизни... Дети... Общие радости.

— А-а, Мики, годы прошедшего счастья ничто по сравнению с отблеском грядущей любви. Ну, впрочем, не знаю. В общем, ушла я тогда. Ушла в серый холодный рассвет. Села на рельсы около вокзала и заревела. Мне уже ничего не хотелось, ни к цыганам назад, ни к нему. А тут поезд из тумана выскакивает. Гремит, свистит... А я сижу, как дура, и думаю: «Вот и кончилась моя непутёвая жизнь. Анна Каренина, блин! Ну та-то хоть от светских предрассудков пострадала, а я-то, дурёха, из-за чего?» Но не случилось. Остановился он от меня, наверное, в полуметре. Машинист выскочил, матерится на чём свет стоит. А ему: «Хуйли орёшь, дурень! Не видишь, и без тебя тошно» Он и осел как-то сразу. Говорит: «Чем тут сидеть, садись лучше в машину. Дорога, она, знаешь ли, лечит». И я поехала. Он мне всю дорогу анекдоты рассказывал. Весёлый такой. Юркой звали. А приехали в Москву: «Выходи, — говорит, — за меня замуж. Я, говорит, тебя на руках носить буду» Мне тогда так тоскливо было. А тут участие какое-то. Тепло. Я и согласилась. Через девять месяцев ребёнок у нас родился. Девочка... Сюзанна. Только это не от Юрки, я знаю. Без любви, понимаешь, не может ребёнок родиться. А с Юркой у меня любви не было. Спали вместе, но я с ним не кончала ни разу. Он и не знает, что это такое, когда из тебя вырывается струя страсти... Ты вот знаешь, да ещё отец моей девочки, а больше никто... Не знаю я, Мики... Любит меня Юрка и дочку нашу любит. Я ведь не говорила ему ничего. Зачем? Я в своей жизни столько всего натерпелась, чтобы ещё и другим портить... Не хочу. Но он всё время тоску мою чувствует. Заботится обо мне — просто жуть. Только что пылинки не сдувает. И завтрак в постель принесёт и в ванну меня на руках, и голову вымоет, и обратно

в постель на руках... А ночью. Ночью я и не знала, что это такое — к Сюзанке подойти. Сам перепеленает, сам успокоит. Только не выдержала я — умотала через год с хиппарями. Кинула Сюзанку в заплечный рюкзак и умотала. Легко с ними было. Как с цыганами. Потом на травку под села. Дальше — больше. Это такая трясина, Мики... Юрка меня вытащил. Разыскал как-то. Домой приволок нас с Сюзанкой. Отмыл. Накормил... Я недели три бушевала. Я, знаешь, Мики, очень сильная в гневе. Потом, когда разум ко мне вернулся. Посмотрела на Юрку. Бог ты мой! Живого места на нём нету: весь побитый, исцарапанный, искусанный... Стыдно мне стало. Что ж это такое, думаю, человек меня второй раз из могилы вытягивает, а я... Переломила себя пополам. Сгребла душу в охапку. И успокоилась. А он ещё заботливее стал... Ну такой, просто что ты, любая баба обзавидуется. Вот путёвку мне к морю достал «Поезжай, — говорит, — развейся». Вот и развеешься... Не знаю, Мики, ну как я его брошу? Подло это как-то... Да и жалко его.

— Ты, Маринка, и в самом деле дурная какая-то. То от любимого отказываешься, потому что тебе жену его жалко. То потому, что тебе мужа своего жалко. А обо мне ты подумала? Меня тебе не жалко?

— Ну, ты хотя бы знаешь, что тебя любят, и тебе уже легче. А потом я же от тебя не отказываюсь. Буду приходить к тебе. Или ты ко мне, когда Юрка в отъезде... Ну и всё. Всё. Хватит об этом. Вон, видишь, станция какая-то. Сходи-ка лучше семечек купи.

Человеку часто приходится действовать против собственных желаний. Он может действовать так в силу благодарности или долга, по причинам морали или религии, во имя какой-нибудь высокой цели, ради своих детей или родителей, или просто из-за страха навлечь на себя неприятности. В принципе, подавление желаний вполне естественный биологический процесс, известный и в мире диких животных. Так, в лютые морозы волки подавляют в себе желание еды и охоты, опасаясь замёрзнуть... Однако постоянное подавление желаний может накапливать некоторые нереализованные психологические возможности и в конечном итоге привести к непредвиденному эмоциональному взрыву.

Особенно осторожным нужно быть на стезе жертвенности ради своих близких. Прежде чем приносить им в жертву свою личную жизнь, хорошенько подумайте, а нужна ли им эта жертва? Хотят ли они её? Примут ли? Не лучше ли попробовать включить их в вашу жизнь. Вовлечь в свои желания и интересы...

(Из книги Бенедикта Б. Ореенбаума «Новый психологический практикум»)

НЕОЖИДАННАЯ ДАННОСТЬ

Микаэль вернулся в купе с двумя кульками семечек и деревенским парнишкой лет четырнадцати со странной сединой у левого виска.

— Знакомься, это Кюлике, это Маринка, а это Маврик, он у нас слепоглухой, поэтому пожми ему руку, чтобы он узнал тебя. А это Анатолий-Антон-Анька, который едет на край света, но пока что с нами до Москвы. На багажной полке и без билета.

Анька был в робком смущении и замешательстве. Всё это так вдруг обрушилось на него. Москва. Бородатый Петрович. Потрясающе красивая Маринка. Слепой Маврик. Ещё угловатая, но уже начинающая расцветать Кюлике. Полное купе молодого весёлого счастья.

— Располагайся, Анька. Когда уходишь из дома, нужно обязательно к кому-нибудь пристать, а иначе пропадёшь. Если бы я в своё время не пристала к цыганам, то и не ехала бы, наверное, сейчас в этом купе и не грызла бы эти крупные южные семечки, — сказала сразу расположившаяся к Аньке Маринка и потрепала его по коротко стриженным волосам.

— А ты, то есть Вы. А Вы что, тоже из дома убёгли?

— Убёгла-убёгла в своё время. Ещё как убёгла. Так убёгла, что до сих пор не вернусь.

— Тоскливо было?

— Не то слово. Ну а ты-то от чего убежал?

— От тоски. У нас в деревне даже книжков-то нет: только Библия, да ещё вот Константин Паустовский — про путешествия.

— Вот что, Анька. Поживёшь пока у нас. У нас книжков предостаточно. А там видно будет. Дядя Сюзи, глядишь, и сделает из тебя человека, — вмешался в разговор Микаэль.

— Сюзи? — вдруг встрепенулась Маринка, — твоего отчима зовут Сюзерен?

— Ну да. Сюзерен Тот. У него была какая-то забавная история. Он так представился моей матери, а потом, чтобы не прослыть обманщиком, сделал себе поддельный паспорт. Так вот уже 20 лет и живёт по поддельному... Что с тобою, Маринка?

— Это он, Мики! Он отец моей маленькой Сюзанки. Я ведь и назвала-то её в честь него.

Иногда в нашей жизни происходят столь странные пересечения и совпадения, что кажется, будто бы нашими судьбами руководит какой-то неведомый драматург, заботящийся об изысканности сюжета. Однако фантазмагорические события и встречи только на первый и очень поверхностный взгляд могут показаться случайными. Ведь удивляет обычно то, что мы встречаемся с какими-то родственными душами, которые когда-то видели наших друзей или близких, или даже родственников. Но позвольте, что же тут странного? Ничего удивительного в том нет, что близкие по складу люди выбирают сходные дороги, а поскольку количество дорог на Земле крайне ограничено, то, разумеется, должны происходить пересечения.

(Из книги Микаэля Петровича «Скрытая сторона драматургии»)

РЫБКА СЕМЕЙСТВА КАРПОВЫХ

— Вот, мама, познакомься, это твой тёзка — Анька. Он убежал из дома. И пока поживёт немного у нас.

— Здравсте...

— Ну, проходите, тёзка, располагайтесь. Впрочем, пойдёмте, я покажу вам вашу комнату.

И пока они отправились осматривать подходящую комнату. Микаэль, бросив на пол рюкзак, увлёк под руку суетящегося около них Сюзерена и повёл своего отчима в сад.

— Дядя Сюзи, есть один очень серьёзный разговор.

— Ну-ну, Мики. Слушаю. У меня, кстати, тоже полно новостей. Знаешь, к чему может привести квантование времени?

— Дядя Сюзи, сейчас не об этом. Судьба Вселенной — это её Судьба, а наша это — наша.

— Ну, тут ты не прав. Судьба Вселенной может зависеть от нас. Мы...

— Дядя Сюзи!!! Дядя Сюзи, ты знаешь, что у тебя есть дочь?!

— Дочь!? Ах да, конечно. От первого брака. Но ты знаешь, я почти что и не видел её. Я ушёл от них, когда ей был всего год. Ну, в то лето, ты знаешь. Когда познакомился с твоей матерью. Я тогда всё поменял. Имя, фамилию, жизнь... Что-то такое сломалось во мне тогда, Мики.... И я вдруг обрёл такой покой, такое счастье около твоей матери, около тебя. А то, что было до этого, ну как бы осталось за бортом, что ли..., я боялся туда даже взглянуть... Боялся, что снова меня утянет. Потом, правда, лет, наверное, через 10, а может, и больше, мне вдруг страшно захотелось её увидеть. Посмотреть, какая она стала? Может быть, чем-то помочь... И я разыскал их. Вернее, свою бывшую жену. Но там. Там, понимаешь, малыш, произошла какая-то страшная история. Какая-то трагедия между ней и отчимом. В общем, она убежала из дома. И до сих пор о ней ни слуху ни духу.

— Как её звали, дядя Сюзи!!! Как её звали!!!

— Её? Оксана... Но почему ты кричишь?

— Оксана? О, боже мой... Дя-я-дя Сю-ю-зи...

— Ну да, Оксана. Впрочем, моя жена почему-то называла её Маринкой, не Мариной, а именно Маринкой. Знаешь, есть такая горная рыбка, семейства карповых... Что с тобой, Мики?!

Дикие животные, как правило, очень скоро забывают своих детей. И нет ничего удивительного в том, что через некоторое время мать спаривается со своим собственным сыном.

(Из книги Лоренцо Бузони «Дикие нравы»)

Сегодня инцест запрещён почти во всех цивилизованных странах, однако ещё не так давно это считалось вполне естественным у большинства народов. Не только брат и сестра, но и отец с собственной дочерью, и мать с собственным сыном очень часто жили нормальной половой жизнью.

(Из книги Георга Розена «Всемирная история инцеста»)

До сих пор у многих племён Африки и Австралии именно отцу вменяется в обязанность произвести дефлорацию собственной дочери.

(Из книги Менделя Грина «Этнография сексуальных отношений»)

СПОНТАННОЕ НАРУШЕНИЕ СИММЕТРИИ

— Всё читаешь, мой маленький тёзка?

— Да, тётя Аня, у вас столько книг...

Анна ласково погладила Аньку по голове, а он неожиданно прижал её тёплую мягкую руку к своей щеке и поцеловал в ложбинку около мизинца. От этой ласковой неожиданности Анна рефлекторно вздрогнула, потому что именно эта ложбинка была одной из самых сильных эрогенных зон на её теле.

— Ого! Кавалер, да ты, похоже, даришь мне настоящие любовные ласки... — её рука соскользнула со щеки на шею и, пробравшись под ворот рубашки, нежно погладила его шуплую грудь.

— Вы такая красивая, тётя Аня... — сказал Анька и прижался губами к её ложбинке на сгибе локтя (и волею случая, это была вторая её эрогенная зона).

— Ну уж. Я для тебя, наверное, старушка. Подумать только, мне уже скоро 40, а что я видела в своей жизни. Когда-то давно, когда я была вот такая, как ты, меня полюбил один старый учитель музыки... Наверное, я только тогда и была по-настоящему счастлива. Почему мы так заботимся о людском мнении?

Осмелевший Анька прижался щекой к её упругому, поджарому животу и, почувствовав через тонкую ткань ситцевого халатика какую-то лёгкую возбуждённую дрожь, неумело обнял Анну за талию.

— Ну-ну, не сходите с ума, молодой человек, нас могут увидеть, — а сама всё гладила и гладила его по груди.

— Вы такая красивая, очень-очень красивая... — говорил Анька, забираясь носом в пространство между пуговками халата и нежно сопя ей прямо в пупок, а обнимавшей рукой соскальзывая к тонко трепещущим бёдрам.

— Ого. Да вы, как я посмотрю, весьма опытный соблазнитель, юноша, но сюда действительно могут войти, так что давайте-ка лучше остановимся... — а сама прижимала лицо его к животу, и как-то сама собой расстегнулась мешавшая пуговка, и Анька вдруг понял, что у ней под халатиком ничего нет, и соскользнул вниз в это распалённое неожиданной страстью лоно, и, впиваясь руками в дрожащие бёдра, проник язычком своим в это нежно-солёное царство...

— Вы с ума сошли, мой безумный маленький тёзка... — а сама чуть удобнее раздвинула ноги и потянулась рукой к его выцветшим серым штанишкам. И Анька, привставая, торопливо помог ей... И она приняла его, вжимая в спинку стула, и губы его уткнулись в напряжённый упругий сосочек, и тонкая горячая струя ударила куда-то в самую глубь её разгорячённого лона...

И тогда она подвела его узкую сложенную лодочкой ладошку на место ослабшего карандашика и впитала её в себя и ещё, и ещё, и ещё...

Сексуальная революция настолько упростила ритуал ухаживания, что практически свела его к нулю. Мгновенное удовлетворение внезапных желаний, безусловно, оказывает отрицательное влияние на сохранение вида *Homo sapiens*. Однако в некоторых случаях это может играть и в определённом смысле положительную

роль. В периоды жестоких потрясений, глобальных войн, крайне напряжённого ритма жизни краткая пауза любовного слияния может быть единственным светлым пятном на фоне предельного бытия, балансирующего между жизнью и смертью.

(Из книги Магнуса Мея «Сокращения»)

В парадоксе Эйнштейна-Подольского-Розена, если частицы однажды провзаимодействовали друг с другом, то они помнят об этом всю жизнь, пока снова не провзаимодействуют с кем-то другим.

(Из книги Андрея Шелудякова «Записки о симметриях»)

УТРО. ОКНО.

Какое это счастье. Проснуться ранним утром, когда в окно твоё заглянуло совсем ещё юное солнце. И знать, что впереди тебя ждёт огромный удивительный день... И знать, что тебя любит (любит ли?) зрелая, очень красивая женщина. И прошлёпать босиком по дощатому некрашеному полу к окну, и окунуться с головой в птичий гомон, в потоки утреннего света, в прозрачный шопот ветра и шелест времени... А потом взять с полки первую попавшуюся книгу, раскрыть наугад и прочесть: «Милостивый государь, волею случая мне попало в руки Ваше письмо, адресованное моей жене. Поверьте, я не имею привычки читать чужие письма, это был просто случай, несчастное стечение обстоятельств, и, однако же, сударь, поскольку сие письмо стало мне известным, то Вы, конечно же, понимаете, что наши дальнейшие отношения абсолютно невозможны, и, тем не менее, у нас остаётся одно общее нерешённое дело. А поскольку мне крайне неприятно было бы посвящать в детали этого дела кого бы то ни было, я бы очень хотел, если вы, конечно, сочтёте это возможным, разрешить наше дело без привлечения секундантов».

Прочитанное тут же испортило настроение. Почему так? Почему счастье одних вызывает страдания других? Откуда это чувство собственности? Ревность? Разве можно обладать чужой душой? Разве можно иметь право на верность? Интересно, что бы сказал дядя Сюзи, если бы узнал об их отношениях с Анной? Впрочем, как раз дядя Сюзи, наверное, бы ничего не сказал, но что бы почувствовал? А что бы почувствовал Анька, если бы узнал, что Анна любит кого-то ещё, не дядю Сюзи, а кого-то ещё третьего? И хотя это очень странно, но ему было бы, наверное, это даже приятно. Почему? Не знаю, почему, приятно и всё тут. А что бы сказал Микаэль, если бы вдруг узнал? Да нет, Микаэль, он тоже какой-то странный, он бы, наверное, сказал: «Ну ты, мам, даёшь!»

А бабушка Рита, та бы точно подняла шум на весь мир, и не жить тогда Аньке в этом славном просторном доме. Интересно, ушла бы с ним Анна? А на что бы они стали жить? И где? Уехать к себе в деревню? Но что скажет на это мать?..

— Проснулся, лягушонок, — сказала Анна, обнимая его сзади и ласково целуя в макушку.

Анька повернулся и встретил её полные мягкие губы. Она запустила свой язык в его рот, и его язык принял эту игру, и они устроили ласковую битву маленьких

змеев, то поднимаясь до самого неба, то растекаясь по частоколу детских, местами молочных зубов... И Анька уже приспускал свои чёрные солдатские трусы и, поднимая невесомую ночную рубашку, раздвигал тонкими пальцами её горячее влажное лоно...

Мироздание, как материальное, так и духовное прочно опирается на число три. (Неделимое триединство кварков и неделимая сущность троицы.) Почему же столь прочно сидит в нашем сознании мысль о парном соединении людей как некоем разумном идеале? Тройственные семьи отчего-то считаются патологией, бунтом против общества, чуть ли не преступлением. А как славно было бы жить втроем! Я, дядя Сюзи и Анна.

(Из дневника Анатолия Николаева)

ДЕМОНЫ ЛЮБВИ

— А у нас дома новости, Маври. У тети Ани и маленького Аньки роман. Помоему, об этом знают уже все, даже бабушка Рита. Но все так бережно оберегают их тайну..., особенно дядя Сюзи: он объясняет Аньке начала космогонии и квантовой механики, а бедный Анька смотрит ему в глаза с ощущением внутренней вины и собачьей преданности... А Микаэль ходит какой-то убитый, он вообще на этот роман не обратил никакого внимания. Ты знаешь, его что-то гнетёт, но я никак не могу понять что? Самая смешная бабушка Рита. Она, видимо, чувствует свою вину перед дочерью, ну, за эту историю с её сербским музыкантом, и она почему-то так обрадовалась этому чудному роману: подкладывает Аньке за обедом самые лакомые кусочки, а ещё вдруг начала вязать ему свитер, обложила какими-то журналами и стала учиться вязать, представляешь? Я вдруг вот о чём подумала, Маври, а может быть, и о нашей любви все вокруг всё знают, но только делают вид?

— Почему нужно скрывать свою любовь, Кюли?

— Потому что... Потому, что это что-то такое непонятное, Маври, необъяснимое и очень-очень ранимое... Неизвестно, откуда на неё может обрушиться удар, и этот удар может быть смертельным, хотя и непонятно, отчего любовь умирает... Знаешь, я читала у Кастанеды, что вот может быть, кто-то там из того мира ведёт охоту на нас, а чтобы поймать нужного зверя, охотник сначала изучает его повадки, а потом устраивает на него засаду в заранее вычисленном месте..., так вот, на всякий случай нужно всё время менять свои повадки, делать какие-то ненужные бессмысленные поступки, есть обратной стороной ложки, отдавать нищему последнюю монетку, неожиданно куда-нибудь уезжать или взять, например, и спрятаться в шкафу, просто так, ни от кого... Ты знаешь, однажды я спряталась в шкафу библиотеки и увидела, как у тети Ани и Аньки... У них как-то немножко всё по-другому, чем у нас, но тоже столько нежности...

— Я не хочу, чтобы наша любовь умерла, Кюли.

— Я как-то разговаривала с дядей Сюзи об умирании любви, и он сказал, что иногда случается, что любовь удаётся сохранить на всю жизнь, правда, она изменяется, но этого не нужно бояться..., он сказал, что на самом-то деле не знает, какая из любовей выше и чище: любовь-страсть или же любовь-нежность, а когда не-

жность присутствует с самого начала, то почти наверняка любви удастся выжить, выпутаться из всех передраг.

— Почему кто-то охотится на нас, Кюли?

— Не знаю, может, речь идёт о каком-то виртуальном охотнике, ну, стечении всех непонятных стихийных обстоятельств... и тогда выбивание из общей стихии как бы закрывает тебя от удара, а может быть, и действительно есть какие-то ирреальные охотники, но поскольку мы совершенно ничего не знаем о них, то и защищаться следует непонятно как.

— А может быть, стоило попытаться узнать о них побольше?

— Кастанеда говорит, что это очень опасно. Чем больше ты о нём знаешь, тем больше он знает о тебе, и если ты слабый воин, то неминуемо погибнешь в этой схватке, то есть стоит тебе реально ощутить этих охотников, как схватка переходит из гипотетической области в реальную или, наоборот, ты из реальности проникаешь в гипотетическую область и там становишься совершенно уязвимым.

— Подожди, как можно стать уязвимым в гипотетической области?

— Ну, понимаешь, эти охотники, они как бы демоны твоего сознания, собственнно самим же тобой и порождённые, и чем лучше ты их себе представляешь, а тем самым и разрабатываешь, тем опаснее они становятся.

— Но если они только в твоём сознании, тогда в чём же опасность?

— Ну, сознание начинает воздействовать на само себя и вытаскивать из реальной жизни то, что само и придумало, и не исключено, что эти сотворённые самим же тобой враги столкнут тебя (твоеё тело) в какую-нибудь реальную (физически реальную) пропасть.

— Это Кастанеда так твой придумал?

— Ну, скорее, наваял...

— Жалко, что нет его переводов на азбуку Брайля.

— Я переведу. Вот возьму и переведу, чтобы и для тебя, и для всех...

— Подожди, подожди, а при чём же здесь разрушение любви?

— Ну, любовь ведь тоже продукт сознания, правда, это, может быть, единственный продукт, который пульсирует из материального мира в мир сознания и обратно, но, тем не менее, демоны, созданные тобой же, могут его и убить...

— Но я никак не пойму, почему нужно скрываться от внешнего мира, если опасность исходит от внутреннего?

— Скрываясь от внешних врагов, ты просто-напросто не успеваешь создать внутренних, это просто обманный маневр такой.

— Обманный маневр...

Демоны сознания обладают способностью перекочёвывать из породившего их сознания в соседние. Причём, чем чётче и обстоятельнее разработан и познан (а тем самым и создан) демон, тем большее количество чужих сознаний он может охватить. Собственно, так произошло и с демонами Кастанеды, и с демонами Даниила Андреева, а ещё широкомасштабнее и глубже с демонами всех человеческих религий. Демоны, порождённые мощнообразующим человеческим сознанием, обладают способностью набирать силу в других сознаниях, и чем шире круг охваченных сознаний, тем сильнее становится демон, перерастая в могучего и практически непобедимого демона коллективного сознания. Единствен-

ный способ борьбы с чужеродными демонами (т.е. с демонами, возникшими в чужих сознаниях) — это создание собственных демонов. Однако только отдавая себе полный отчёт в их виртуальности и помня об изначальной причине их возникновения, можно сохранить контроль над своими демонами и не служить им, но, наоборот, взять их к себе на службу. Единственным исключением такого рода является демон Любви, который хоть и непосредственно связан с сознанием, но имеет смешанную субъективно-объективную природу. И именно этого доброго Демона лучше всего не подвергать излишнему разглядыванию и изучению, полностью доверяясь той неведомой силе, создавшей его, и далее доверяясь ему самому, ибо он сам лучшая часть нас самих.

(Из книги Маврикия Свирского «Основы демонологии»)

НОВОЕ ЗНАНИЕ. РАДОСТЬ?

— Врёшь! Не может такого быть, Мики! Моего отца звали Николай. Николай Александрович Охтин. Причём здесь Сюзерен?

— Когда он ушёл от вас, то он ведь не просто от вас ушёл, он от своей старой жизни ушёл, он сменил тогда всё: имя, фамилию, жизнь...

— Вон оно что... Занятно... Я так мечтала об этой встрече, Мики... Я так долго искала его... Я обращалась в адресные бюро всех городов, где мне только доводилось бывать. Я хотела сказать ему... Я хотела сказать: знаешь, папка, сколько слёз, сколько горя мне пришлось... Но. Но я всё равно люблю тебя, папка... Потому... Потому что мне просто-напросто некого больше любить... И вот, значит, мы встретились! Но как же могла я не узнать его, Мики?! Почему мне ничто не шепнуло?! О боже мой! Что же мы стоим?! Идём! Идём скорее к нему!

— Постой, Маринка, но ведь...

— Что ведь? Теперь у тебя нет соперника, дурачок! Раньше был, а теперь нету! Теперь я уже спокойно могу уйти к тебе. К вам...

— Маринка, но ведь он ещё ничего не знает!!!

— Ну и что? Ты хочешь хранить эту дурацкую тайну всю жизнь?

— Но как он...

— Ну... он же мужчина! И потом он не знал, и я не знала, а это ведь только в суде незнание закона не освобождает, а в душе... В душе ещё как освобождает. И потом время сейчас не то. Это во времена Эдипа — было трагедией, но а сейчас-то... Боже мой! Пойдём! Скорее! Скорее! Я очень, очень хочу его видеть...

— Ты самая удивительная женщина, какую я когда-нибудь только знал, Маринка!

Всегда ли новое знание приносит нам радость? И собственно говоря, вообще любое знание... Скорее всего, оно только увеличивает нашу печаль, ибо...

(Из неоконченных заметок Микаэля Петровича)

Я очень часто ошибался в понимании других людей. И то, что, по моему мнению, должно было принести им радость, часто вызывало только горькое недоумение, глухую печаль..., впрочем, гораздо чаще было обратное, когда то, что, казалось бы, должно было вызвать невыразимую скорбь и отчаяние, вдруг каким-то странным образом становилось радостным приобретением и светлой новостью...

(Из дневниковых записей Микаэля Петровича)

ВСТРЕЧА

Они стояли друг перед другом, и глаза их лучились смешанной радостью и тревогой. Но у Сюзерена это была радость, заслонённая тревогой, а у Маринки, наоборот, тревога, заслонённая радостью.

— Это... Это ваша дочь, дядя Сюзи... Это Маринка, — сказал, наверное, больше всех потерянный в этой ситуации Микаэль.

— Что? Что ты говоришь?..

И она подошла к нему. И нежно обняла... И чуть ли не плача...: «Я так долго. Я так долго искала тебя, папа. Я так долго тебя искала. Ты прости меня за тогда. Прости, что не смогла тебя узнать. Прости, что убежала не попрощавшись. Прости, пожалуйста, прости меня за всё...»

— И ты. И ты ради бога прости меня. Я ведь. Понимаешь. Я ведь потом. Мне было так плохо потом. И тогда. И тогда, когда я ушёл, и тогда, когда ты ушла. Я очень. Я, наверное, очень плохо поступил, Маринка. Но теперь...

— Теперь! Теперь у нас будет всё. Всё будет совсем по-другому... Да, и вот ещё что! Ты только уж не падай, пожалуйста. Ты уж держись, папка. Потому что... Потому что... Потому что у тебя родилась ещё одна дочь. И дочь и внучка — Сюзана. Я назвала её в честь тебя. Сю-за-на.

Иногда бывает так, что встретишь на улице совсем незнакомого человека, и тебе всё кажется, что где-то ты уже очень близко встречался с ним... А иногда бывает наоборот, познакомившись с кем-нибудь, лишь через определённое время выясняешь, что, собственно, уже был знаком и даже более чем знаком.

(Из книги Мерилина Опея «Узнавание на грани провала»)

ПРЕДЕЛ ПРИБЛИЖЕНИЯ

— Мики, послушай, Мики, я... Я написал одно стихотворение... Я... Можно, я прочитаю?

— Конечно, Анька. Конечно, прочти. Стихи нужно либо читать, либо сжигать, ничего другого они не достойны.

— Вот послушай:

*Когда смотришь на облака, так ласково окутывающие солнце,
То они кажутся тебе метафорой на собственное чувство,
Метафорой нежности и любви... Не странно ли?
Структура водяных паров так похожа на внутренний ветер...
И где же кончается эта грань, где кончается этот предел приближенья,
Разграничивающий миры?*

Микаэль внимательно и с каким-то глубоким внутренним недоверием посмотрел на Аньку.

— Наверное, этой грани не существует... Или... Или твоё стихотворение и есть тот самый предел приближения. А дальше уже ничего. Дальше ты уже или облако, окутывающее солнце, или метафора своей собственной любви. Ты счастливый человек, Анька. Счастливый, потому что стихия слова для тебя равняется воздуху. Да и вообще, то, что человечеству даден дар слова — счастье.

— Я не думал об этом. Но ведь и весь-то мир, наверное, сотворён из...

— Э-э, нет. Не думаю. Там, Анька, скорее всего, нет никаких слов. Некие идеи, мыслеобразы... Но речь? Вряд ли. В этом-то как раз и ущербность горного мира. Вернее, наша человеческая ущербность была в своё время восполнена речью. И оказалось, что стихия языка — это такая сила! Оказалось, что она сама по себе способна уводить в такие неожиданные дали, совершать такие открытия! Открытия, просто-напросто невозможные в мире телепатических мыслеобразов. Ведь вот, например, та же поэзия... Это такое чудо, чудо, невозможное ни в каком ином мире. Стихи — это, Анька, странная привилегия человека.

— А как же «В начале было Слово»?

— Это уже Новый завет, Анька. Мир к тому времени уже давным-давно существовал. Мир, сотворённый из идеи о мире, начал развиваться по своим спонтанным и запутанным законам или вопреки им. И когда в нём появилась речь, это стало, ну я не знаю, бунтом, что ли? Таким, знаешь ли, благородным бунтом против естественного природного движения. Речь перевесила чашу весов человечества, возвысила и, собственно говоря, определила человека. Человек обрёл дар, ненужный и не очень-то понятный богам... Впрочем, конечно, исход Иисуса на землю, это и была как раз попытка постижения и проникновения в речь. И она удалась. И уже тогда «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». С этого просто-напросто началась новая эра развития. В мир снизошло Христианство, и мир стал немного другим. Бог умудрился в этом мире сравняться с человеком и увлечь его за собой... Он умудрился всей своей короткой земной жизнью подняться до самых вершин поэзии и вознёс крест её, и передал...

— Ты, Мики, просто какой-то Апостол Слова.

— Все мы Апостолы Слова...

Физическую энергию слова можно определить формулой $E = k I c^2$, где I — интонация слова, c — сокровенный внутренний смысл, k — коэффициент устности и контекста. Разумеется, основной составляющей энергии слова является мощность смысла, чем мощнее (мощность смысла равна напряжённости, умноженной на важность) смысл, тем выше энергия слова, однако нельзя сбрасывать со счетов и интонацию, и устность, и контекст. В некоторых случаях интонация или контекст могут полностью разрушить энергетику слова, равно тому и возвысить слабые, в собственном смысле слова, слова.

(Из книги М.И. Гранатника «Введение в физическую филологию»)

ПОСЛАННИКИ СМЕРТИ. СМЕРТЬ ПОСЛА.

Аньке приснился очень странный сон. Чёрные птицы сидели у него на плечах и шептали хриплыми голосами: «Не бойся нас-с. Мы всего лишь посланники смерти-и. Мы провожаем людей через хаос-с ложного вакуума в ту далёкую метареальность, где происходит исчезновение времени, угасание всех страстей, где отсутствует всяческая суэта, движение, жизнь...»

Вскочив с постели и отряхивая чёрный пух страха со своих худеньких плеч, Анька отправился в сад, чтобы росой и рассветом отогнать ночные тревожные мысли и унести, пускай хотя бы взглядом, в розовеющие облака.

На садовой тропинке Анька наткнулся на Сюзерена, который, встав на колени, наблюдал за жизнью земляных муравьёв. Увидев Аньку, Сюзерен ласково улыбнулся и сказал:

— Вот, Анька, муравьи. Чертовски занимательная жизнь. Жизнь, состоящая из работы, сна и еды. Это некий предельный способ организации и полное отсутствие игры и размышления. Другое дело мы, да? Мы ведь может посвятить огромную часть нашей жизни на развлечения и размышления, хотя некоторые из людей предпочитают выбирать муравьиный способ существования. Не странно ли?

— Дядя Сюзи. Я видел сон. Я хотел спросить. Как Вы думаете, откуда есть смерть? Почему? И почему такие разные сроки?

— Смерть? Я одно время достаточно долго думал об этом, Анька. Не знаю. Есть очень много различных версий. Мне кажется, что смертью правит случай. Ну, то есть в течение всей нашей жизни есть или было столько моментов, когда ещё чуть-чуть, когда на миллиметр вправо или влево, когда чуть-чуть опоздал или, наоборот, пришёл раньше и лишь благодаря этому остался жив... Почему так? Может быть, это сила охранных инстинктов, когда твой мозг или дух впитывают из окружающей среды тысячи тысяч возмущающих импульсов и, вычленив из них то, что может принести опасность, отводят, задерживают, убыстряют... А может быть, каждому из нас даден ангел-хранитель, которому положено изучить твою душу и, отослав подробный отчёт в какую-нибудь небесную канцелярию, заняться изучением другого индивидуума. И вот пока он достаточно подробно не изучит тебя, то всячески оберегает от случайных возмущений смертельных полей, а когда всё ему становится понятно, когда тебе уже нечем его удивить, он уходит, и ты остаёшься один на один с этой грубой действительностью, перенасыщенной нелепыми случайностями... Так что чудачки, оригиналы и внутренне богатые личности живут под крылом у ангела значительно дольше серых и одномерных обитателей.

— Но как же объяснить тогда смерть младенцев, дядюшка Сюзи?

— Ну, иногда господин смертельный случай становится сильнее охранный ангела или инстинкта. Но в принципе, всё-таки, наверное, изречение: «Каждый познающий да будет познан...» исходит из божественных уст. Хотя, как там оно на самом деле, кто его знает?

И тут вдруг они увидели Микаэля, бегущего к ним с каким-то испуганным, побледневшим лицом:

— Анька, дядя Сюзи, скорее! Дедушка Юра умер.

В отличие от животного, человек совершает множество необъяснимых с точки зрения сохранения рода и выживания поступков... Волна наркомании и алкоголизма, безудержный секс с риском смертельного заражения, бешеные скорости передвижения с рас-

платой в тысячи жизней, стремление к странной изнеженности и гиперкомфортабельности, спортивные развлечения, проходящие на грани жизни и смерти, наконец, жестокие войны, отупляющий телеэфир, неконтролируемое разрушение окружающей среды... Всё это может быть объяснено лишь одним: человек намеренно ставится в предельно напряжённые ситуации, чтобы быстрее и ярче раскрыться для более лёгкого изучения. Подобно тому, как учёный биолог ставит опыты над животными, намеренно усложняя им среду обитания, так и какой-нибудь заоблачный спиритолог подталкивает вверенные ему души в критические ситуации, способствующие их скорейшему раскрытию.

(Из книги профессора И.Ю. Леговерова «Теория логических колебаний»)

ТРУДЫ И ДНИ

Смерть высокопоставленного российского дипломата Юрия Свирского подорвала все основы существования этого маленького островка свободы, обитатели которого практически всю свою жизнь жили в самостийной струе деятельного безделья, находясь на полном иждивении главы семьи. Никто из них не умел зарабатывать деньги, за исключением, быть может, Сюзерена и Маринки, да и то делавших это очень давно ещё в той позабытой жизни. Источник биологической подпитки вышел из строя (как это ни кощунственно прозвучит), и было совершенно непонятно, чем его возможно заменить.

Какое-то время они жили продажей всяких дорогих безделушек, драгоценностей, картин и т.п. Но этот источник поразительно быстро иссякал, и надо было думать о замене батареек питания.

И тут вдруг всех удивил Анька. Однажды он пришёл, перепачканный строительной пылью, пропахший запахом рабочего пота, и, положив на стол довольно крупную сумму денег, сообщил, что устроился разнорабочим в какой-то там ремонтной бригаде и это пока что аванс.

Следом за Анькой пришла очередь Кюлике. Она устроилась на почту разносить телеграммы. И жизнь удивительным образом стала налаживаться. Маленький социум приспособливался к новым условиям существования. Анна стала преподавать в музыкальной школе, Сюзерен нашёл себе место рецензента в каком-то научном журнале, Маринка пошла по стопам Кюлике, и только Микаэль всё никак не мог определиться со своим новым местом. Он никак не представлял себя в роли какого бы ни было делателя. Все его занятия сводились к размышлению о жизни, разглядыванию калейдоскопа, беседам с Сюзереном или Анькой, любви... А тут вдруг нужно посвящать часть своего времени совершенно непонятной деятельности, которая, быть может, принесёт какие-то плоды, а скорее всего, что нет, ибо почти любая деятельность ведёт к усложнению мира, к усложнению условий существования, к непонятному нагромождению продуктов цивилизации... После долгих размышлений Микаэль напрасился в помощники к Аньке... И вдруг неожиданно там, на стройке, он ощутил странную радость созидания, мастерства... Работа у них была достаточно тяжёлая, но не сложная, они подтаскивали кирпичи и раствор, убирали мусор, в общем, подсобничали. Мозг во время работы оставался совершенно свободным и чистым, и было так приятно думать о кирпичиках

мироздания, таская силикатные кирпичи для строительства дома. «Что наша жизнь? — думал Микаэль, переступая через строительный хлам с носилками в руках. — Для чего? Есть в ней какая-то глобальная неясность, непонимаемость... потому что... потому что абсолютно непостижима смерть... и все эти гипотезы и догадки никогда не дадут стопроцентной уверенности...»

— Для чего мы живём, Мики? — прервал и продолжил ход его мыслей идущий сзади Анька.

— Для чего? Это праздный вопрос, Анька. Бессмысленный... Безответный... Существует реальный вопрос: как жить? А для чего?.. Потому что живём...

— Тогда как же жить, если не знаешь для чего?

— Чтобы ответить на вопрос «Как?» достаточно просуммировать всю возможную совокупность ответов «Для чего?» и, взяв нечто среднее, выбрать свой путь. В принципе, существуют два основных направления движения: это, во-первых, путь, подчинённый законам внешнего мира (религии, политике, бизнесу и т.п.), и, во-вторых, путь, подминающий под себя внешний мир, диктующий ему свои собственные законы.

— А какой у тебя путь, Мики?

— Нечто третье. Я как бы создаю свой внутренний мир. Мир с открытой границей, который неравномерно расширяется в разные стороны, впитывая в себя всё лучшее из внешнего мира и выплёскивая в него всё то, что тот способен забрать. И если те 2 основные пути практически линейны и движение их происходит в направлении от цели к цели, то мой путь подобен точечному возмущению, волны от которого разбегаются во все стороны. И даже когда источник возмущения погаснет, волны от него будут ещё долго разбегаться и, достигнув границ времени, отразятся от них, устраивая вакханалию интерференций... — тут Микаэль споткнулся и, полетев на кучу стружек, зарылся просветлённым лицом своим в мягкий строительный мусор.

И жили они подобно утопическим мудрецам. Строили города и возводили башни. Постигали мощь мироздания и грязь под ногами. Слагали стихи и саги. Обретали любовь и нежную дружбу. Они насыщали дни свои бесконечностью времени и удивлялись ежесекундно изменяющемуся миру. Было в них что-то от исландских скальдов и что-то от античных философов, и что-то от средневековых рыцарей, и что-то от французской богемы. И этот круглый стол на веранде, по которому рассыпаны жёлтые антоновские яблоки...

(Из книги Ан. Николаева «Миры, которые мы пропустили»)

СЧАСТЬЕ

И вот однажды они столкнулись у кабинета гинеколога: юная расцветающая и донельзя смущённая Кюлике, удивительно красивая и счастливая Маринка и вспыхнувшая последней красотой и стыдом Анна. Три грации у гинекологического кресла...

Возникшую было неловкость быстро прогнала порывистая и яркая Маринка. Она нежно обняла своих подруг и прошептала: «Какое счастье... Боже мой, какое же это счастье».

Эта странная, ничем не объяснимая тайна рождения... Тысячи, миллиарды тысяч случайных линий стекались со всех концов пространства и времени, для того чтобы произошло это слияние двух клеток. Боже мой, насколько же смерть понятнее и проще рождения! А ещё ведь есть жизнь! Огромная жизнь между небытием до и небытием после.

(Из дневника Анны Свирской)

ПЛАВАНИЕ

И вдруг пришло сообщение из Сербии: в возрасте 87 лет скончался Эрих Клементино Андрис Петрович — отец Микаэля. И оказалось, что все досужие сплетни вокруг баснословного богатства старого музыканта имели под собой вполне реальную почву. Старая помятая труба действительно была из чистого червонного золота высочайшей пробы, и ещё был старый серебряный саксофон и платиновый кларнет, и древняя бесценная скрипка работы Николо Амати, и ещё счёт в Швейцарском банке на несколько миллионов франков...

И Микаэль в одночасье из нищего подсобника на стройке превратился в скажочно богатого человека.

Предстояло решать, как жить в этой странной и совсем неожиданной ситуации. Но, впрочем. Впрочем, хотя и не было никогда никаких таких мечтаний и планов, всем почему-то было ясно, что ведь продаются ещё необитаемые острова в Атлантическом океане и что вот надо купить... И они действительно купили небольшой, но уютный остров — один из Азорских. И голубая яхта уносила их вдаль от такой любимой, но просящей отдыха земли. На капитанском мостике стоял в белом кителе до конца ещё ничего не понявший Микаэль. На юте в уютных плетёных креслах расположились Маврик и описывающий ему окружающее пространство Сюзерен. Анька, перевесившись через борт, бросал хлеб провожающим их корабль чайкам. Недалеко от него бабушка Рита, закутанная в тёплый плед, читала «Пятнадцатилетнего капитана». И о чём-то щебетали на корме три располневшие и похорошевшие женщины, а в их животах начинали шевелить своими ножками три новые пробуждающиеся жизни...

У каждого человека должно быть право на остров. Пусть небольшой, 100-200 квадратных метров, но чтобы кругом вода и волны, и ветер, и уносящаяся в безбрежное никуда никому ненужная и поэтому лёгкая мысль...

(Из книги Михаила Погарского «HOMINES MARGINATA»)

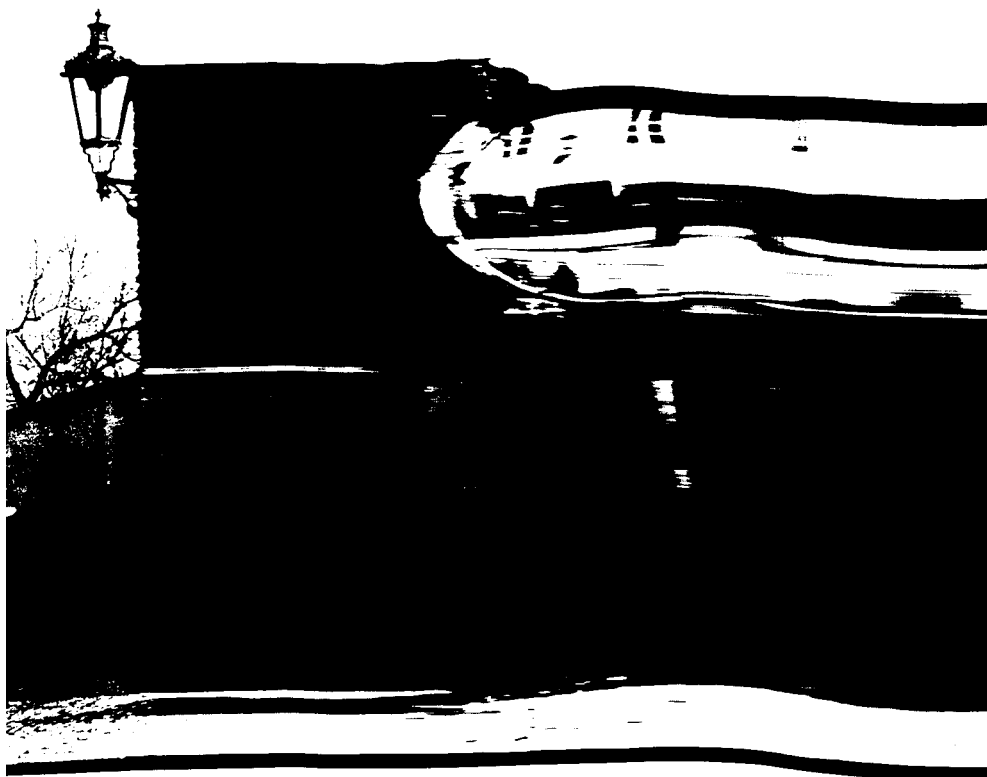
Ноябрь 1998 — апрель 1999
Красногорск

ГЕОДЕЗИЯ СТРАННОГО МЕСТА

ИЗ ПОЯСНЯЮЩЕЙ ЛЕГЕНДЫ: Эти записки попали в мою голову около десяти или даже двенадцати лет назад, и я, торопясь не потерять их окончательно, не очень так чтобы аккуратно переписал в линованную тетрадь большого формата, а потом в течение всех этих лет всё пытался хоть как-нибудь их набрать. Весь этот набор... Так сложно...

Собственно, записки состоят из двух частей. Первая — сухой и путанный энциклопедический очерк, написанный какими-то буквоедами, с претензией на живость слога. Вторая — углы из романа одного из обитателей этого города Ивана Пишущего. Вещь, безусловно, более достойная внимания. После публикации, если, конечно, таковая случится... (весь этот набор и т.п.), мы планируем дать небольшой комментарий к сложно-непонятым местам...

Ну возможно, всё-таки получится. Да. Если всё же... То первую часть, то бишь энциклопедический очерк, читать совсем необязательно. Он скушен и сух. Там нет событий, но только лишь описания. Зато...

Г О Р О Д М А Т О В

исследование

«В древнем Риме лабиринт был связан с основанием новых городов. После возведения стен начиналась конная игра, так называемая Троянская игра, — тропы, по которым скакали всадники, образовывали схему лабиринта».

(Петер Корнель. «Пути к раю»)

«Структура мозга напоминает нам причудливый лабиринт, по которому хаотически блуждают наши мысли в поисках смыслового центра».

(Мишель Нети «Движение к центру сознания»)

«— не объяснит ли эта книга назначение мельницы, стоящей внизу, недалеко от берега...»

(Адольфо Бьой Касарес «Изобретение Мореля»)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

0. ВВЕДЕНИЕ

Нижеприведённые сведения о городе Матов носят чисто энциклопедический характер. Это абсолютно дополнительная, побочная, хотя, возможно, и самоценная информация. Поэтому относиться к её приобретению следует сугубо индивидуально и именно так, как каждый в меру своей внутренней сущности и особенно-сти относится к чтению словарей, справочников, каталогов и т.п...

По нашим многолетним наблюдениям, всех читателей словарей можно разбить на четыре условных группы: 1) читающие всё подряд (очень скучные, зимние, замороженные читатели); 2) читающие из необходимости получить подробности заинтересовавших их конкретных явлений (не очень скучные, летние, вечно пашущие читатели); 3) вообще не читающие словарей (нескучные, осенние, витающие в собственном мире потенциальные читатели); 4) читающие наобум, с восторгом выдёргивая совсем им ненужные факты (очень нескучные, весенние балагуры-колоброды). Отметим, что эпитет «скучные» используется здесь не в качестве внутренней характеристики человека, но как параметр его внешних взаимоотношений с окружающим социумом, при этом автор не вкладывает в него какого-бы-то-ни-было уничижительного оттенка. Сам автор чаще всего бывает очень скучным читателем, поскольку его завораживает сам процесс освещения разнообразной бесполезной информации; конечно, иногда ему требуются какие-то сведения, и тогда он становится не очень скучным; разумеется, порою он вообще не читает словарей (нормальное, можно сказать, состояние нормального человека, а чтение словаря, вообще-то говоря, патологически редкое занятие); и вполне понятно, что зачастую словарь открывается наобум (просто рука потянулась, страница раскрылась, взгляд упал, мозг отреагировал). Да. То есть все эти пустопорожние словеса можно свести к одному довольно дельному совету: кто как хочет, тот так и читает...

И, разумеется, те, кто предпочитает попасть сразу в гущу событий, развернувшихся на улицах города, может пропустить все словарные статьи и непосредственно обратиться к углам из романа.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Город Матов как уникальное явление наднациональной культуры был основан в 19... году декретом о сохранении и приумножении наднациональных богатств и о введении в действие сети государственных заповедников и заказников.

Город Матов как социальный феномен сложился в 8... году, когда первый поселенец будущего города преподобный отец Матвей Горемычный установил свой скит в Северо-восточном углу Водяного креста.

Город Матов, как странное (необычное) географическое пространство, наделённое дивнообразующими силами, по-видимому, существовал всегда (по крайней мере, в пределах исторического слоя). Вполне возможно, что особенности ландшафта привели к особенностям места, но, может быть, и наоборот, особенность места привела к особенностям ландшафта.

Город Матов расположен в четырёх углах Водяного креста, который образован Основным потоком, протекающим строго с востока на запад (по крайней мере, в черте города и примыкающей к нему охранной зоне), Северным притоком, впа-

дающим в Основной и протекающим строго с севера на юг (по крайней мере, в черте города и примыкающей к нему охранной зоне), и Южным притоком, впадающим в Основной поток ровно напротив Северного и протекающим строго с юга на север (по крайней мере, в черте города и примыкающей к нему охранной зоне). Ширина Основного потока в два раза больше ширины впадающих в него притоков, а ширина последних является основной единицей измерения расстояний в городе Матов. Именно на таком расстоянии расставлены жилые дома и остальные постройки на улицах города. По одной из гипотез, выбор такой расстановки мотивирован тем, что если ещё один из потоков задумает впасть в Основной с Севера или с Юга, то ему не должны чиниться препятствия в виде человеком созданных строений, и, с другой стороны, сами эти строения останутся в целостности и сохранности. По другой гипотезе, таковая расстановка сработана из эстетических соображений симметрии, дабы ширина водной Северной улицы и водной Южной улицы совпадала с шириной дорожных Северных и Южных улиц. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что ширина Западных и Восточных дорожных улиц равна ширине Основного потока, а, следовательно, и ширине Западно-Восточной водной улицы. По третьей гипотезе, все постройки города были исполнены как попало, и лишь благодаря прихотливой случайности из первозданного хаоса, назло закону возрастания энтропии, вдруг сама собой организовалась гармония. Лично нам эта гипотеза кажется наиболее правдоподобной, ибо трудно себе представить, чтобы безалаберные обитатели этого странного города могли придерживаться сколь-ни-на-есть намеченного плана. Возражения же о малой вероятности подобных случайностей неубедительны. Ибо речь идёт о закономерной случайности. О той случайности, которой подчинены инстинкты природы.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Историю города следует исчислять со времени поселения в северо-восточном углу преподобного отца Матвея Горемычного, ибо до этого времени город переживал свой доисторический период, или, проводя анатомическую аналогию, свой внутриутробный период. Но поскольку любая история начинается с предыстории, то будет весьма разумным хотя бы вскользь упомянуть о внутриутробном развитии города, а именно о топтании мастодонтов и бронтозавров по земляному чреву города, о плескании ихтиозавров в его водяных артериях и о парении археоптериксов в его незакопчённых легких... Впрочем, что о них особо упоминать? Топтались. Плескались. Парили. Гораздо важнее, что уже в то время существовал центр вращения на перекрестии водных потоков, откуда постоянно вырывались в пространство могущественные дивнообразующие силы. Собственно, на этом доисторический период города можно считать описанным, и можно смело перейти к его непосредственной Истории.

По абсолютно непроверенным сведениям в 8... году преподобный отец Матвей Горемычный, а тогда ещё просто-напросто Матюха-горюха, тащился с сумой на плечах по диким просторам необъятной земли Соловенской... Какие причины вынудили Матюху к столь дальним странствиям: ссора ли с князем, обида ль на жену (если таковая имелась) или просто неуёмная тоска по скитаниям — остаётся навеки похороненным в глубине его беспросветной души. Однако факт остаётся фактом, и Матюха-горюха, он же преподобный отец Матвей Горемычный, в том далёком 8... году наткнулся в своих бесконечных блужданиях на великий Водяной

Крест и не сбежал от него, аки трусливый заяц, но, наоборот, остановился пораженный его голубизной и отражением облаков, плывущих супротив течения..., да так и остался там до конца дней своих, проводя их в глубоком самосозерцании и поисках своих отражений на водной глади и в воздушном движении.

Образ Матвея Горемычного, промышлявшего охотой и рыбной ловлей и проводившего дни свои в неустанном дивовании и детской радости, внёс неизгладимый отпечаток на всю последующую историю города и, можно сказать, определил изначальный вектор движения города вверх, несмотря на видимое внешне его пространство вширь.

Здесь необходимо отметить, что наш древний Соловенский предок испытывал мистический ужас перед любым перекрёстком, ибо, по его дремучим воззрениям, на пересечении прямых путей всегда сосредоточен заряд недюжинной демонической силы, которая могла не токмо обломать душу праведника, но и вывернуть ее наизнанку, затянув в неведомые пучины первозданного хаоса... Нетрудно себе представить, до каких же размеров выросло его волнение при нечаянной встрече с Водяным Крестом!!! Вот почему исторически сложилось так, что вдоль водных потоков поселялись люди недюжинные, чуткие до прекрасного, нетривиальные во всех смыслах этого слова... Среди первых поселенцев встречались и беглые холопы, и заморские путешественники, и странствующие монахи, и авантюристы всех мастей и калибров. И можно смело утверждать, что все они обладали в той или иной мере некоей чудинкой — как говорится, были немного не от мира сего.

Издревле о городе Матове шла чудная слава, и он как магнитом притягивал к себе наиболее бесстрашных купцов за матовскими диковинками, которые разбегались благодаря отчаянию торговых людей по всему миру и вносили определённое возмущение в размеренный ритм духовной жизни всего просвещённого человечества.

3. ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЯ

Когда зародилось столь необычное и в то же время столь привычное русскому уху название города, до сих пор остаётся неизвестным. Большинство авторитетных исследователей истории названия города сходятся на том, что к сквернословию, или в просторечьи к мату, оно не имеет никакого отношения. А скорее всего, название это укоренилось вследствие деформационного сдвига от изначального корня Матвеев, по имени первого поселенца города. Но вполне возможно, что недалеко от истины и те, кто утверждает, что источником названия являются матовые туманы, обволакивающие город с четырёх сторон света, и город в их пред-рассветной дымке и в самом деле становится матов.

Весьма экстравагантную теорию о названии города выдвинул молодой талантливый учёный М. Шахов, утверждающий, что потаённая суть названия заключается в том, что в этом исключительном во всех смыслах месте поставлен, выражаясь шахматным языком, духовный мат серой разумности всего прогрессивного человечества.

Лично нам кажется, что название города, откристаллизованное эволюцией его непутёвого развития, соединило в себе все вышеперечисленные теории.

4. АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА

Планировка города Матов, как уже должно быть понятно из предыдущего описания, определялась водными потоками, и осознанно или бессознательно город был рассечён на 44 квартала по одиннадцать прямоугольных кварталов в каждом из его углов.

Жилые дома города, по преимуществу одно и двухэтажные, обладают яркой индивидуальностью, и можно сказать, что каждый житель города сам себе архитектор. Эkleктичность застройки кварталов в совокупности со строгой планировкой вносят ни с чем не сравнимый колорит в его общий вид. Первое впечатление, которое на вас производит Матов, это, проводя психиатрическую аналогию, картинка из горячечного сознания больного шизофренией, в которой мирно соседствуют дома давно минувших дней, творения эпохи модернизма, колющие выдумки конструктивизма, плавающие постройки метаболистов, нелепые шлепки архитекторов-абстракционистов и странные строения инверсионистов.

Кроме обитаемых зданий, необходимо отметить наиболее важные хозяйственные и бесхозные сооружения. Во-первых, это неведомо как и незнамо зачем заброшенный сюда башенный кран, тихо ржавеющий на пересечении 3-й Восточной и 2-й Северной улиц. Во-вторых, это вполне бездействующая ветка железной дороги, занимающая всю 6-ю Западную улицу и украшенная чёрным паровозом времён Анны Карениной. В-третьих, это скрипучая ветряная мельница, стоящая в юго-западном окраинном углу города и построенная не иначе, как по образцу голландских мастеров XIV века. И, наконец, заводская труба (без завода) — из красного кирпича с тяжёлой полукруглой металлической дверью, закрытой изнутри на алдовый, по всей видимости, запор.

5. ИСКУССТВО

Вообще говоря, всё производимое в городе Матов является произведением искусства: будь то самогон, гонимый народным умельцем самогонных дел мастером Аликом Умелым, или картина, написанная местным художником Крестовым, или... Короче — всё. И поэтому в разделе «Искусство города Матов», по широким меркам, следовало бы описать характер и результаты деятельности всех его весьма непутёвых, но творчески одарённых обитателей. Однако в настоящей словарной статье мы позволим себе остановиться на особенностях искусства в традиционном и узком смысле этого слова.

5.1. ПОЭЗИЯ

Поэтические течения города Матов тяготеют определённым образом к лапидарности, размытости и широте.

Наиболее характерным (но отнюдь не самым блистательным) представителем поэтического пространства города является широкоизвестный на всю округу пиит Речь-Рекотечный (псевдоним, настоящая фамилия Речкин). Этому высокоодарённому по всем параметрам человеку удалось настолько синкретизировать поэзию, музыку и наблюдение, что его, строго говоря, нельзя относить к поэтам в узком смысле этого широкого слова, но тем не менее приоритет поэтического начала явно ощущается во всех его произведениях и произвояниях, что и позволило нам

отнести краткий обзор его творчества в раздел поэзии. Чтобы не заслужить упреков в голословии, мы попытаемся дать письменное изложение некоторых стихотворений этого новатора, прокладывающего столбовое будущее грядущей поэзии.

Представьте себе отлогий берег Основного потока, где, восседая на чёрном валуне и упираясь ногами в своё собственное изображение, поэт Речь-Рекотечный проникновенно произносит:

Речения Реки...

И уже после этой негромкой фразы вливается в продолжение стиха неторопливый шепот голубого потока с гортанной рябью белых бурунов...

Или же попробуйте вообразить себе поэта Речь-Рекотечного на том же самом валуне глухой промозглой осенью, когда из нахмуренно-серого неба который день уже падают слёзы слепого дождя... И эта бессмертная стихотворная фраза, подобная молнии, преобразующей пространство:

Скупое бормотание дождя....

И как продолжение: шелест капель на глади реки и эти круги, расходящиеся в никуда... И мокрый ветер, ударяющий в лицо...

Крайним выразителем движения (если слово движение или группировка возможно употребить к обитателям города Матов), и всё-таки движения, осознающего беспомощность слова перед чувством, поглощающим творца, является небезызвестный поэт Малёк-Немоватый (псевдоним, настоящая фамилия Немцов), который молчалив, как заводская труба, и никому неведомо почему. То ли сия особенность есть обычный физиологический недостаток, или же молчание поэта символизирует определённую эстетическую концепцию, исходящую из принципа Бессилия речевой обработки пространства.

Изложить поэзию Малёк-Немоватого в словах представляется не просто трудным, но в определённом смысле невозможным. Однако не упомянуть о ней мы посчитали себя не вправе (если можно так выразиться). Тем более что стихийные жесты и поступки кинетического языка Малёк-Немоватого настолько потрясали его наблюдателей, что эхо этого потрясения безмолвной волной переворачивало вековые воззрения культурного человечества на смысл и назначение поэзии.

И, наконец, третий, и наиболее значительный, на наш взгляд, поэт города Матов — это скандально известный Исторьев (фамилия настоящая; псевдонимы: И, Сто, Тор, Ор, Рье, Вьеротси Рое, Ево Тосри, Стори Рот'с и др.). Исторьев вошёл в Историю как великий творец Одинокой строки... Ниже мы приводим несколько типичных однострочных «романов» Исторьева, намеренно не производя никакого отбора, дабы показать срез его столь разностильного творчества:

Звнящая упругость начинаний!

Забывтый звук неграмотных поэтов...

Пещерные поэмы кроманьонцев...

Не знавшие листа стихотворенья сванов...

Такое древнее нетронутое небо...

Разоблаченье облачного блюза...

Прощальный взмах осеннего крыла...

Вы слышали, как падают снежинки?

Звезда, ушедшая в космический тираж...

Тревожный выдох потревоженных времён...

Глоток необитаемого ветра...

Прочтение реликтовых мелодий...

Некошеное пастбище любви...

Созданье галактической поэмы...

Один день смерти — в плату за строку!

А вы вдыхали расцветающие звёзды?

Как может одинокая снежинка
не растопиться в мареве дождя?

Уйти в неё, в усталость окончаний...

Цитирование этих поистине удивительных микророманов, саккумулированных всего-навсего в одной строке, можно было бы продолжать и продолжать, без боязни утомить искушённого читателя, однако сам Исторьев неоднократно утверждал, что на написание строки требуется гораздо меньше времени, чем на её восприятие. И что «на прочтение того, что он напишет в течение получаса — кому-то может не хватить и целой жизни». Видимо, под прочтением Исторьев здесь подразумевает совокупность переживания и постижения. Имея в виду свои строки, как некие ключи, открывающие плотины мыслительного потока, некие ключи, при помощи которых возможно произвести декодировку сокрытых в пространстве сознания тайных смыслов...

Вне всякого сомнения, каждая строчка Исторьева заслуживает отдельной монографии, с главами, посвящёнными узору букв, хитросплетениям шумов и звуков, неуместности или гипер-уместности в употреблении препинательных знаков и т.д. и т.п., но монографии подобного рода невозможно вмести́ть в краткую словарную статью, и всех интересующихся поэзией Исторьева и желающих разобраться в ней более детально мы отсылаем к работам кафедры поэтической лингвистики АН ЗСГир: «Строение строк в поэзии Исторьева», «Лыко в строку, или История

от Исторьева», «Рассредоточение встроенного смысла (опыт прочтения одной строки Исторьева)».

В настоящей статье особенно хотелось бы подчеркнуть, что, возможно, не стихи как таковые, но сам образ поэта Исторьева, сокрытый в его поэзии и художественно-беспорядочной жизни, его разрушающая все каноны и бесканония личность, его возвращение к многоформатным словам, апелляция к давно забытым выражениям, его поступки, превышающие порой поэтичностью своей поступки признанного корифея этого жанра поэта Малёк-Немоватого, возможно, всё это и есть самое главное, что привнёс в жизнь города и мира стихийный творец Исторьев.

5.2. ПРОЗА

О прозе города Матов говорить, пожалуй, ещё невозможнее, чем о поэзии..., и если последнюю можно хоть как-то изложить и кусочно-препрерывно процитировать, то о прозе города можно лишь развести руками или просто снять шляпу, или в конце-концов найти рукописный (что немаловажно, но необязательно) экземпляр бессмертного произведения Ивана Пишущего (псевдоним, настоящая фамилия Письменный), которое (произведение) состоит почти из миллиона приставок, такого же количества окончаний, упирающегося корнями в истоки и уходящего суффиксами в небо. Найти и просто вдохнуть аромат его бескорыстного творчества. А мы надеваем чехол на нашу печатную машинку и в немом почтении прикрываем глаза.

5.3. ЖИВОПИСЬ

Говоря о живописи города Матов, следует сказать и необходимо отметить, что. Что каждый его (города) житель, подобно древнему кроманьонцу, настоящий художник, ибо. Ибо каждый житель города любит разукрашивать свои дома, свои лица, свои одежды в самые замысловатые и не поддающиеся описанию цвета и сам становится похожим на редкие и загадочные цветы.

Но, пожалуй, только живописец Крестов возвёл это искусство (разукрашивание) в божественное поклонение краске и кисти, цвету и штриху... Работы Крестова затягивают в себя, подобно Мальстрему или Великой спирали из центра Водяного Креста. Раз погрузившись в них, невозможно, говорят, оттуда выбраться. К сожалению, мы не рискнули пойти на экспериментальное созерцание его картин с тем, чтобы подтвердить или опровергнуть это расхожее мнение, а с теми, кто пошёл на подобные эксперименты, наладить связь до сих пор не представляется возможным. Поэтому мы лишь констатируем, несомненно, величие живописи Крестова и не можем к этому ничего добавить.

5.4. СКУЛЬПТУРА

«О, сколько нам скульптур огромных готовит просвящённый дух!» — так пошутил однажды Исторьев над работой единственного скульптора города — Великого Ляпова (псевдоним, настоящая фамилия Ляпин-Величко). Трудно что-либо определённое сказать об эстетической концепции этого скульптора. Но факты, как говорится, налицо, или скорее, на голову: 24 года своей творческой жизни потратил (без оттенка напрасности траты) Ляпов на высечение макушки Великого Кор-

мчего. По грандиозному замыслу Ляпова — скульптура Кормчего должна уходить в глубь Земли, достигая ногами потока огненной магмы и указывая сияющий путь в её кипящих пучинах.

5.5. МУЗЫКА

Музыка города — это, прежде всего, композиции (или импровизации) старика Эоли. Тончайшего мастера звука и шума. Дом Эоли по сути своей представляет сложнейший музыкальный инструмент, со струнами на окнах, с клавишами вместо половиц, с мехами на створках дверей, с музыкальными свистками на чайниках и кастрюлях.

Каждый день старика Эоли разворачивается в многоголосый концерт, который не может быть записан на нотной бумаге.

«Музыка не есть жизнь, но сама жизнь есть музыка! — утверждает Эоли. — И повторение каждой композиции, так же немислимо, как немислимо повторение жизни».

5.6. ТЕАТР

Как созидательный жанр искусства, полностью отсутствует в городе Матов. Однако театр широко распространён как наблюдательный жанр. Во-первых, все жители в свободное от основных занятий время очень любят рассматривать театр Зверей под руководством их инстинктов и матери Природы. Второе любимое зрелище — это театр Жизни, где сценаристами являются лишь Господь Бог да Великий Случай... И, наконец, все обитатели Матова постоянно любятсся едва уловимым театром теней под режиссурой «магистра» Ветра и «маэстро» Солнца (эпите-ты Речь-Рекотечного).

6. ФИЛОСОФИЯ

Философия, подобно искусству, пронизывает все сферы жизни города Матов. Каждый житель города не только и не столько поэт и художник, но, в первую очередь, это самобытный и самостийный философ. Философ, постоянно постигающий жизнь и смерть, и своё место в жизни и смерти.

Каждый житель города — это вековечный мудрец, погружённый в принципиально нескончаемый спор о начале начал и конце концов, о красоте и об истине, об Атоме и Боге. Однако отнюдь не всем приходит в голову изложить свои постижения и разочарования словами, и большинство из них, а вернее, все, кроме одного, предпочитают верные дела далеко не всегда верным словам. А поскольку описать разнообразные дела горожан (в свете овеществления идей) не позволяют скромные возможности словарной статьи, мы обратимся к словам того единственного философа, предпочтившего их (слова) делам своих соотечественников. И по мере нашего уразумения, попытаемся изложить основные вехи философии этого тонкого мыслителя по имени Иоким Мыслящий (псевдоним, настоящая фамилия Иона Непомнящий).

Начнем с эсхатологии.

Аксиоматика Иокима до предела проста и состоит всего-навсего из двух утверждений:

1. Мир существует.

2. Время вечно и существует независимо от Мира.

Из этих двух изначальных постулатов, привлекая в помощь исторический опыт и анализируя устремления человечества, Иоким приходит к выводам о росте и стремлении духовных начал к бесконечности, к постоянной попытке духа оторваться от плоти и обрести независимое существование. И вот, помножая сколь угодно малую, но конечную вероятность существования одного Мира (доказательством чего служит наш Мир (см. 1-й постулат)) на бесконечную протяжённость времени (см. 2-й постулат), Иоким приходит к выводу, что в одном из Миров отрыв Духа от плоти непременно происходит. И тогда Дух (Мировой Дух) неминуемо затоскует по утерянной плоти (психологический эффект утраты), но вернуться в неё окажется много сложнее, чем с ней распрощаться, и для этого одинокому Духу придётся пересоздать, перевыдумать утерянный Мир (огромный мир метagalactic и галактик, бескрайний мир цивилизаций и культур), обладая в качестве строительного материала лишь вакуумом, да и то при ближайшем рассмотрении оказавшемся ложным. Задача вряд ли выполнимая даже для одинокого Духа, если бы он зависел от времени, но — и тут вступает в силу третий постулат Иокима:

3. Дух не зависит от времени.

Подводя итог эсхатологическим воззрениям Иокима можно сделать один, но гиперглобальный вывод:

Вселенная возводилась и возводится неоднократно. Иногда это происходит по воле случайности, но случается и по воле одинокого Духа.

Теперь мы попробуем очень кратко передать смысл этического учения Иокима Мыслящего. Собственно, этого его учения, возможно, и не зная о нём даже понаслышке, придерживается большинство городских обитателей.

Суть учения Иокима заключается в стремлении к Свободе и непосягательстве на Свободу своих собратьев. Именно поэтому каждому следует совершать лишь те поступки, к которым стремится его Душа, и ни в коей мере, и никогда не должно закабалять Души других жертвенными поступками, на которые потребовалось хотя бы малейшее морально возвращение (отдача долга).

Превуалирующим в философии Иокима Мыслящего является эстетическое понимание действительности. По мнению Иокима, Красота — абсолютна, ибо претендует только на субъективность. А истина — всегда относительна, вместе со своей смешной претензией на объективность. Поэтому следует по максимуму усматривать вокруг себя эстетику Мира и подчинять свою жизнь законам эстетичности, преобразуя восприятие Мира в пользу красоты, но отнюдь не полезности. Нельзя дать Миру увлечь себя на проторенную дорогу прогрессивного шествия, но, наоборот, необходимо увлечь за собой окружающий Мир в сторону прекрасного праздника Великой случайности.

Социальное устройство Мира для Иокима Мыслящего не может быть ничем иным, как только и исключительно — абсолютной Анархией, ибо любое управление социумом, направленное во зло или во благо, всегда посягает на Свободу индивидуума и влечёт за собой со стороны последнего либо жажду мщения, либо долг благодарности, что в любом случае ведёт к ограничению полётности человека.

С эстетической точки зрения Анархия опять же предпочтительнее любого другого строя, поскольку таит в себе наиболее широкий спектр непредсказуемых

возможностей и происшествий, а случайность и непредсказуемость, по мнению Иокима, является краеугольным камнем любой эстетики.

Здесь необходимо отметить, что город Матов блестяще подтверждает теоретические построения Иокима о социальном устройстве, ибо, будучи принципиально анархичным, он без сомнения является драгоценной жемчужиной, затмевающей своей безыскусственной красотой нарядную серость наших железобетонных урби.

И точно так же, как Матов выделяется среди серого братства урби (да простится нам столь изящное сравнение), в философии Иокима Мыслящего кристаллом торжества выделяется его раскрытие Центра. Центром Мира, Времени и Духа Иоким полагает отнюдь не собственное Я и отнюдь не Я одинокого Духа, и, конечно же, не пресловутый Большой взрыв. Великим центром, вобравшим в себя и Мир, и Время, и Дух, является, по утверждению Иокима, Изначальный водоворот, вселенский вихрь, закрутивший планеты, галактики и электроны, завернувший в Мировую спираль и Человеческий разум, и Божественную Душу. Изначальный водоворот принципиально необъясним, и к его пониманию можно лишь построить касательные или провести аналогии.

Одной из таких божественных аналогий и является Водяной Крест, с его собственным центральным водоворотом. А улицы города — это касательные, построенные к его пониманию.

7. РЕЛИГИЯ

Преобладающей религий в городе Матов несомненно следует считать стихийное язычество.

Жители города постоянно поклоняются самым невообразимым вещам. И, наверное, наиболее почитаемым, среди прочего бестолкового с нашей (цивилизованной) точки зрения хлама, является для них Куриный бог — эдакий камушек с дырочкой. (Да и то сказать, по правде: пожалуй, и среди всего культурного человечества вряд ли найдётся хоть кто-нибудь, кого оставит равнодушным это маленькое чудо природы. Куриный Бог — это поистине Бог всей Земли и города Матов — в наглядной частности.)

8. НАУКА

Вы, видимо, уже почувствовали, что каждый житель города Матов — и поэт, и плотник, и в остальном работник. Не является исключением и его (жителя) увлечение наукой. Все горожане, без исключения, — самородки-изобретатели, выдумывающие ступенчатые колёса (чтобы можно было завозить что-ни-на-есть нужное прямо в дом, не боясь крылечка, которое специально подгоняется в шаг ступенчатого колеса), составляющие какие-то невиданные краски, переделывающие самые обычные вещи в музыкальные механизмы или устройства для улучшения качества вин, или приспособления для наблюдения звёзд и т.д. и т.п... Можно посвятить целую книгу, описывающую замечательные изобретения и необычные научные открытия горожан, но мы остановимся лишь на наиболее значительных достижениях, к которым пришли учёные теоретики города Матов.

8.1. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

8.1.2. ФИЗИКА

В области физики признанным авторитетом города несомненно является Виктор Викторович Вечняев (настоящая фамилия Михаил Михайлович Мгновенный), который посвятил свои дни и труды изобретению вечного двигателя.

Разумеется, Виктор Викторович никоим образом не посягал на устоявшиеся взгляды земной науки и законы физического мироздания и, как любой уважающий себя научный ум, прекрасно осознавал невозможность существования вечных двигателей — как первого, так и второго рода. Однако он теоретически обосновал и строго математически доказал возможность существования вечного двигателя третьего рода, основанного на принципе гравитационного маятника. В.В.Вечняев предложил десятки проектов по использованию своего открытия, наиболее практичным из которых была разработка конструкции вакуумной шахты, проходящей по земной оси и соединяющей Южный и Северный магнитные полюса. По этой шахте без затрат энергии извне должен был двигаться под действием гравитации безостановочный лифт, на котором можно было бы, к примеру, перебросить южную птицу пингвин из Антарктики в Арктику.

8.1.2. АЛХИМИЯ

Научные успехи алхимии города Матов связаны прежде всего с именем Зосимы Золотова (настоящая фамилия Семён Болотов), который сумел открыть а-философский камень, при помощи коевого вышеупомянутый Зосима весьма ловко «наоблатыкался» (выражаясь его собственным языком) превращать золотые червонцы императорской чеканки в «шматки» (выражение Зосимы) странного металла расплюснутой формы («хотелось бы научиться получать чистое дерьмо, — сетует Зосима, — но до этого моему камню ещё достаточно далеко»). Благодаря этому открытию, Зосима Золотов надеется избавить всё цивилизованное человечество от гнилого вируса золотого тельца и оздоровить духовное движение ноосферы Земли.

8.1.3. АНАТОМИЯ

Анатомическую науку города представляет, в первую очередь, талантливый и пытливый исследователь человеческого тела Норман Носов (настоящая фамилия Пётр Попов). Основным открытием Нормана Носова следует считать изменение приоритетов ценности органов плоти по отношению к душе. Если до открытия Носова традиционно считалось, что наиболее близко к душе расположено сердце, то после его логических выкладок не остаётся никаких сомнений, что наиболее близко к нашей душе расположен нос. В пользу этой гипотезы говорит действительно очень многое. Сравнить хотя бы глаголы, характеризующие работу души и работу носа: «чувствовать» и «чуть» (отметим, что несмотря на небольшую разницу в оттенках, эти слова зачастую используются как синонимы), или просто взглянуть на многозначность слова «дух». Норман Носов пишет: «Нос точно так же, как и душа, не подвластен требованиям рассудка и напряжению воли, ибо под воздействием мысли Вы можете вызвать зрительный или звуковой образ, ощущение

тепла или вкуса во рту, но практически никогда не удаётся вызвать запаха. И наоборот, знакомый вам аромат тут же раскручивает перед вами цепь воспоминаний, утягивает в глубины памяти и прапамяти, возвращает вас к давно утерянному прошлому».

В свете открытия Нормана Носова совершенно в другом свете предстают перед нами с детства знакомые идиомы: «Не видеть дальше собственного носа», т.е. сосредоточиться на самосозерцании; «Не суй свой нос в чужое дело», т.е. не открывай душу первому встречному; «Не задирай нос» — т.е. не торопись возноситься, ты ещё не до конца прошёл свой земной отрезок жизни; «Повесить нос» — т.е. произвести кратковременное самоубийство души; «Оставить с носом» — т.е. оставить наедине с самим собой; «Клевать носом» — т.е. попытаться воспринимать мир душой.

Разумеется, на первый взгляд теория Носова обладает рядом достаточно хлипких натяжек, но они объясняются тем, что мы пытаемся переложить её содержание словами, сам же автор известен не только как анатом-теоретик, но и как создатель ароматических симфоний, вдыхая которые потрясённая публика уносилась в такие глубины нирваны, что возвращённая оттуда в родные тела просто не могла поверить в своё мимолётное постижение сути вещей и, забыв это недавнее постижение, окуналось в него напрямую, минуя сознание и подсознание.

Немалый вклад в развитие анатомии внёс также молодой учёный Зорге Разгрызающий (настоящая фамилия Колян Беззубый), который построил классификацию млекопитающих по частоте сменяемости зубов во рту. Человек и здесь, как ни странно, оказался в весьма исключительных условиях, однако труды молодого учёного ещё весьма далеки от своего завершения, и, кроме основополагающей идеи, мы о них сказать что-то определённое затрудняемся.

8.1.4. АСТРОНОМИЯ И АСТРОЛОГИЯ

Герман Галлактионов (настоящая фамилия Галактический) — это человек, поставивший обе астральные науки в нормальное положение. Это он с ювелирной точностью и доскональной скрупулёзностью выполнил истинный, а не видимый нами пространственный макет галактики в масштабе 1мм к 1 парсеку. Это он перетасовал все созвездия из проекции в пространство и определил истинное влияние астральных тел на характеры человека и судьбы человечества.

8.1.5.1. МЕХАНИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

Не будем повторяться, вспоминая, что все жители города — доморощенные механики, а перейдём сразу к сути основных теоретических открытий, совершённых местным механическим гением Михой Тормозом (настоящая фамилия Михаил Тормозков).

Наиболее ценным и наиболее бесполезным открытием Миши Тормоза является вычисление теоретической высоты клеёного стержня, при которой он расслоится под действием собственного веса. Все попытки проверить на практике его теоретический результат до сих пор терпели экспериментальное фиаско.

Наименее ценным и наименее бесполезным явилось другое открытие, касающееся вычисления длины, необходимой для схлопывания подобного стержня под действием собственных гравитационных сил при условии свободного парения этого стержня в безвоздушном пространстве.

8.1.5.2. ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

Поэтические конструкции весьма популярны среди жителей Матова. И здесь, вне всякого сомнения, необходимо остановиться на поэтических объектах стихия-конструктора Игоря Ди (настоящая фамилия Дима И).

Не вдаваясь в детальный обзор творчества Игоря Ди, приведём здесь инструкцию пользователя для сконструированной им ветровой машины под названием «Стихияиветр»:

СТИХИЯИВЕТР

(инструкция пользователя)

ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ:

Принцип действия Стихияиветра основан на резонансном совмещении трёх энергетических потоков: поэтической энергии — P , солнечно-ветровой энергии — $W=S+V$ и энергии воспринимающего индивидуума — I .

Восприятие Стихияиветра (X) вычисляется по формуле:

$$X=(P(S+V))^I+Y,$$

где Y — случайно-непредсказуемая величина всяческих разностей.

Как видно из формулы, основной вклад в восприятие вносит наблюдающий Стихияиветр индивидуум, который и есть самый необходимый элемент в конструкции Стихияиветра.*

* Именно поэтому к воспринимающему индивидууму надлежит относиться очень бережно. В целях профилактики рекомендуется ежедневно (а можно и чаще) протирать его наилучшими сортами виноградных вин, а за неимением оных — водкой или, на худой конец, разведённым спиртом.

СХЕМА РАБОТЫ:

Энергия ветра V , принимаемая ветрозаборным дирижаблем A , перетекает посредством покачивания и дрожания по ветроотводу B и передаётся восьмистихийному диску C , где, сливаясь с поэтической энергией серебристых строк, передаётся воспринимающему индивидууму X_m . В это же время энергия солнца S стекает через солнцеглотатель D на зеркальные линии восьмистихийного диска и отражается посредством солнечных зайчиков в глазах воспринимающего индивидуума.

Воспринимающий индивидуум, открыв глаза — X , рот — m и простояв перед Стихияиветром среднестатистическое время между мигом и вечностью, произносит своё знаменитое « X_m » и уходит.

НАЗНАЧЕНИЕ:

Стихияиветр используется исключительно в мирных (не военных) целях. Предназначен он единственно и непреложно для индивидуумов группы X_m .*

* Все человеческие и иные индивидуумы делятся на две группы: X_m — способные стать частью Стихияиветра, H_0X_m — неспособные стать частью Стихияиветра.

СПОСОБ ПРИМЕНЕНИЯ:

Использовать Стихияиветр можно и даже нужно произвольным способом. Однако существует и классический метод применения. При этом методе воспринимающий индивидуум X_m располагается лицом к ветру, определив оный посредством осязания или при помощи ветрозаборного дирижабля, выполняющего по совместительству роль флюгера, и, очистивши мысли свои от всего брэнного и наносного, медленно читает серебристые строки в соответствующем секторе восьмистихийного диска. Отметим, что для удобства восприятия северные строки расположены на южной стороне диска, западные — на восточной, южные — на северной и т.д.

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ:

Стихияиветр не рекомендуется использовать во время дождя, снега, града, камнепадов, землетрясений, извержений вулканов и цунами, поскольку вмешательство дополнительных энергий может привести к поломке и даже полному разрушению Стихияиветра.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Конструктор искренне благодарен всем воспринимающим индивидумам группы X_m , добровольно согласившимся стать одной из движущих сил Стихияиветра, а также всем индивидумам группы $H_e X_m$, добровольно отказавшимся стать вышеупомянутой силой.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

(серебристые строки, расположенные на восьмистихийном диске)

Северный сектор:

*Когда в стихи врывается метель
И рифмы оседают хрупкой снежью,
И кружит зимний серебристый шмель
По белому морозному безбрежью...*

Северо-восточный сектор:

*По белому морозному безбрежью
Кружит мой стих печально-одинокий.
И, растрепав его одежды,
Холодный ветер лижет строки...*

Восточный сектор:

*Холодный ветер лижет строки.
И, как молитва облаков,
Прольётся где-то на востоке
Дождь упоительных стихов.*

Юго-восточный сектор:

*Дождь упоительных стихов
Размоет разума оплот,
И прорастёт сквозь толищ веков
Стиха трепещущая плоть.*

Южный сектор:

*Стиха трепещущая плоть
Дрожит, как бабочка в ладошках,
Что с нею делать? Приколоть?
Или отправить за окошко?*

Юго-западный сектор:

*Или отправить за окошко
Бело-церковных колоколен
Мой стих, который ложь за ложкой
На прямом западе настоян.*

Западный сектор:

*На прямом западе настоян,
Не по земному свеж и тих,
Уходит в небо с колоколен
Ещё не добродивший стих.*

Северо-западный сектор:

*Ещё не добродивший стих...
Но всё равно бросает в хмель.
И шёпот ветра переходит в крик,
Когда в стихи врывается метель.*

8.1.6. МАТЕМАТИКА

Все жители города Матов называют себя не иначе как математиками, но отнюдь не матовчанами, матовцами, матовлянами или, допустим, матовичами.

Математике же как таковой посвятил свои часы и старания молодой житель города Матов Джек Девяткин (настоящая фамилия Джон Восьмёркин). Джек Девяткин в доскональной подробности изучил свойства умножения целых чисел на девять. Он доказал известное свойство того, что сумма цифр произведения любого числа на девять всегда кратна девяти. Он показал также, что это свойство присуще любой системе исчисления и выполняется для последней порядковой цифры системы. Джек Девяткин вывел формулу для определения произведения любого числа на девять, исходя из структуры умноженного числа. Кроме того, Джек Девяткин придумал формулу для подсчёта кратности произведения. Для тех, кто знаком с символьным языком математики, мы приводим здесь мелким шрифтом короткую запись основных формул, полученных Девяткиным.

$$1. 9 \times n_1 n_2 \dots n_k = P_1 P_2 \dots P_q \Rightarrow$$

а) $P_1 + P_2 + \dots + P_q = 9 \times m$, где $m \in \mathbb{Z}_0$. Пример: $9 \times 81 = 729 \Rightarrow 7 + 2 + 9 = 9 \times 2$

б) $P_1 P_2 \dots P_{q-1} = n_1 n_2 \dots n_{k-1} - (n_{k-1} + d_{0nk})$ где $d_{0nk} = 1$, если $n_k \in 0$

$d_{0nk} = 0$, если $n_k \neq 0$

$$P_q = 9 \times m - P_1 + P_2 + \dots + P_{q-1}$$

$$P_q = d_{0nk} \times 10 - n_k$$

Пример: $9 \times 81 = 729$; $n_1 = 8$, $n_2 = 1$, $P_1 = 7$, $P_2 = 2$, $P_3 = 9$

$$P_1 P_2 = 72, n_1 n_2 = 81$$

$$72 = 81 - (8 + 1)$$

$$P_3 = 9 \times 2 - (7 + 2) = 9$$

$$P_3 = 1 \times 10 - 1 = 9$$

в) Если (I) $n_k, n_{k-1}, \dots, n_1 \Rightarrow m \in \mathbb{Z}_{0n}$, при $n_k = 0 \Rightarrow m = k$, $i = 1$

Если (II) $n_k > n_{k-1} > \dots > n_1 \Rightarrow m = 1$

Если монотонные последовательности типа (I) и (II) нарушаются, то число следует разбить на участки, где эти последовательности имеют место и кратность $m \in \mathbb{Z} m_i$, где m_i — кратность на каждом участке,

$s - i = 1$ количество участков.

Пример: $9 \times 81 = 729$, имеет место последовательность (I) $\Rightarrow m = 1 + 1 = 2$.

Все перечисленные свойства Джек Девяткин доказал методом математической индукции; в настоящее время он работает над выяснением теоретических свойств произведения, которое получается при умножении любого числа на единицу.

8.2. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

8.2.1. ИСТОРИЯ

Единственный историк города Матов — это не кто иной, как Лев Истоков (настоящая фамилия Изя Львов), который с прецизионным тщанием исследовал историю возникновения и существования всех загадочных странностей нашего мира. Лев Истоков провел классификацию странностей и разделил их следующим образом:

1. Необъяснимые и интуитивно не понимаемые странности — это магнит, увеличительное стекло, сифон, палка и все конструкции, составленные из магнитов, увеличительных стёкол, сифонов и палок.
2. Необъяснимые, но интуитивно понимаемые странности — это человек, женщина, кошка, башенный кран, паровоз, а также все соединения из людей, женщин, кошек, башенных кранов и паровозов.
3. Объяснимые, но интуитивно не понимаемые странности — это Великий водоворот, огонь, квантовая частица «странность», чёрная дыра, а также всё, попадающее в водоворот, в огонь, в квантовую частицу «странность» и в чёрную дыру.
4. Объяснимые и интуитивно понимаемые странности — таковых до сих пор обнаружить не удалось.

8.2.2. ФИЛОЛОГИЯ

Хранитель, исследователь и, можно даже сказать, поэт Языка знаменитый Иван Буквальный (настоящая фамилия Борис Иванов), без сомнения, внёс огромный вклад в языкознание и, пожалуй, можно утверждать, произвёл настоящий перево-

рот в самих основах науки о языке. Иван Буквальный выступил с парадоксальным заявлением о приоритете поэзии не только над прозой, но и над речью как таковой. По его утверждению, создание первослов есть не что иное, как поэтический акт. Иван Буквальный разбил всё языковое пространство на слова первого порядка и слова второго порядка. К первословам он отнёс все словарно-звуковые соответствия совокупному зрительному восприятию предметов, действий и явлений. Приведём несколько наиболее ярких и любимых самим Буквальным примеров:

1. слово «огурец» — в нём без сомненья чувствуется хрустящесть, вытянутость и зелёность.
2. томат — круглость, текучесть, красность.
3. соль — сыпучесть, белость.
4. снег — игольчатость, узорность, нежность, искристость.
5. мысль — скользкость, мелькаемость, кремовая розоватость.

К словам второго порядка Иван Буквальный относит слова, заимствованные из других языков, и слова, сочинённые на основе первослов. Акт заимствования иностранного слова во многом тоже поэтичен; при заимствовании, как правило, происходит трансформация слова, его огранка. Например, по аналогии с латинским первословом *capita* — голова в России стала называться капуста, но после этого трансперехода из одного языка в другой слово обрело оттенок вороха, оттенок воздушности и оттенок салатовой зелени.

Акт сохранения и удержания иноязычного слова — это в определённой мере работа поэтического вкуса и слуха нации.

Иван Буквальный специально оговаривает вопросы письменного словотворчества. Буквенная письменность есть не что иное, как инверсия звукового восприятия к зрительному. Если в иероглифической записи зрительный символ предмета или явления переносится напрямую в листок бумаги, то в буквенной записи переход от зрительного восприятия к зрительному символу опосредован и имеет промежуточную стадию в виде звуковой аналогии.

Естественно, что звуковые языки обладают особым пространством и, более того, создают это пространство. И уже в нём, в этом новоявленном пространстве, возможно возникновение совершенно абстрактных, выбранных исключительно по звуковой гармоничности новых слов.

Следует отметить и ещё один немаловажный труд Ивана Буквального. Это создание словарей цветового и музыкального расширения, в которых каждому слову в соответствии с субъективным вкусом автора, как указано в аннотации, подобраны цветовые и музыкальные аналогии.

8.2.3 МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ

Эта неизвестная широкому миру пограничная область науки, искусства и философии требует, пожалуй, наиболее подробного комментирования и рассмотрения.

Ведущим представителем этой области является известный поэт и математик Сирго Бержеракзе (фамилия настоящая), потомок Сирано де Бержерака по гругинской линии.

Учение Сирго настолько ёмко и полновесно, что не выдерживает никаких попыток реферирования и аннотирования. Поэтому мы приводим здесь его основные труды без существенных сокращений.

Сирго Бержеракзе МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ

Введение:

Что или кто я такое? Этот вопрос имеет огромное количество ответов, ни один из которых не исчерпывает поставленную проблему.

Попытка раскрытия человеческой сущности при помощи математики никоим образом не претендует на научность, но, наоборот, стремится к поэтической необязательности и откровенной субъективности.

О возможности постижения собственной сущности.

Постулаты:

1. Человек обладает способностью самонаблюдения — **S**.
2. Человек обладает способностью совершать непредсказуемые поступки — **P** (творчество, любовь, сумасбродство и т.п.).
3. Характеристики **S** и **P** — являются основополагающими для человеческой сущности.

Принцип дополнительности:

S и **P** являются дополнительными величинами. Подобно тому как энергетически-импульсная и пространственно-временная картины дополняют друг друга в квантовой механике, так и самонаблюдение дополняет сумасбродство. Чем полнее самонаблюдение, тем меньше сумасбродство, и, наоборот, чем больше сумасбродство, тем мельче самонаблюдение.

Самонаблюдение:

S — является функцией времени (**t**), внутренней освещённости (**W**) и энергии мысли (**E**).

$$S = WE/t \quad (1)$$

Сумасбродство:

1. Творчество (**T**) — функция времени (**t**), внутренней раскрепощённости (**Q**), творческого потенциала (**U**), технического мастерства (**m**) и возмущающей случайности (**z**).

$$T = U^2 Qz / (mt) \quad (2)$$

2. Любовь (**L**) — функция времени (**t**), внутренней раскрепощённости (**Q**), творческого потенциала (**U**), жизненного опыта (**n**) и возмущающей случайности (**z**).

$$L = U^2 Qz / (nt) \quad (3)$$

3. Абстрактное сумасбродство (**P**) — функция времени (**t**), внутренней раскрепощённости (**Q**), творческого потенциала (**U**), жизненного опыта (**n**) и возмущающей случайности (**z**).

$$P = U^2 Qz / (nt) \quad (4)$$

Принцип неопределённости:

Величины $\sim S$ и $\sim P$ связаны соотношением неопределённостей

$$\sim S \times \sim P \sim h, \quad (5)$$

где h — постоянная индивидуальной сущности; h в зависимости от человека может принимать значения от 0 до 1.

Размерности:

W — [лдж] люкс души, **E** — [джм] джоуль мысли, **U** — [вт] вольт творчества, **Q** — [грс] градус свободы, **z** — [ср] сор, **n, m** — [ср/с] сор в секунду, **t** — [с] секунда. **h** — [лджм грс ВТ²/с], то есть такое количество джоулей мысли, помноженных на люксы души, помноженных на градусы свободы, помноженных на квадратные вольты творчества, способен пропустить (испустить) сквозь (из) себя конкретный индивидуум.

Выводы и следствия:

1. Если к Творчеству добавляется Любовь или, наоборот, к Любви добавляется Творчество, то в душе человеческой зарождается Любовное Творчество **LT**, или Творческая Влюблённость **TL**.

В действительном мире эти величины равны между собой и выражаются формулой:

$$LT=TL=U^4Q^2z^2/(mnt^2) \quad (6),$$

из которой следует, что в этом случае творческий потенциал, внутренняя раскрепощённость и возмущающие случайности начинают воздействовать на душу в значительно большей степени, однако и временной интервал этого воздействия существенно укорачивается, и понижающая засорённость также сильно возрастает.

2. Если в душе угасает Любовь, то это полностью перечёркивает и движение творческих потоков:

$$T/L=n/m \quad (7).$$

После такой метаморфозы в человеческой сущности остаётся лишь безразмерная константа индивидуального навыка, зависящая от линейно нажитого жизненного опыта и от линейно набранного ремесленного мастерства.

3. При угасании Любви неминуемо гасится и Сумасбродство:

$$P/L=1 \quad (8).$$

4. Допустим, что творческий потенциал, внутренняя раскрепощённость, возмущающая случайность не зависят от времени, а мастерство есть линейная функция времени $m=kt$, где **k** — индивидуальный коэффициент трудолюбия. Тогда, интегрируя функцию творчества по времени жизни, получим:

$$\int_0^{t_c} U^2Qz/(kt^2)dt = -U^2Qz/(kt)^2 \Phi_0 = +^3 - U^2Qz/(kt) \quad (9)$$

где t_c — возраст смерти. То есть Творчество жизни есть бесконечный потенциал, данный при рождении, уменьшенный на приобретённые разности. Если же мастерство индивидуума не зависит от времени, то интеграл творчества равен:

$$\int_0^{t_c} Tdt = U^2Qz \ln(t)/m^2t_c = U^2Qz \ln(t_c)/m^{-3} \quad (10)$$

И в этом случае Творчество жизни — есть попытка приближения к изначально бесконечному идеалу.

5. Попытка внутреннего анализа творчества неминуемо приводит к следующим результатам:

$$T_s = T/S = U^2Qz/(mWE) \quad (11)$$

$$S_T = S/T = mEW/(U^2Qz)$$

Эти результаты крайне неопределённые, поскольку зависят от отношения **Q/W**.

Дело в том, что внутренняя раскрепощённость **Q** жёстко связана с внутренней освещённостью **W**. (Чем больше **Q**, тем меньше **W**, и наоборот). Поэтому при увеличении внутренней раскрепощённости, необходимой для свободного творчества, **W=0**, и, соответственно, анализ творчества также сводится на нет. Если же увели-

чивается внутренняя освещённость, необходимая для анализа, $Q=0$, и, соответственно, само творчество сходит на нет.

Аналогичные результаты возникают при анализе Любви и прочих сумасбродств.

Таким образом, можно утверждать, что творчество, любовь и другие непредсказуемости человеческой личности невозможно анализировать изнутри. Поэтому в поле деятельности самоанализа остаются лишь нетворческие поступки, которые не представляют для личности никакого особого интереса.

9. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТРАНСПОРТ.

Добывающая промышленность как таковая в городе Матов отсутствует, а обрабатывающая промышленность просто-напросто не имеет места. Однако в широком смысле этого явления городские обитатели, по их собственному выражению, «мал-мала промышляют». Что же касается городского транспорта, то эта часть жизни может быть разделена на две неравные половины:

- а) недействующий транспорт,
- б) действующий транспорт.

К а-половине относится уже упомянутый нами паровоз времён Анны Карениной, к б-половине относятся: во-первых, велосипеды и велоколяски, в основном добротной сборки начала XX века, а во-вторых, конно-ослиный транспорт, как правило, муругих, мухортых и караковых мастей.

10. ТОРГОВЛЯ.

Все жители, которые пока ещё не разучились есть, пить и одеваться, а таковых в городе преимущественное большинство, несут свои поделки, достижения и открытия в припоточный пакгауз к завхрану Афанасию, или, как он сам себя называет, Хранителю заведения, меняльных дел мастеру Афанасию Восьмому, живущему при Потоке. О заведении и Афанасии следует сказать следующее: пакгауз — это длинно-вытянутое приземистое сооружение, сработанное из массивных кондовых бревён (2 нижних венца из дуба и 2 верхних венца палисандровые), при конструктивности в шесть венцов пакгауз имеет высоту по нашей метрической системе порядка 3-х метров. Подземная часть пакгауза снабжена глубинными погребями, отделанными красным кирпичом, с ледниками и водостоками. Завхран и меняльных дел мастер Афанасий вполне достоин своего заведения — это рослый, лохматый кряж в чесучовом пиджаке и туристических ботинках, степенный, неторопливый, вдумчивый, и, разумеется, прозвище «маклак», данное ему поэтом Исторьевым, для хранителя заведения Афанасия Восьмого ну никак не подходит.

Суть деятельности Афанасия заключается в следующем: принимая от жителей города плоды их духовных исканий и научных откровений, мастер обмена выдает им по своему усмотрению и разумению необходимые для существования и творчества продукты, инструменты и обмундирование, причём основная идея, которую использует при выдаче необходимого минимума обладатель чесучового пиджака, состоит в том, чтобы дать дары приносящему ту крупицу, без которой духовный поток одного может потускнеть и засохнуть. Например, поэту Исторьеву, в зависимости от настроения, Афанасий выдает: шампанское урожая 1859 года, консервированных омаров, копчёных осьминогов, предварительно вымоченных в ежевичном соусе, мускатном вине и кобыльем молоке, китайскую рыбу семи ароматов, рачью икру, заморские фрукты, шоколад, кофе, цейлонский чай, сушки и прочую замысловатую и изысканную снедь, а вот самовыгонятелю Алику Умелому, как правило,

выдаются: корнишоны, маринованный чеснок, анчоус пряного посола, венгерский шпиг, мочёная антоновка, солёные рыжики, икра осетровых рыб, квашеная капуста и другие незатейливые блюда и закуски. Философу Иониму Афанасий даёт мешок сухарей на месяц, 2 фунта сахару и полфунта красного копорского чая, математик Девяткин получает в основном изюм, орехи, сгущенное молоко, петушки на палочке, жевательную резинку, Миха Тормоз довольствуется холодной телятиной и чешским пивом в алюминиевых бочонках, и так далее и тому подобное. Всю эту замысловатую и другую продукцию Афанасий получает с самоходной баржи, которая раз в месяц приходит с Запада, упираясь течению Основного потока. Афанасий передаёт капитану Фуражкину произведения искусства и ручных промыслов, сработанных в городе за истекший месяц, для переправки их в Большой свет, после чего они продаются на аукционе Матбиз по просто эпическим ценам. Вместе с этим капитан получает заказ на продукцию в следующий привоз. И, что необходимо отметить, торговля Афанасия с Большим миром идёт, можно сказать, без торговли, ибо запросы Афанасия многократно приносят прибыль, приносимую его поставками.

С закрытия навигации (пора ледостава) и до её открытия (прекращение ледохода) торговля в городе Матов замирает.

11. КЛИМАТ

Если говорить о климате в метеорологическом смысле этого слова, то надо отметить, что в округе города климат носит контрастно-катастрофический характер. Город регулярно подвергается ураганам, тайфунам, ливням с наводнениями, снегопадам с засыпаниями дверей, а также великим сушам и другим стихийным возмущениям. Возможно, столь щедрое торжество стихий связано с особенностями водораздела, представляющего собой водяной крест с центральным водоворотом.

Если говорить о климате в социальном смысле этого слова, то необходимо указать на то, что все жители города малоконтактны, но любое общение между ними происходит без всякого лицемерия, открыто и дружелюбно, а если и бьётся иногда чья-нибудь «не под ту руку попавшая морда» (выражение, присущее горожанам), то происходит это от всей души, в горячем кипении нагретого сердца.

12. СПОРТ

Зимой жители города очень любят кататься по ледяному кресту на коньках, стараясь как можно ближе подкатить к центральному водовороту, не застывающему даже в самые оглушительные морозы. Существенно развиты среди горожан промысловые виды спорта, то бишь рыбная ловля и охота. Охотятся они, по преимуществу, из арбалетов, которые используются и при добыче рыбы; арбалетная стрела с зубриной привязывается шёлковым шнуром, в прозрачных водах потока выслеживается рыба покрупнее, и стрелок бьёт по ней прямо с берега, иногда не уходя даже дальше крыльца собственного дома.

13. ЛЮБОВЬ

Говоря о любви, мы разумеем здесь не семейные узы, хотя и таковые существуют среди многих жителей, но возвышенные чувства, которые вызывают почти у всех горожан три прекрасные дамы, живущие в высоких теремах города Матов. Во-первых, это прекрасная Анастасия с волосами червонного золота, распущенны-

ми до оборотной стороны коленей, та самая Анастасия, о которой поэт Речь-Рекотечный так сказал, погрузив свои руки по локоть в воды Основного потока:

Как будто одинокая волна

Пронзила неподвижную погоду.

Вторая прекрасная дама— это белокурая Светмила с огромными ореховыми очами, от которой поэт Малёк-Немоватый закрывал глаза, словно от солнца, и поэтически вздыхал, роняя слёзы.

И, наконец, черноволосая Конкордия с голубыми очами и бронзовой отточенной фигуркой, Конкордия, о которой Исторьев когда-то сказал:

Далёкий миф, вернувшийся на Землю.

Любовь к трём горожанкам носит сугубо воздыхательный, песенно-сочинительный и портретно-написательный характер. Она возвышает и облагораживает сердца всех непутёвых мужей города Матов.

14. ПРОЧИЕ ОСОБЕННОСТИ И ОТВЕТВЛЕНИЯ

Среди прочих особенностей и ответвлений следует отметить, что в городе Матов обитал живой Египтянин, которого звали Константин Семёнович Малоколов; чем занимается Малоколов и зачем он здесь, никто, собственно, и знать толком не знает, и ведать — не ведает.

15. ЦИФРОВОЙ КОД

4,44.../3,33.../6,66.../111...

16. МЕССИАНСТВО

Великий российский мессия Сон Собиан, оставив свою паству без присмотра, сменил свои роскошные апартаменты на ветхую лачугу в городе Матов.

УГЛЫ РОМАНА ИВАНА ПИШУЩЕГО

УГОЛ 1. СЕВЕРО-ВОСТОК

1.

Большому делу предшествует большое ожидание. Так истосковавшийся среди шести плоскостей заключенный, выйдя на волю, до отказа наполняет свои лёгкие искристым хмелем свободы, но почему-то трудно увидеть в его неспешной походке парящий полёт упоенной души.

Так поэт, исчерпавший глубины души, уставший от саморефлексии и её отражения, с нетерпением ждёт нашествия Великих событий на своё подостывшее сердце и с головой уходит в захлестывающий поток Любви или Игры, или Борьбы на худой конец.

Так и русский богатырь Илья Муромец сиднем сидел 30 лет и 3 года, ожидая урочного часа для ратных подвигов и набираясь сил от Земли-матушки.

Так и я, употребив сии изящные сравнения, могу сказать, что глухую плотину немоты моей наконец-то пробило остриё начинающей фразы и я, влекомый в про-ран своим бурным словарным потоком, уже не вижу способа возвратиться в тихую заводь молчания и вынужден плыть по течению до самого синего моря, если только не испарюсь по дороге.

Я понял вдруг, что жизнь моя, жизни моих друзей, негромкие события на перекрёстках наших улиц и есть тот роман, который давно написан, и осталось лишь подобрать его с мостовой и в меру таланта своего перевести на язык прозы.

2.

С чего же начать описание своё? Быть может, с того приснопамятного туманного утра, когда я предавался квинтизму, сидя на северном парапете Основного потока. Лёгкая морось тумановых капель оседала на моих губах и ресницах, я вдыхал её серебряную негу и утопал в плену покоя и созерцания. Казалось, Время ра-створилось в дыхании реки, Вечность приспустила сеточку вуали и улыбалась мне из полустёртого далека. Сознание моё освободилось от разума и шагнуло на тонкую грань между невысказанным постижением сути вещей и возвращением в лоно языковых объяснений этой невыразимой сути. Ещё немного, и гениальное прозре-ние вышло бы через руки мои в бессмертную фразу, начертанную палочкой на песке, но (увы!) мой прорыв за декорацию, скрывающую мир, не состоялся по причине пришествия на страницы песочной книги поэта Исторяева, тащившего на худеньких плечах нелёгкий груз трёхдневного похмелья и, наконец, не выдержав-шего столь тяжкой ноши. Прискорбным результатом сего невыдерживания как раз и явилось событие его упадения именно в то самое место, где вот-вот должна была возникнуть та самая фраза, открывающая путь к моей бессмертной славе. И я увидел лишь, как под шуплым телом Исторяева исчезает последнее слово, окан-чивающееся на «пк», а он, не ведая о произведенном им разрушении, жадно насы-щает обезвоженный в неравной борьбе с зелёным змием и уставший от трудов пра-ведных организм прозрачной влагой Основного потока.

«Пусть себе пьёт, — подумал я — ибо никогда истина не может быть выше дружбы. Пей, старина, погружай пылающее лицо своё в прохладные струи реки и тумана и дважды погружай его, и трижды, и даже четырежды».

А пока он, аки дитя, полощет свою опухшую физиономию в остужающей свежести молчаливого утра, я расскажу вам в нескольких словах об этом замечательно-непутёвом и великом человеке.

Поэт Исторьев даже на страницах нашего заповедного городка выделяется среди прочих обитателей яркой незаурядностью и, я бы сказал, светлой лучистостью. Он, по всей видимости, единственный человек, которому у нас поставлено шестнадцать памятников и ради которого, собственно говоря, и разбито наше городское кладбище (коллекция исторических кенотафий), ибо все остальные жители нашего города, почувствовав приближение смерти, уходят на самоходной барже с капитаном Фуражкиным в последний раз поклониться Большому миру и почтить в его обширных землях, вдали от перпендикулярных потоков и улиц. И только Исторьев, ничтоже сумняшеся, погибает, наплевав на весь Большой мир, и, что интересно, каждый случай его неудавшейся смерти выглядит исключительно натурально: срывается ли он с башенного крана или тонет в центральном водовороте — всегда от него остаётся лишь клочок рубашки, покрытый брызгами разбившегося тела, или башмак на пробковой подошве, выброшенный из чрева реки, а больше, как говорится, — ни духа, ни звука и ни жилета, ни привета. И каждый раз эти незамысловатые останки с почётом хоронятся на городском кладбище, единственными квартирьерами которого являются смертельные истории поэта Исторьева. О нём говорят проникновенные речи, друзья поминают его чем Завхран Афанасий пошлёт, ему ставится незамысловатый памятник, на котором выбиты простые слова: здесь в восьмой (девятый, тринадцатый) и окончательный раз покоятся бранные останки великого северного поэта Исторьева, почившего на излёте стиха, задохнувшегося от разреженного воздуха, не выдержавшего телом своим высоты подъёма, безвременно оставившего нас, но и оставившего нам свои бесмертные строки.

Старик Эоли выводит на помятом своём саксофоне печальную погребальную песню, у друзей сбегает скупые мужские слёзы, синеокая Конкордия сотрясается в неутешных рыданиях..., а дня через три появляется невесть откуда помятый измочаленный Исторьев, выброшенный из какого-то подводного хода водоворотом и блуждавший по тайным подземельям... или зацепившийся при падении с крана за огрызок арматуры и попавший для смотревших снизу в слепую точку, избавившийся от зацепа своего лишь благодаря усталости арматуры. Он появляется, как радостная весть, помятый, но не сломленный, напевая что-то о перипетиях пути, о том, что ему весело идти в неведомую даль, и направляется напрямик в пакгауз — обменивать накопленные в долгом пропадании своём строчки на роскошный ужин с шампанским. Он гуляет и пропивается до последней строки, а потом мается тяжёлым похмельем тела и полощет его в струях прозрачного утра примерно так, как случилось сегодня.

Но чу, он, кажется, заметил моё негромкое присутствие при его утреннем туалете.. Слышь, Иван, у тя тексты готовые есть? — спросил он меня, не вставая с прибрежного пляжа.

Что делать, я окончательно покинул своё квиетическое состояние и спустился с высоты постороннего читателя до рядового персонажа этой возникающей истории на песке... Неужели ты хочешь, Исторьев, сбить с себя горячую метель своего сердца, подраненного шампанским, послушав мои далеко не совершенные тексты? Я польщен тобою, брат. И, честно сказать, не ожидал. Спасибо, старик. Пожалуй, найдётся на такой случай одна довольно удачная вещичка. Вот послушай.

— Да погодь ты, морфема тщеславная, потом считаешь, давай лучше в пакгауз смотаем. Задвинем этому маклаку Афоне твою текстовину за бочонок пива. А то у меня, вишь ты, ничего подходящего из строк не осталось, а туфту, сам понимаешь, не могу гнать. А Афоня этот, лохматый чёрт, не верит мне в долг. Так что ты давай, Иван, выручай меня.

— Но как же я тебе её потом считаю, если она к Афоне переключается? Да и не даст он в такую рань нам пива.

— Тыфу, раскудык тебя, молекула прозаическая, электрон суесловный! По памяти расскажешь, о чём ты там накропал, а Афоньке, ежели он нам не даст, поставим тени под глазами. Неча дрыхнуть. Уж коли тебе пакгауз доверили — давай распоряжайся как положено, а не так, как в твою патлатую башку возбрёдет.

Мне стало интересно, как это получится у щуплого Исторьева разобраться с бугаём Афанасием, и решил я отправиться с ним в этот достопамятный утренний поход за живительным пивом.

Исторьев встал, собирая из похмельных осколков своё в клочья разбитое тело, и побрёл на Запад, растворяясь в тумане, не заботясь о том, иду ли я следом или, может, свернул куда-нибудь вбок, дабы не тратить день на пивные хлопоты для этого странного типа, возмущающего туманговое пространство.

3.

Сонный в драбадан Афанасий никак не мог взять в толк, чего это я приволокся к нему с утра пораньше и с какой такой панталыки он должен выдать мне за две страницы подозрительного текста аж целый бочонок баварского пива и большую коробку гаванских сигар (просьба для меня нехарактерная и вызывающая у завхрана недоумение и определённую тревогу).

Но, увидя присевшего на задворках бедолагу Исторьева, Афанасий тут же смекнул, в чём дело, и пиво дать наотрез отказался. Почувяв, какой оборот принимает наша экспедиция, Исторьев, почему-то прихрамывая, кинулся на Мастера обмена, подобно взьерошенному курчонку, налетевшему на лохматого сторожевого пса.

— Не имеешь морального права отказать человеку в пиве! Это что же такое выходит, а?! Под чью сурдинку она всё-таки вертится? Или мы марсиане? А если у человека потребность в угощении друга, а?! Верховный судья, понимаешь, выискался! Римский-Корсаков, понимаешь, нашёлся! Я тебе тут не Модя Мусоргский, понимаешь! И оперу Хованщина за твою баварскую брандахлыстину писать не намерен! Я, между прочим, ИСТОРЬЕВ! И если мой друг возжелал угостить меня пивом, дабы вместе парить нам над туманговым утром, то какого чёрта ты ему возбраняешь, полено ты стоеросовое!

— Возможно, что ты Исторьев, а он, быть может, что-то там и написал, только пива я вам за это «что-то» никак не дам. Чаю, если хотите, дам, баранок могу дать, крыжовенного варенья, а пива не дам, поскольку они это пиво нам в прошлый раз не заказывали. Вот если бы заказывали, тогда бы другой разговор, — сказал Афанасий зевая и почему-то переходя на множественное число.

— Задницу себе намажь этим кружовенным вареньем, куст беспородный. Мало ли что они там не заказывали. Я-то заказывал! И заказывал, между прочим, с баальшим перехлёстом. Так что гони бочонок и вали досматривать свои куриные сны, и не мешай поэтическим душам достойно встретить восход молодого светила.

— Мои сны тебя, мололка-балаболка, никак не касаемы. А если ты заказал себе пива, то об чём разговор? Пиши стихи, приноси на комиссию и пей энто пиво своё в полное утреннее удовольствие.

— Да как же я их напишу, если каждая клеточка моего вдохновенного мозга пребывает в данный момент в обособленном состоянии и болит в свою собственную сторону? А для того чтоб их пронзить единой болью или радостным полётом, мне необходимо испить охлаждённого светлого пива. Неужели это так трудно осознать твоей кусторылой макитре? Слушай, Афоня, ты давай доставай нам исцеляющее пиво, а вечером я усыплю тебя стихами, словно ты не мешок верблюжьего дерьма, а возлюбленная моя неземная Конкордия (прости меня, что вспоминаю тебя всеу, благоуханный миф моей души).

— Вот как усыпишь стихами, так и будет тебе и пиво, и раки, и омары, и даже твой вонючий сыр с плесенью.

— Опять сто сорок пять! Ты, Афоня, дурак или как? Ты, щучий потрох, не зли меня! Я ить знаешь какой отчаянный, когда разгорюсь! Тебя, видать, очень давно уже в правый глаз не били. Так ведь мы с Иваном это дело зараз и поправим. Ты что же это думаешь, троглодит тримухоклятый, мы сюда спозаранку не ссамши не срамши шутики шутковать пришли, а? Мы тебе, меж прочим, гениальное произведение искусства принесли, написанное, меж прочим, в коллективном авторстве. А посему, какое ты имеешь право, молекула маклачья, не давать нам ж и з н е н о н е — о б х о д и м ы е баварское пиво и гаванские сигары, а? Да я после таких твоих мерзкопротивных возражений спалю твой грёбанный пакгауз к ядрёной фене, только искорки разноцветные и останутся.

— Что же ты тут, Исторьев, мне заливаешь? Это в каком-таким соавторстве чего-то вы тут написали? Это когда же такое ваше коллективное авторство могло случиться, если ты уже третий день букву «зю» не разбираешь, а Иван, наоборот, человек положительный и сурьёзный, и нечто будет он с тобой, пустобрёхом, каким-ни-на-есть соавторством заниматься? Я вообще удивляюсь, как это он сегодня с тобой в одну компанию затесался? И чего ради твой словесный понос вместе со мною вдыхает?

— А это не твоё прибудное дело, с кем ему компании водить. И уж тем более не твоего куцепо понимания, какую я букву и когда не разбираю! Я, может, эту букву и трезвый-то знать-не-понимаю! Чтобы быть поэтом, вовсе и не обязательно все буквы знать! А тем более соавтором... Я, быть может, Ивана образом своим вдохновляю!? Нечто ты, пузырь бычачий, не знаешь, что прообраз героя есть неявный соавтор любого писателя, а!?

— Вот ты и пиво тогда пей неявно, ежели ты такой неявный соавтор.

— Балда ты, Афоня, и есть балда, и как только в таком небольшом объёме помещается столько дури и серости? Ну как же я могу пить баварское пиво неявно? Может ты через задницу мне залить его предлагаешь или окунуться и впитать через кожу, или в вену ввести лошадиным шприцем?

— Зачем через задницу? Пиво надо пить, как положено, да только не такому, например, разгвоздю и словохульнику, как ты. Вот Иван — автор, он пусть и пьёт, а ты на него любовайся и принимай неявное участие.

— Да как же Иван будет пить, если ты, бамбук тороватый, ему в пиве отказываешь?

— Отказываю, потому как ему не положено. Тебе положено, но ты ничего не написал.

— Тебе, Афоня, что в лоб, что в задницу. С тобой хорошо не с будуна беседовать, а основательно отдохнув и наевшись молока с горохом. Хоть молока-то с горохом ты можешь нам выдать, или и на них у тебя нормативы расписаны?

— А зачем-то тебе вдруг понадобилось молока-то с горохом, пустоболка ты малохолдная?

— Да чтобы на Вас, господин дерево, слова понапрасну не тратить, а исключительно на пердячей ноте приподносить Вам все разъяснения. А ты, Иван, тоже хорош, неуж тебе трудно было заказать этому куркулю-оглоеду бочонок баварского пива? Живёшь, как птичка божия, ни о чём наперёд не заботишься.

— Дык, откуда ж я знал, что мне пиво понадобится? Да и не люблю я пиво, у меня от него голова почему-то болит.

— Дурная, зная, у тебя голова. Порядочные головы, наоборот, имеют обыкновение болеть при отсутствии пива!

— Я сухие вина предпочитаю. Хорошо, знаешь ли, после рабочего дня на закате солнца стаканчик Токайского выпить.

— Тыфу ты, раскудри тебя в бочонку, только не говори мне, что ты всё заказанное на этот месяц Токайское осушил с досрочным выполнением плана.

— Зачем с досрочным? Я так думаю, что примерно с пол-ящика у меня ещё должно оставаться.

— Ох ты, ёжкина ножка! Какого же ляда мы разводим с этой осиною бамбуковой все эти колёса на турусах?! Забирай свои пол-ящика и мотаем отсюда. Ведь пока ещё держу я себя в моральных кандалах и не бью в этот афонячий противный справа прищуренный глаз.

— Пол-ящика за эту писанину я вам не дам. Бутылку могу дать, а пол-ящика — даже и заикать не моги. Эко что удумал! Человек себе на месяц вина заказал, а он решил его в одночасье в полный ноль распатронить. И даже думать о таком безобразии не пытай, а не то что там что-то чего-то.

— Спалю я тебя, кобель сторожевой. Чует моё сердце, спалю. Доведёшь ты меня до жёлтого каления, и никакое Токайское уж тот пожар не затушит. И если ты сей же миг не отдашь Ивану его законные три бутылки, пеняй на свою тупость, колода бескрылая.

— Ладно, пожалуй что, пару бутылок выдам, но попозже. Приходите, как положено, в 9 часов. У меня пакгауз работает по расписанию. Это всё-таки понимать надо! Это вам не стишки кропать! Это вам пак-га-уз!!!

И ещё зудело в воздухе окончание пакгауза, когда невесомый кулачок Исторяева обрушился на правое подглазье почтенного Афанасия.

Афанасий, никак не ожидавший такого оборота, сумел однако сохранить свою степенность: без особой суеты он сгрёб Исторяева в медвежью охапку и запихал его в стоявшую неподалёку дубовую бочку, аккуратно закрыл её крышкой, достал из кармана коробку медных гвоздей, вынул из голенища сапожный молоток и неспешно заколотил Исторяева.

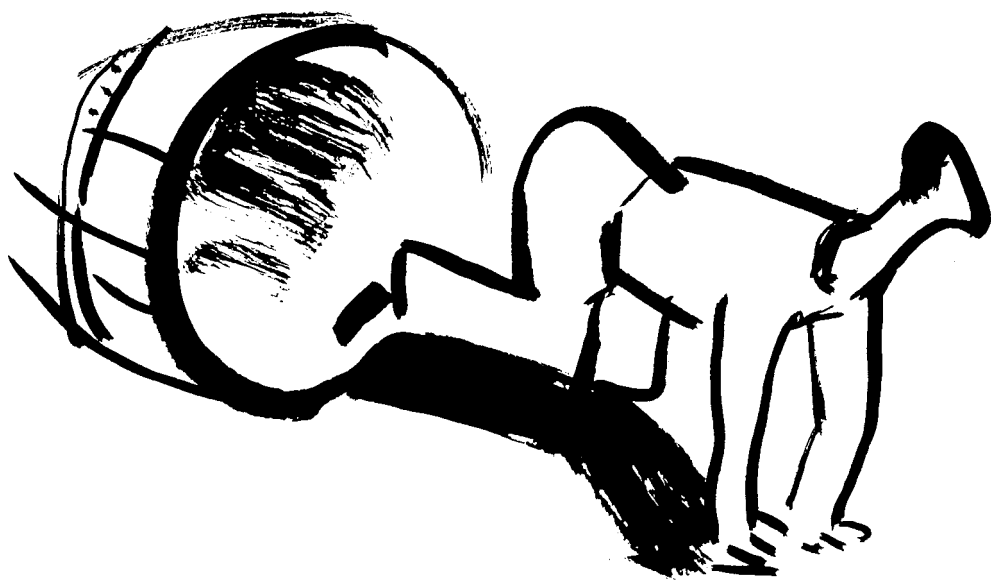
— Ишь, разошёлся, лягушонок непутёвый. И всегда почему-то норовит именно в правый глаз стукнуть. Что за привычка такая — в правый глаз человека лупить? Поэт называется! Никакого понятия о разнообразии не имеют. Ладно уж, посидишь в бочке маненько да подумаешь там в тенёчке, как это Афанасия восьмого по глазам елозить. Будет тебе, комару писключему, определённая наука. Ишь, повадился тут по утрам концерты устраивать! Я человек солидный и закидонов твоих исторических выносить не намерен.

— Ты что же это, мощна толстокожая, делаешь, а?! На свободу поэзии посягаешь!! Нет такого правила — приличных людей в бочки пихать!! Я тебе не князь Гвидон и не квашеная капуста. Отпусти, тебе говорят, немедля или ступай заказывать себе погребальную песню. У него, понимаешь, пива непротолчённые трубы, а он, понимаешь, расписание устроил! Да прекрати ты стучать, долбак пеньковый, у меня и без твоего стука в голове землетрясение происходит!!!

— Эх ты, ёлы-метёлы! Да он меня никак за палец кусанул! Вишь, кровища-то как сочится! Это ж, пожалуй что, придётся идтить прививку от бешества делать, а то ить заведётся какой-нибудь его непутёвый вирус. Вот ведь паршивец какой, не живётся ему, как положено. Вечно какие-то экивоки. Поэз-тический образ жизни, видите ли. Это ещё надо разобраться, какой он такой поэт. И какие такие стихи он там пишет. Да ещё пишет ли?! Небось, может, подтибрил у кого-ни-на-есть стихушочки и распускает хвост, аки птица павлин. Я тебя, горлопан, выведу на чистую воду. Ужо будешь знать, как за пальцы кусаться.

С этими словами Афанасий пнул в сердцах дубовый бочонок. По-видимому, и Истורך в этот же миг рванулся куда-то, бушуя в заколоченном чреве. Вполне возможно, что произошла случайная коллинеарность их гневных усилий, которая привела бочку в состояние лабильности, и она, опрокинувшись на бок, покати-лась по крутому склону и плюхнулась в воды Основного потока. И не успели мы с Афанасием опомниться от этого камуфлета, как вода, набежавшая в щели, потянула бочку на речное дно.

— Однако, пожалуй, утонет наш болтомеля! Фундаментально, похоже, ко дну забирает, — пробурчал завхран, скидывая на ходу свой чесучовый пиджак и броса-ясь на вырубку своему оппоненту.

А я стоял, еле сдерживая приступ неуместного смеха и горько сожалел, что впутался в эту пивную историю. И вот ещё что характерно, в голове моей мелькали какие-то совсем посторонние и, должно быть, постыдные мысли о том, что пиджак Афанасия весьма искусно маскируется под речной песок, и интересно, сразу ли найдёт его возбуждённый спасением утопающего Исторьева Хранитель пакгауза? И что ситуация обладает литературным изяществом, и даже какие-то стихотворные строки проскользнули в моей испорченной голове:

*«Лежит в песке пиджак-хамелеон,
а вдалеке поэты тонут в бочках...
Чудное затуманенное утро».*

И пока я предавался столь несвоевременным размышлениям и вызванной ими саморефлексии, из взбаламученной воды, как какой-то былинный богатырь, показался Афанасий, пятившийся задом и буксирующий забочкованного Исторьева. Выкатив бочкотару на берег, он со словами: «Carthago delenda! (Карфаген должен быть разрушен)» выбил одним ударом только что прибитое донце и выплеснул на песок Исторьева, словно лягушонка, попавшего в котелок для ухи.

4.

Исторьев, отплеываясь, поднялся на четвереньки и, мотая головой, как молоденький ослик, бормотал:

— Камо грядеши, Афанасий Восьмёрч? Дорога в ад, как говорится, вымощена цветами добра. Эдак недолго Исторьева и до фуникулярной ангины довести. Это, я полагаю, что теперь даже Ваша дуршлаговая совесть не позволит Вам не отпустить двум скромным работникам строки и абзаца как минимум 4 пробирки Токайского светлого трёхлетней выдержки.

— Тыфу ты, пескарь полустрочный! Его хоть топи, а ему всё бы пить! Он, можно сказать, в синие глаза самой смерти взглянул, а всё одно о Токайском твердит! Такого, небось, и могила не подысправит! Да забирайте вы своё треклятое Токайское светлое и катитесь вместе с ним хоть в саму преисподнюю. Надоели мне хуже зелёной навозной мухи. И жужжат, и жужжат всё утро. Ох, чует моё сердце, пойдёт нынче день враскоряку. Это уж верно. Это уж у меня и примета такая: ежели, знай-чить, Исторьев тебе на глаза показался, то уж туточки никакому дню по прямой не вытянуть.

И так, бормоча и ругая на чём свет стоит успокоившегося Исторьева, Афанасий выдал нам целых четыре бутылки Токайского, предварительно протерев их бархатной тряпицей.

— Слышь, трапезит, — обратился к нему совсем уже подобревший Исторьев, — может, и ты малёк примешь для успокоения нервной системы и поднятия настроения? А то, небось, и забыл уже, каков он и есть терпкий запах растительной крови?

К моему немалому удивлению, завхран неожиданно согласился:

— Ну если только для успокоения системы и собирания настроения. А то ведь всё одно день скособочился.

Мы устроились неподалёку от входа на ящиках с голландским табаком, заказанным нашим звездочётом Нормой Носовым. Исторьев, сбросив свои мокрые манатки, закутался в какой-то молескиновый отрез и стал очень похож на антич-

ного мальчика. Афанасий закрыл на задвижку входную дверь, повесив на неё знаменательную табличку: «Пакгауз закрыт по причинам», и принёс на закуску свежих муромских огурчиков, вытянутых помидорок, чёрных сухариков и головку молодого сыра. Потом достал из резного буфета три серебряных кубка, отделанных финифтью, и тесак с ручкой из оленьего панта, которым неторопливо и аккуратно вскрыл бутылки. Напенил вино. Собственно, четыре бутылки как раз и поместились ровно в трёх кубках.

— Ну, господа, ваше здоровье, — пробормотал Исторьев. Осушив кубок за три приёма и зажевав вино чёрным сухариком, он занялся набиванием своей трубки-носогрейки, выковыривая голландский табак прямо из-под себя.

Афанасий пил не торопясь, основательно заедая, пожвакивая и покрякивая:

— Ничего винишко, хорошо забротаёт... Я так чаю, нелишне будет и ещё по полкубичка подпринять. Как считаете, мастера глаголов?

— Отродясь не видывал, чтобы верные труженики глаголов и суффиксов от второй рюмки отнекивались. Тогда вот разве, ежели на него роман какой-никакой наедет. Вот разве только тогда, — сказал Исторьев, выпуская колечко дыма.

Афанасий достал ещё две бутылки и, откупоривая их, продолжил беседу:

— Вот ответ мне, Исторьев, отчего ты такой весь криволинейный? Чи от того, что ты вроде как поэт? Чи ты поэтом стал оттого, что криволинейный? Вон Иван, он ить тоже какие-то там цидульки кропчет, однако же человек весьма правильный и бузотерий никогда не допускает.

— Ты же вино, например, не по прямой в землю льёшь, а пропускаешь его по всем закоулкам души. Такова уж поэзия жизни.

— Дык, то вино, а то лю ди . . .

— Э-э, дядя Фоя, у нас тут людей раз-два и обчёлся, одни поэты. И почитай каждый на кривую надеется, не впервой, мол, вывезет. Ну хоть того же Ивана взять, ну какого бы ляда он, прямолинейный такой, потащился бы в предрассветье по холодным туманам блудить и по первому зову забулдыги Исторьева завернуть в пакгауз, дабы вдарить по кружечке пива? Правильный человек поменяет ли утреннюю медитацию на бухло с бузой? Так что мы с Иваном одним пивом мазаны. Другое дело, во мне шумности с перехлёстом, это согласен. Да и то не всегда, а в основном, когда печень припекает да похмельный жёлудь в желудке колышется.

— Стало быть, поэты — не люди?

— Лю ди — э то при ру ч ё н н ы е п о э т ы !

История лукавит. Бог Велес отнюдь не вдохнул поэзию в скотоводов, но отобрал среди поэтов самых бездарных и определил их в пастухи, а остальных оставил в голоде и воле.

— Оно, можа, и так, но всё-таки непонятно мне ваше ремесло, робятки. Над чем биётесь? Куды словеса вгоняете? Пошто строки ровняете? — как бы сам себя спросил Афанасий, разливая Токай по кубкам.

— Чего же тебе тут невнятного? Пишем, потому как душа поёт! А когда душа поёт, то и слова всё какие-то подходящие подбредаются. Как оно там у Ивана бывает, не ведаю, и вообще-то, конечно, сомнительно, что она, душа то исть, ему целый роман напоёт, а вот стихи как-то так и выходят. Пена дней в захмелевшем сознание. Шипучая игристая пена слогов и ритмов... Давай, старина, — будем! В тебе-то ведь на самом-то деле тоже поэзии с перебытком, не одни мы ненормалью прихлопнуты, — сказал Исторьев и залпом выпил своё вино.

— Роман — это больше как-то на театр похоже, — заметил Иван, — (я ведь от своего лица, от собственного Я то есть, больше рассказа не вытягиваю) — рассу-

понивается душа. А в романе строка и форма за собой тащат..., ты как бы ввязался в игру и изначально, быть может, полагал, что ты-то сам её и придумал, но вдруг натыкаешься на правила, о которых тебе и присниться-то не могло, а не что там чего-то. Проистекает какое-то расслоение личины, в какой-то миг чувствуешь, что ты уже давно не сочинитель, но некий фейерверк из десятков героев, кружащихся в душе твоей в космическом хороводе. Хорошо ещё, если все герои собираются вместе; сидят, например, на цибуках с табаком, питейничают, беседы о сути слова ведут. А то, бывает, растекаются от сюжета, всё одно, что тараканы от света: одного путешествовать потянет, а другой возьмёт да и вообще представится. А каково оно покойника-то в душе держать? Полный делирий в мозгу начинается! А добавь-те ко всем катаклизмам несчастную любовь, коварную измену и прочие тревожные персонажевых линий... Я потому-то, наверное, и на вид-то такой спокойный, дядя Афонь, что собственная душа моя разветвилась в чужие бури..., мне словно дренчер на голову присобачили и разбрызгивают моё Я по несаженным всходам. Э-эх! Не жисть, а одно распыление... Однако вот что характерно: отнимите у меня эти всходы, откажите мне в распылении, запретите лезть в чужие души, и тогда въедет такая тоска, такой депрессняк обрушится, что хоть снимай свою бестолковку и выбрасывай её в наш центральный водоворот... *Suum cuique*, господа, *suum cuique**

— Вона каково оно, знайчить, промежду слов ковыряться... Душа, оно понятно — не сквозная проводка. Оседает тама всякое внешнее нахламождение; разгребай его опосля! У меня в пакгаузе и середь ящиков-то недобор, в смысле порядка, а уж в духовном ассортименте догадываюсь, какая катавасия проистекает...

Ну, будьте здоровы, агрономы полей в косую линейку! Всяческих вам благ и подходящей погоды. Как говорится, широкого неба в душе и свежего ветра в груди, а также чернил в предостатке.

— Ну я ж говорю, он поэт, а! Не, ты послушай, Иван, как формулирует, а! *Агрономы белых полей*. Это ты агроном, Иван. Я больше, чем на садовника, не претендую.

Ну, давай, что ли, ещё по триста капель, за сады поэзии и поля литературы. Хотя, честно сказать, размеры моего желудка не совпадают с пространством души даже при коэффициенте подобия в 12 градусов. Как советовали мудрые латины, ищи *multum in parvo*** , и выделяли в этом смысле замечательную штучку *aqua vitae* (здесь, водку, букв. воду жизни, лат.).

— *In dubio****, что твоему заводу виносварения и при коэффициенте подобия в 40 градусов удастся догнать стремительно-блуждающую душу, — заметил Иван.

— Практика — критерий *veritas*****, той самой, что скрывается *in vino*****. Хотя, конечно же, ты прав, старик, и мой желудок скорее сгорит, чем сможет хучь как-то приблизиться к небосводу души. Однако попытки достичь гармонии гораздо важнее самой гармонии. Как ты считаешь, дядя Афанасий?

— Я предполагаю, что немного водочки не поломают, но, наоборот, поддержат слегка провисшую паутину нашей беседы, — сказал Афанасий и, открыв поставец, достал оттуда графин с водкой, три хрустальные стопочки и деревянное потемневшее от времени блюдо, на которое, спустившись в погреб, он положил

**Suum cuique*, господа, *suum cuique* — каждому свое.

***multum in parvo* — многое в малом, лат.

****In dubio* — сомнительно, лат.

*****veritas* — истина.

***** *in vino* — в вине, лат.

корнишоны, маринованную кинзу и чеснок, крошечные помидорчики цвета утренней зари и сладкий болгарский перец цвета заходящего солнца, матовые патиссоны и артишоки, побеги молодого папортника и ростки бамбука, солёных рыжиков и груздей и ещё каких-то незнакомых мне маринадов и солений.

От одного вида этого аппетитного ассорти вдруг очень захотелось выпить именно водки, и именно из графина; подцепить серебряной вилочкой с ореховой ручкой молочный груздочек, расхрустывающийся во рту и разносящий от нёба до горла нежную пряность прошлогоднего посола; затянуться из душистой Исторической трубки и заглянуть в прокуренные, но свежие души твоих собутыльников; потеряться во времени и пространстве; закружиться...

— Да ты, Афанасий, просто *magister bibendi** и художник закуси, — восхитился Исторьев.

magister bibendi — учитель питья, мастер по части выпивки, распорядитель попойки, лат.

Magister bibendi насыпал на дно стопок по щепотке подземельного снега, прихваченного из погребца, и разлил водку.

— Эх, жизнь — неустойчивый шарик! Что ни утро, то метаморфозы. То ползаешь гнусной гусеницей, а то возносишься, как тихий мотылёк. Из египетских казней, минуя Внутреннее море, попадаешь прямиком в аркадскую идиллию. Хотя, пожалуй что, Внутреннее море всё-таки не минуешь, да и то сказать — поплавали,— произнёс окончательно отживевший Исторьев.

— Внутреннее-утреннее. Кто поплавал, а кто и потонул, — уточнил Афанасий, поднимая стопку и насаживая на вилку пупырчатый корнишон. — Ну, давайте, предассветные бродяги. За проявление жизни!

— Нда-а... П р о я в л е н и е . Это ты хорошо сказал, дядя Афанасий: про— (а может быть, пра-?) явление... Вот я сегодня утром сидел на берегу: туман обволакивает и тело и душу..., тишина..., потом забрезжило что-то внутри, контуры какие-то проступили, остов мировой идеи оформился..., габитус извечного порядка..., свет... А тут, понимаешь, Исторьев в кадр вошёл — песочной гусеницей притворился..., поломал проступившую вечность... Опять Земля на плечи обвалилась. Казалось, мне бы нужно огорчиться было, посетовать на незваное вторжение и разрушение моих полётов, однако я почему-то погрузился в радость, в какое-то негромкое веселье... Сажу вот с вами у кондовых стен — вкушаю разносолы и рассказы, и ощущение такое у меня, как будто я попал на праздник жизни, как будто бы сейчас я постигаю обратное лицо, сегодня утром найденного света... Как будто удалось восстановить засвеченную Богом киноплёнку. И кажется всё мелким и ненужным, что я когда-то написал и создал.

— Знаешь, Иван, когда-то давно, ещё до того, как я попал сюда, я написал одно стихотворение, которое сейчас, пожалуй, будет к месту. Если только мне удастся его вспомнить..., а впрочем, я иногда не забочусь о точности воспроизведения, мне нужно только зацепиться за поток эмоций, захлестнувших меня однажды, чтобы на его гребне уйти в импровизацию своих же когда-то сочинённых строк.

Так вот, послушайте... про то, чем я однажды чуть не захлебнулся. И Исторьев, загораясь ломким внутренним светом, начал читать откуда-то из глубины себя:

*Привычных дел сухое полотно
Я разбиваю неумелым жестом,
Надеясь выскочить за рамки бытия,
Но выхожу едва ль за рамки быта...
Моих трудов разбитое корыто
Не стоило затёртого гроша.
Одна строка была, пожалуй, хороша...
Я за неё когда-то зацепился.
Она приоткрывала тайный выход.
Вела в неведомое дальнее Ничто...
Ужели я настолько изменился,
Что не могу сейчас и вспомнить эту Строчку?!
Не говоря о том, чтоб воссоздать...
Но, впрочем, хоть себе не надо лгать.
Той Строчки никогда не возникало.
Ты просто выдумал её, чтоб стало легче...
Чтоб в разговоре мог всегда сказать:
«Не верьте, мол, тому, что время лечит —
Оно безжалостно и безвозвратно мнёт...
И кто свою Строку переживёт!/?
Кто из поэтов от неё посмеет
Не отмахнуться, но хотя бы зачеркнуть...?»*

Стихотворные звуки витали в табачном дыму, отражаясь от верхних палисандровых брёвен, вращаясь вокруг кедровых стропил цвета маренго, торкаясь во внутренность конька, падая вниз в прохладные погреба, рассыпаясь на тысячи полуволн, интерферируя и когерируя..., а в голове, точно так же, метались их смыслы и полутона, вызывая источники возмущения в седых лабиринтах слегка приподпитого мозга...

Стихи (настоящие Стихи) всегда вызывают экзальтацию и молчание. И это молчание, эта тишина, продляющая Их, быть может, и есть самое главное в Них, подобно тому, как в дегустации самое важное — послевкусие.

— Нда-а, чёрт! Умеешь ты что-то такое зацепить там, Исторьев. Казалось бы — бред, ересь какая-то. Не существовало... Выдумал... Конечно, выдумал... Но в то же время, что выдумал? Может быть, про неё выдумал? Про то, что она когда-то была... И потом, почему это никто не решится зачеркнуть? Ведь зачёркивали! Да, но что зачёркивали? Зачёркивали, то что не получалось. А то что получалось?.. А уж про рамки бытия и рамки быта, это тик-в-тик про меня. И вот ведь, ничего непонятно, но в то же время понятно всё. В этом есть какая-то тайна. Какой-то действительно тайный выход в неведомое дальнее Ничто.

— Да нет, Иван, какие уж здесь тайны... Просто ты угодил в симфазное с моим состояние, и тебя поразила эта симфазность, а ты уже, через свою поражённость, накрутил вокруг довольно бестолковых строк целую катушку шёлковых объяснений. Вот Афанасия, например, мои стихи и близко не коснулись. Что ему до каких-то там потерянных строчек? Хотя в нём, быть может, и скрыты нетронутые залежи поэзных ископаемых, но тех переживаний, той пряной терпкости строки на языке у него не было, и для него мой бред так и остаётся бредом. Так я говорю, дядя Фонь?

— Ну, это ты маненько приподнаврал, букволов. Во-первых, ты меня запросто мог и утянуть в своё состояние, ибо музыка стиха бывает иногда важнее скрытого в нём смысла. А во-вторых, откеля тебе ведомо, что я в своей жизни такое испытал, а чего не испытывал? Я, может, до того, как сюды угодил, и песни писал, и в театре играл, да и мало ли чего ещё вытворял... Вот послушайте одну мою песню.

И он затянул вдруг чистым и каким-то свежим, звучным голосом:

*Я шатал-ся по доль-ным сте-ням.
Я молил-ся вет-рам среди звёзд.
Степь ши-ро-ка-я спут-ни-ку — храм.
И от веч-ности к веч-ности мост...*

— Ну, старина, ты даёшь! Ты послышь, Иван, как заворачивает, а! От вечности к вечности... Хорошо... Это что, и в самом деле ты написал?

— Спой ещё что-нибудь, дядя Афанасий.

— Ещё? Да не. Пустяки всё это. Пустое. Хотя...Ну, попробую. Вот эту, пожалуй:

*Отпусти меня, батюшка, в дальние страны,
Я хочу посмотреть на людей.
Я уеду туда, где ветра и туманы
Зарождаются в сердце морей.*

— Да ты, как я посмотрю, дядя Фонь, и в самом деле не берёзовый столб!.. Чудны дела твои, Господи! Такие люди и вдруг завхраны! Как же тебя в эту рутину-то складскую занесло? Неужели ж по вкусу тебе всё это хозяйство блюсти?

— Э-э, брат, не так всё просто в нашем спутанном мире... Давай-ка выпьем ещё по стопочке, а там можа и сделаю вам экспозе про все пути мои и дорожки.

Мы выпили ещё по глоточку снежно-огненной смеси, и Афанасий начал свой исповедальный рассказ:

— С самого детства я отличался полным неимением конформности. Бывало всё мне как-то не подходило. Томилась душа моя в узких рамках. Устои нашей семьи не выдерживали моих запросов. Я контрасты любил... Мне нравилось — подойти в глубокую ночь к пианино и изо всех сил загреметь по клавишам. Или бросить в снежный сугроб кастрюлю с кипящими щами — вывернутое наизнанку бурлящее чрево кастрюли и снежная нега...

Конечно, мне за это влетало. Но маленький возмутитель пространства, сидящий во мне, не унимался. И вот лет пятнадцати от роду, исключительно из любви к контрастам, я поджёг студёной январской ночью пустую бензоколонку. Зрелище, надо вам сказать, было весьма примечательное, и я увлёкся созерцанием его настолько, что упустил из виду вовремя подоспевший наряд милиции.

Суд мой был скор, но справедлив. Определили меня в детскую исправительную колонию имени Педагогической поэмы Сергея Макаренко. Там и доживал я остатки отрочества и зачатки юности, там-то и заразился одной вредной болезнью, по фамилии kleптомания, с осложнением на изящество, то есть я не просто стал вором, но настоящим магистром кражи. Меня прельщала не ценность скраденного, но артистичность замысла и сложность его исполнения. В течение полугода при помощи слюны, ржавчины и нитки из простыни я перепиливал решётку в сортире, потом в одно прекрасное утро изловчился выкрасть у охранника патроны от Калашника, за пятнадцать минут сгонял через заготовленный выход на волю, загнал патроны и прикупил ящик мороженого. Шуму потом было с избытком, но выяснить так ничего и не удалось. Сбивало с панталыку отсутствие разумной цели.

Освободившись, я продолжил свой путь гражданина и kleптомана тем, что спёр трёхэтажный особняк у одного барыги. Для этого пришлось мне, конечно, малёк попотеть и повозиться: подделал я приказ одного генералишки армейского, нарядился подполковником и с его липовым приказом явился в ракетную часть; забрал там у них краны, тягачи, платформы для перевозки ракет, три взвода солдат забрал, инженера одного для советов взял; и мы всё это в полдня провернули — поставили энтот домик на участок мой в шесть соточек, аккуратно особнячок поместился; прямо на землю и поставили. Инженеришка ещё всё насчёт фундаменту что-то молол. Да на что мне фундамент, если у меня уж с покупателем договорённость есть. Ну а какому покупателю прийдётся в голову, что дом без фундаменту продаётся, но зато с полной обстановкой? Короче, загнал я эту домушку, а на полученный гонорар — другую себе прикупил с фундаментом и всё как положено, но только подальше от одной столицы и поближе к другой.

Потом я полюбил музеюшки чистить — и, заметь, ни разу не попадался, потому как не на продажу работал, а так для собственного гербария... А деньги, деньги я, как всякий порядочный человек, в банках брал. Все громкие дела с подкопами, скалолазанием и прочей фантазмагорией на моей разноцветной совести сложены.

Для повышения квалификации и официальной крышки устроился я в театр один работать, ибо лицейское ремесло для kleпты перво-наперво необходимо. Вот через

энтот театр, раскудрить его в кулису, и погорел я тогда. Не через театр, вернее, а через лицедеечку одну погорел. Уж больно хороша была девка: кожа тонкая-тонкая и вся светится изнутри.., а играла, играла-то как.., ежели горько её героине, по тексту пьесы, так ведь заплачет, заплачет по-настоящему, а ежели хорошо, то и она, аки солнышком, осиянна. Короче, влюбился я. Цветы, конечно, сугробами и шампанское — километрами. Даже стихи писать стал... Ну и она вроде бы мне мирволит, хотя кто её разберёт когда — женщину-то? Загадка мироздания и несуразность жизни... Но, конечно, ей нравилось моё поклонение. И самое главное, что любой каприз её для меня, как лакомство, и чем чуднее её желаньца, тем вкуснее для меня их исполнить. Ужин на воздушном шаре? Пожалуйста. Завтрак на крыше университета, под лютневую музыку Франческо да Милано? За ради Бога. Мы могли позавтракать в Москве, пообедать на берегу Финского залива, а отужинать в Ласточкином гнезде. Её фантазии были милы и бесподобны. Наконец, попросила она у меня звезду с неба принести. Чёрт её знает, пошутила, должно быть. Но тем приятнее, мыслю себе, такое её мечтание исполнить. «Не беспокойтесь, — говорю, — понапрасну, через неделю, — говорю, — проснётесь утречком, а у Вас под окончем в свете восходящего солнышка персональная звёздushка излучается».

Сказал ей такие слова, и за дело. Сколько бумаг и документов я за эту неделю переподделывал — одному КГБ таперь ведомо. Короче, даже государственную печать и подпись президента подлопатил на липку. И всё-то, как и есть, протекло по чести и замыслу моему: сняли по моей указке рубиновую звездочку, аккуратно со Спасской башни, и воодрузили под окнами моей пассии на импровизированный постаментик. Одного я недоучёл тогда — слаба в лицедеечке оказалась романтическая жилка, перепугалась она, бедолажка, как простая смертная, и пошла в тот же день псам легавым колотьяся. Зазря, конечно, пошла — кто же ей в таку ахиною поверит? Ясно, как день, поплыла у актрисы головушка в сторону мании величия, и треба её зачуток подлечить, где положено.

И только недели через три, когда уж я энту злополучную звезду на место на законное водрузил, какой-то недоумок задал этой истории полный ход. Осмелились-таки приближённые зайцы мой подмётный указ основному бугру показать. Он, конечно, глаза, как арбузы, растопырил и в несознанку. Не упомню, говорит, может, и подсунули его посередь прочей канцелярии. А на них тут оппозиция со всех сторон наезжает, и им энто дело, как не поверни, один чёрт — хреново. Короче, вышли они на меня: хатёнку мою осмотрели, гербарий.., в общем, и без рубиновой звезды светило бы мне лет пятнадцать полярного сияния. Но тут один академик медицинский заинтересовался, это же, говорит, исключительный экземпляр, уникальное проявление человеческой природы! Его, говорит, следоват отправить в наш психологический заповедник. Вот сюда, то исть. Ну они и отправили. Так и призрел меня, стало быть, город Матов, так и живу в нём с тех пор.

— Дык, это выходит, ты тогда звезду-то с кремля скоммуниздил?!— удивлённо воскликнул Исторьев.

— Выходит, что я.

— Постой, Афанасий, дык как же они тебя, закоренелого рецидивиста, заведение охранять поставили, а?

— А они-то тут причём? Нешто ты наши порядки не знаешь? У нас ить кто что хочет, тот то и ворочит.

Я сам уже здесь тогдашнему завхрану, Афанасию седьмому, подсоблять вызвался. А когда он умирать вместе с Фуражкиным на Большую землю уехал, я уж

тогда в полное владение хозяйством заступил. Да и сказать по правде, нету у меня никакой охоты здесь воровать. Неинтересно. Ведь это всё одно, что у дитяти малого, пока он отвернётся, игрушку стибрить.

Э-эх! Разбудоражили вы старика до самой основы! Давай, что ли, ещё по чужрам оприходуем?

— Насыпай, дядя Фоня! Оспринцуем твои мемуары! Токма вот графинку твою мы, похоже, опростали уже.

— Сей эпизод не может послужить нам преткновением, — сказал Афанасий и принёс из какого-то закутка непечатый квадратный штоф с анисовой водкой. Протёр его бархатной тряпичей от паутины и пыли, распечатал, перелил в хрустальный графин и из графина уже наполнил загрузившие стопки.

— Ну, будьте здоровы, монтажники слова!

— И тебя туда же, художник кражи!

— За тебя, дядя Афанасий.

Мы выпили и закурили трубки.

— Поэзия поступка, — сказал Исторьев, выпуская тонкую струйку дыма в солнечный луч, бивший сквозь небольшое оконце. (Дым закружился в нём причудливым вихрем, словно неоформившийся джин, отпущенный из бутылки. И это солнечное сплетение, клубок из табачного дыма и пыли, любовная игра птичьих пёрышек и тополиных пушинок — привносили в нашу средневековую сцену недостающие ей ирреальность и анахроничность.)

— В той жизни, на фоне всеобщей серости, мы выглядели поэтами, а здесь мы всего лишь музейные экспонаты.

— Ну ты, положим, и здесь умудрился остаться поэтом, а я вполне доволен своим местом завхрана. Простая, немудрёная жизнь, поверь мне, не менее поэтична, чем твои исторические прикиды. Делать своё дело, курить трубку по вечерам, пить старый добрый коньяк из колодца...

— Чего ты такое буровишь? Какой-такой ещё коньяк может находиться в колодцах? Ты, я посмотрю, дядя Фоня, хорош уже.

— А вот представь себе, из колодца, — говорит Афанасий и ведёт нас куда-то в глубь пакгауза. Из земляного пола выглядывает верх огромной, наверное, пяти-сотлитровой дубовой бочки, на которой водружён миниатюрный колодезный сруб. Афанасий прикрепляет к цепочке небольшое серебряное ведёрко, вращает игрушечный ворот и, о чудо, достаёт откуда-то из подземных глубин тёмно-янтарную виноградную кровь. Исторьев приплясывает от восторга, гладит бочку, пробует коньяк.

— Да угомонись ты, суетилка малахольная, — ворчит на него довольный произведённым эффектом Афанасий, сооружая на краю бочки натюрморт с картин малых голландцев. Витая кожура недоочищенного лимона, розовая ветчина, французские булочки и широкие похожие на вазочки для мороженого серебряные фиалы, в которых на самом доньшке нежно колыхается колодезный коньяк.

— Нам бы ещё виолу да шляпы с перьями, и можно снимать кино «Весна средневековья».

— Можно и виолу найти со шляпами, подумаешь, редкость какая, — говорит Афанасий и, открыв стоящий неподалёку сундук, достаёт оттуда роскошные шляпы с плюмажем и тёмно-вишнёвую виолу.

— У тебя тут, дядя Фоня, не хранилище колониальных товаров, а склад театрального реквизита, — восклицает сияющий Исторьев, нежно подкручивая колки виолы и прислушиваясь к её бархатному звучанию.

— *Играй, Адель,
Не знай печали...*

— цитирует Пушкина умиротворённый завхран.

Исторьев, минут пять поколдовав над виолой, встряхнулся как бы перед концертом, выпил свой коньяк и, наигрывая какую-то рассыпчатую мелодию, объявил:

— Я спою вам одну свою очень старую песню, или балладу, ну, это неважно... Пусть будет баллада. Баллада о невозвращении. Когда я написал её, то был ещё совсем юн и наивен... Сейчас мне уже не подняться до тех провалов чистоты и примитива, которые жили во мне тогда... Ну, в общем, слушайте...

И рассыпавшись в каком-то замысловатом переборе, он запел своим хриловатым тенорком:

*Я ушёл, ничего не оставив,
Лишь в машинке печатной — листок:
«Ухожу. Не прощаясь. Без правил.
Ухожу на далёкий восток».*

*Что-то ждёт меня? Песни и встречи...
Что-то манит, и что-то зовёт...
Знаю то, что я чем-то отмечен,
И шагаю без страха вперёд.*

*Ну а если дойду к океану,
Если встречу с прибрежной волной,
Может быть, я спокойнее стану,
Может, снова потянет домой....*

— Да-а, все мы тут дети странников и бродяг... Отдали дань... Дело, конечно, давнее, можно сказать, досельное, но вот поди ж ты, люблю эту песню, что-то такое удалось мне тогда. Получилось. Может быть, потому, что своё Я особенно не выпячивал. Не боялся идти по простроченному задолго до меня следу... Но до твоих песен мне далеко, дядя Фонь. У тебя в них сила какая-то чувствуется, мощь... ветер... а у меня тоска и мелкий дождичек. Спой ещё что-нибудь, а я подыграю.

— Не-е. У меня сейчас как-то не певуче в душе, обождать ещё зачуток надобно. Давай уж лучше ты пой, или вон Иван пусть споёт, я чаю, он поважнее нас с тобой может.

Я взял у Исторьева виолу и, пытаюсь выжать из неё жёсткий металлический ритм, спел им одну из своих старых песен...

Солнечный зайчик пил коньяк из серебрянного ведёрка, чёрный муравей куда-то тащил тополиную пушинку, сиреневый дымок притворялся туманом, начиналась песня:

Посвящается поэту Исторьеву.

*Перепутав дверь, не туда зашёл...
В незнакомое место — смерть,
Только вот и там я не то нашёл,
Я не то нашёл, что имел.*

*Так налей вина! Разнеси тоску!
Разнеси тоску хоть на миг...*

*Потому ль песку! Да к тому ль виску!
Я из песни срываюсь на крик.*

*Ну и пусть слова, как ветра, летят.
Я вернусь, когда выпадет снег.
Я вернусь туда, где щенки скулят
И где песнь поёт человек!*

После этой песни мы долго сидели молча и даже, по-моему, протрезвели.

— Послушай, Иван, — заговорил, наконец, Исторьев, — я всё хотел тебя спросить: а как ты-то сюда угодил? Ну про меня-то всё ясно — шебурда известная, таких и здесь-то раз-два и наше вам с кисточкой, а ты вроде мужик обстоятельный и негромкий, ковыряешься в основном в душе своей да бумажным строительством промышляешь... Или ты и есть тот самый тихий омут, где черти с бесами в салки играют?

— Не знаю, возможно, что и омут, трудно сказать... Я в своё время один роман написал, а меня не разобравшись за это в психушку кинули, а там уже к хорошему человеку попал, он-то и выхлопотал мне сюда бессрочную командировку. За что ему большое прозаическое спасибо.

— Видать, заковыристо написал, ежели тебе читатели в уме отказали. Это бывает, — заметил Афанасий.

— Да не знаю. Молодой тогда ещё был, хотелось всё как-нибудь выставиться, встать в особинку. А потом, когда кругом серо и пасмурно, то хочется игры и карнавала... Сейчас-то уже понимаю, главное не то, в каком порядке разместить слова, а то — что за ними. А тогда... Я ведь тот роман бустрафедоном написал, то есть читать нужно было одну строку слево направо, а следующую справа налево. Получалось непривычное для глаза и остановочное, появлялось время, чтобы въехать во фразу... Если же текст читать в обычном порядке, то смысл, естественно, расплющивался, хотя определённая бессмыслица всё-таки сохранялась..., то есть включалась дополнительная, оттеночная абсурдистика. Ну, например, помнится мне, были там вот такие строчки:

*Любимая, прислушайся ко мне:
Кот, как я — мот, ябет юлом,
Как лёгкий ток, зовущий к свету.*

На первый взгляд — туфта и дешёвый постмодерн. Но если читать эти строки бустрафедоном, то возникают стихи:

*Любимая, прислушайся ко мне:
Молю тебя, томя, как ток,
Как лёгкий ток, зовущий к свету.*

Я хотел, создавая этот роман, построить аналогию Великому искусству и его изнанке, утверждая, что она бессмысленна, но не хаотична.

Конечно же, меня не поняли. Наверное, нужно было дать предисловие, подказать хоть как-то способ прочтения, нарисовать хотя бы быков, пашущих поле... Но ведь даже Бог не давал никаких предисловий к своему творению. А уж мой-то замысел — неужто он был сложнее?

— Ну, во-первых, откуда тебе так уж ведомо насчёт божественных предисловий? Страстная неделя — чем не предисловие? А во-вторых, с чего ты взял, что замысел Господень сложнее, чем твой. Я думаю, что он был прост до абсурда.

Вплоть до того, что и не было никакого замысла, то есть замысел был в том, что как выйдет, так и хорошо. Конечно же, эта простота сбивает нас с панталыку. Мы строим какие-то грандиозные модели мироздания, монтируем донельзя перепутанные схемы, сводим через пень колоду концы с концами, и все эти архизаумные сооружения при первом же нестандартном вопросе трещат по швам и рассыпаются, как доминусховый колодец. И чёрта ли лысого строить параллели между святою Троицей, трёхмерностью пространства, тройственностью кварков и русским соображением на троих? Десять заповедей и корпускулярно-волновой дуализм придуманы людьми, но отнюдь не Богом, ему, знаете ли, наплевать на правила общежития и квантовые законы. Хотя, конечно, нельзя и не нужно думать за Бога. А постижение... Вот на Востоке — там как-то ближе к сути вещей подошли. Они как-то умудрились понять, что не имеет смысла разводить туры на колёсах сансары. Достаточно научиться правильно произносить слово «ОМ» — протяжный выдох, в котором слито мировое совершенство. Разумеется, не каждому дано различать в звуках «ОМ» сокрытую картину мироздания, и мы, к примеру, даже опосля изрядного возлияния вряд ли на это способны...

— Уж не намекаешь ли ты сим высокопарным монологом, что нам пора добавить в наше возлияние очередную порцию изрядности? — спросил я у него.

— О-ом-м..., — утвердительно выдохнул Исторьев.

— Ну ежели токма по половиночке, а то у Ивана вон уж и руки пелеговать начали, и на глазах поволока, — сказал Афанасий.

— Энто у него с недопою и вполне, надо полагать, поправляемо. Однако не повредило бы нам коньячок погребённым снежком сдобрить, оно ить не хило со снежком-то получается, как полагаете, дядя Фоня?

— К коньяку снежок не по рангу, но ежели душа твоя запала на энто дело, то, я так думаю, подснежи. Только давай-ка уж сам полезай, наколупай там в ледничке, сколько нужно.

Исторьев спустился в погреб и принёс оттуда полную миску немного подтало-го снега, насыпал его с горкой по стопкам и залил в них коньяк. Мы выпили. Или съели. Честно сказать, в этом месте нить моих наблюдений стала петлять и путаться. Видимо, я уже окончательно дошёл до кондиции. Утеранный утром туман вернулся, с инверсией от «извне» к «внутри». Периодически в нашей беседе кто-то стал выключать звук, а иногда даже свет и запах. Я постоянно терял кривое вервие разговора и с превеликим трудом отлавливал необходимые фразы для выстраивания хоть какой-нибудь логики или, на худой конец, алогичности происходящего. Единственно, что хоть как-то нарисовалось — это «спор о двери». Насколько я мог судить, Исторьев обнаружил в погребе какую-то закрытую дверь, которая, по его мнению, должна вести в подземелье, и настаивал на том, чтоб Афанасий открыл её. Завхран же отказывался, ссылаясь на полное неимение ключей от этой двери. На что Исторьев высказывал соображения, явно порочащие высокий профессионализм бывшего взломщика. По-видимому, это коим-то образом зацепило и так-то уже потревоженную вином и водкой душу Афанасия, и он в конце концов согласился.

— Ну-у, шттто, Ив-ван, х-хорошш те шуры-муры с тётей дрёмой-то водить! Айда с нами: посмотрим, какой он такой этот город из подземной изнанки, — позвал меня покачивающийся Исторьев.

На что я пробурчал что-то такое: мол, у меня заплетык языкается, а ноги, мол, не то чтобы мыслете чертить будут, но уж никак не меньше, чем китайские иерог-

лифы выведут. Давайте, мол, без меня по изнанке погуляйте, а я, мол, туточки отдохну зачуток от трудов дюжинных.

И, как потом выяснилось, они, соорудив себе некое подобие факелов, не забыв прихватить туесок с вином и закуской, отправились в чёрный лабиринт подземной изнанки города Матов.

Первым, конечно же, забрался в зёв подземелья Исторьев и, не пройдя и десятка шагов, угодил в какой-то плавающий камень — своего рода подземельный лифт, работающий только на спуск, витиеватый спуск по путаной дуге. Афанасий видел только, как скрылась за чёрным изгибом негромкое пламя трепещущего факела.

— И-сто-о-о-о-рье-е-ев!!! — только и успел крикнуть завхран.

Но ответом вернулось лишь подземное эхо.

— Ох-ох-xxx-хо-хо-орьев!!! — глухо прошелестело оно.

— Ох-хо-хо-хо-хо-хо-орье-е-е-ев.....

УГОЛ 2. СЕВЕРО-ЗАПАД

1.

Я возвращаюсь к описанию того приснопамятного дня, когда мы с поэтом Исторьевым осуществляли экспедицию за пивом; препирались и вздорили по этому поводу с завхраном Афанасием, распивали с ним в знак сохранения дружеских чувств и для восстановления душевного равновесия алкогольные напитки...

В событиях, произошедших в северо-западном углу, которые и собираюсь сейчас описывать, я принимал участие лишь опосредованно, явившись частью причины, их произведшей. И поэтому составляю всё это лишь по легендам и многовариантным апокрифам, заполняя недостающие пробелы изысканиями в научных и философских трудах участников и свидетелей тех происшествий.

Случилось так, что именно в тот день, когда утро было туманное, а Исторьев страдал синдром потемнения души, у философа Иокима Мыслящего нарисовалась годовщина собственного рождения, и он, вместе с другом своим, стариком Эоли, двинулся от своего дома строго перпендикулярно, держа на траверсе пакгауз, как будто это был не ординарный склад, а поэтическая метафора Полярной звезды. Не может быть никаких сомнений в том, что именинник намеревался освежить мозговые зигзаги бокалом старого «Шабли», «Бастардо» или крымским мускатом «Красного камня», но, увы, его ожидала весьма прискорбная неожиданность в виде аккуратной таблички на закрытых дверях пакгауза: закрыт, мол, он по причинам. Будь Иоким немного менее воспитан, он бы всенепременно шваркнул бы кулаком по двери и, я думаю, не один бы раз шваркнул, но этот вполне естественный поступок не вписывался даже на задворки высокой ментальности деликатного философа, ибо был он, как и все мы, девиантом, в лучшем смысле этого слова.

Иоким вздохнул и тоном, не лишённым театральности, провозгласил:

— Если солипсисты правы и мир, мелькающий перед моими очами, есть порождение моего сознания, то демиург, сидящий во мне, по-видимому, порядочный недоумок, мамоня и говно. Это ж надо подсуропить мне эдакой карамболь в единственный, можно сказать, день рождения! Ну что ты скажешь на это, дружище Эоли? Неужто суждено весь день нам просидеть у этой двери с отвратительной табличкой, вдыхая запах марчового солнца, и ждать спонтанного развития событий?

— Согласно твоему же разъяснению, в затопленном болоте бытия все нижние круги пошли от перебытка ключом бурлящей творческой машины. И все такие эманации возможны, когда предшествующая вечности дерзость специально провоцирует сознание. Неужто ты не дерзок, Иоким? Спустись на Землю. Шевели мозгами. Придумай выход или что-нибудь! А то ведь я с утра уже настроен с тобой беседовать за чашкой алкоголя, и преткновенье, в виде объявления, меня скорее веселит, чем бесит!

— Я демиург, но не творец, Эоли. И я не в силах превратить в вино хоть ту же воду. Она сопротивляется, стервоза, почти что всем своим молекулярным строем.

— Послушай, Иоким, я понимаю, лучший путь — кривой. Конечно, можно колдовать с водою. И кстати, есть у нас специалисты, которые не хило наловчились творить из золота обычное дерьмо. Но для чего в делах совсем простых и ясных искать какой-то философский камень, когда вполне научно и известно, как из воды доставить алкоголь: кладёшь дрожжей да сахару в корчагу и ждёшь себе тихонечко дней десять, ну а потом уж можно колдовать по перегонке или очищению.

— Конечно, Эоли, тебя понять нетрудно, но десять дней ты жди уж без меня, я лучше что-ни-то придумаю другое.

— О Иоким, прости меня сердечно, но ты порой изрядно бестолков. Конечно, в построениях вселенных, должно быть, ты весьма поднаторел, но выстроить свой собственный денёк, согласно убеждениям и желаньям, тебе, пожалуй, братец, не под силу. Во-первых, десять забродивших дней весьма легко затиснуть в два часа, используя стиральную машину. А во-вторых, зачем мудрить самим, когда давно уже заквасил эту брагу Умелый Алик — он на это мастер. И думаю, в честь твоего рожденья он не откажет двум смиренным старцам слегка продегустировать и выпить его поистине божественных творений.

— А что, Эоли, неплохая мысль! Действительно, ведь есть Умелый Алик! Чего же мы сидим и говорим весьма высоким слогом заумные слова, когда вместо этого могли б давно пойти?!

— Как скажешь, Иоким.

И они двинулись по направлению к дому-заводу, где проживал и творил своё колдовское зелье Алик Умелый. Их внутренний настрой опять пришёл в известное согласие с тернистым и бесчувственным «извне». И марево дорожной их беседы уже пошло совсем на мирный лад. Как говорится, изменился патос.

— Наш город — это предместье небесного мира. Здесь отсутствует чёрная энергия корысти и серости. Ты чувствуешь, как легко дышится, Эоли! Ты знаешь, ведь я сюда попал по собственному своему хотенью... Ведь этот город — плод моей мечты и дерзких философских построений. Здесь получается почти что так, как я хотел. Одноэтажные улицы, лес, вода... Да, и ещё, какие люди здесь! Ты знаешь, когда я жил ещё там, в Большом мире, то занимался одной интересной проблемой — проблемой наблюдения людей. И вот, я заметил, а возможно, придумал, что всех их можно, конечно, приблизительно и грубо разбить примерно на три разновидности, по уровню постижения. Во-первых, это те, кто понимает всё, вернее, способен понять и рад любому прониканию за новый рубеж, в новую тайну... Таких людей ничтожно мало. И все они немного гениальны. Вторая группа, самая большая, состоит из тех, кто не способен ни черта понять, но тщит себя претензией на это. Он любит рассуждать в высоком стиле, критиковать известных мастеров и восхищаться модными вещами, без разницы, туфтой или шедевром. Он очень нужен, этот низкопробный слой, не будь его — останутся без корма и гении, и пророки, и птицы. И наконец, последний — это те, кто и не понимает, и не желает ничего

понять. Но в определённом смысле они постигли, пускай не разумом, а собственной плотью, всё то, к чему в конце концов стремятся гении. И жизнь у них заманчиво проста, причём заметь, осмысленна и, ко всему другому, гармонична... Так вот, в блаженный город наш, по счастью, не попала середина. Здесь или гений, или же простак, постигший кожей сущность мироздания.

— Мастак ты, Иоким, соорудить болото на самом, казалось, бы пустыре. И как всё складно у тебя и интересно. Но не серчай, сказать по правде, просто подотришь ты своей философской классификацией. В душе у каждого лежат такие бездны, такая музыка, такое вдохновенье..., но каждый ждёт предписанного часа, а иногда умеет и пролить огонь подкожный в чём-то небывалом. Стихи, художества, научная брехня, всё это, брат, старо и ординарно. А вот возьми хоть Алика. Ведь он, по-твоему дурацкому ранжиру, персона низшего неглавного порядка, хотя и гармоничный и т.п. Но он сумел всего себя излить в кипучих струях созиданья алкоголя. Он душу выгоняет через брагу. И будь уверен, понимает это. Он гений гона, а ты гонитель гениев. Вот мы придём, ты с ним поговори, я думаю, что он тебе откроет такие кладези и бездны постиженья, каких и ты-то вряд ли достигал. А вот и дом его, и, кстати, будь попроще, а то ещё не даст нам алкоголя.

Тут я, пожалуй, сделаю лирический зигзаг, чтоб описать вам вкратце дом-завод, в котором проживал Умелый Алик.

Дом этот был, скорее, не завод, но настоящий самогонный аппарат. Конструктивизм на славу потрудился при созидании сего строительного монстра. Всё: двери, окна, половицы — какими-то затейными пружинами соединялись с хитрым аппаратом — качали воду из глубокого колодца, кружили, согревали, охлаждали и делали ещё массу каких-то необходимых вещей. На крыше был сооружён ветряк для электричества (кстати, это единственный дом в городе, где было электричество), ветряк соединялся с аккумуляторами, стоящими на чердаке. И самое главное, во дворе лежала огромная глыба антрацита, такая, что ей позавидовал бы и Верцингеториг. У глыбы этой была какая-то весьма занятная история: якобы, когда Алика направляли в наш город, то он наотрез отказался ехать сюда без этой глыбы. И пришлось устраивать целый парад технической мысли, чтобы доставить её, ничего при этом не разрушив. А нужна она ему всего-навсего для того, чтобы отколупывать с северного края крохотные кусочки, необходимые при очищении продукта. И то сказать — всего-навсего!

Но возвернёмся к похождениям героев.

2.

Почтенный Иоким и тихий Эоли, постучав в желтоватое оконце гудящего дома, а также Аппарата, стояли потупив седые головы и собираясь с силами к довольно затруднительной беседе.

Окно распахнулось плавно, как в замедленной киноплёнке о взлетающем лебеде, и из него возникло, светясь застенчивой и трепетной улыбкой, веснушчатое и доброе лицо великого мастера А.

— О мастер Алик, видите ли Вы, — так начал обработку донельзя деликатный Иоким, — сегодня, как не крути, а именно сегодня, как это ни покажется Вам странным, случилось или, может быть, произошла одна такая штука..., тому назад, не помню сколько лет, но именно в такое же число и именно в такой же точно месяц моя благословенная мамаша от бремени счастливо разрешилась. И появился в этот день младенец — розовощёкий крепкий карапуз, примерно килограмма на три жи-

вого шевелящегося веса. Потом он рос, таскал девиц за косы и получал по всем предметам двойки. Окончил школу и какой-то институт, писал трактаты о строе- ные мира и много делал разной чепухи... и вот, в конце-концов, тот самый карапуз неосторожно, может, не подумав, но превратился всё-таки в меня. Вот, собственно, и в этом всё и дело.

— Короче, если без китайских церемоний, то у него сегодня настоящий день рождения, — пояснил напыщенную речь старик Эоли.

— Ну! Что? Неужто в самом деле настоящий день рождения!? Ну, тогда это, что же, значит, поздравляю! — сказал Алик и почему-то очень обрадовался.

— Так вот, Вы знаете, у нас со стариной Эоли сложилась в этот день такая уж нелепая привычка: поднять тосты за папу и за маму, за именинника, за построенье мира, за вольный ветер в наших головах... и много всяческих ещё других тостов... Как правило, мы все их запивали стаканчиком «Шабли» или «Бордо», иль на худой конец бутылочкой «Мадеры»...

— Ну что ж, по-моему, весьма достойная привычка, и я так думаю, что не- смотря на то, что сегодня на дворе такое ведро, традицию не нужно нарушать, — сказал, по-прежнему улыбаясь, чем-то очень довольный Алик.

— Да-да! И мы с моим любимым добрым Эоли вот именно, вот именно совсем того же мнения. Но понимаете, случилась катастрофа: по тайным, неизведанным причинам пакгауз крепко-намертво закрыт. И нам с Эоли не найти дороги к бутылочкам «Бордо» или «Шабли».

— Дык, нада было постучать Афанасию-то, возможна, он дрыхнет сам себе по- маненьку, — добродушно посоветовал Алик.

— Навряд ли это так, мой милый друг, поскольку Афанасий, наш завхран, на двери на закрытые повесил такую-то сякую-то табличку, в которой так и сказано: «Закрыто».

— Возможна, по делам каким пошёл? Я чаю, надо подождать. Куда он денется? Конечно же, вернётся!

— Да и у нас была такая же идея, но ждать погоды на взморённом солнцепёке, в свой, так сказать, один единственный день, понимаете, рожденья... Поверьте, Алик, — это дело дрянь.

— Дык, для чего же ждать на солнцепёке? Присели бы в тени или зашли бы к кому-нибудь, чего ж зазря у пакгауза-то толпиться!

— Да вот и мы решили ровно-ровно так же. Дай, думаем, зайдём куда-ни- будь!...

— Прямое дело! Лучше не придумать! Ну и куда же вы направили себя? — спросил, всё так же улыбаясь, Алик.

— Да вот всё что-то мы никак не собразим... решили у тебя спросить совета.

— Ага... Ну, это... Как его... Да там как раз недалеко Девяткин, это... ну мате- матик, мать его на девять! Я чаю, у него там хорошо. И там как раз вполне видать пакгауз.

— Слышь, Алик, а у тебя нельзя ли переждать? — вмешался в этот бестолко- вый разговор старик Эоли.

— Дык, почему же? Как же так нельзя? Как раз напротив, очень даже можно. Если желаете, конечно. Тогда, конечно, можно. Только у меня ведь булькает всё время и запахи бродильные витают. Да и пакгауз вовсе не видать. Я уж не знаю, как вам это всё?

И они прошли на небольшую уютную кухонку этого странного похлюпываю- щего, побулькивающего и подрагивающего музыкой дома.

В красном углу кухонки был сооружён небольшой киотик, где стояла икона с Иисусом, превращающим воду в вино, рядом с иконой горела небольшая масляная лампадка и лежали две книги: «Библия» и отпечатанный в 1792 году в императорской типографии «Винокурь, пивоварь, медоварь, водочной мастерь, квасникъ, уксуникъ и погребщикъ».

На обеденном столе стояла глиняная муравлёная ваза с полевыми цветами, над вазой висела копия с гравюры Франциско Гойя «Сон разума рождает чудовищ», вправленная в аккуратную берёзовую рамочку. В дальнем уголку, диагонально к киоту, стоял на табуреточке двухведёрный медный самовар. К его округлому блестящему боку была приставлена такая же блестящая труба от патефона, из которой вырывалась музыка Гершвина и растекалась вместе с перегоняемой жидкостью по множеству трубочек, хитрым способом притороченных к самовару. Трубочки разбегались по всему дому, и это давало какой-то удивительно нежный акустический эффект.

Рядом с этим доморощенным патефоноваром стояла невысокая оттоманка, покрытая кашемировым пледом. На оттоманке сидел важный плюшевый медвежонок, у ног которого спала большая рыжая кошка.

Как описать мне состояние моих героев в тот краткий миг мгновенного приобщения к чужому, но уже в чём-то родному миру? Словно и я ведь входил вместе с ними в этот чистый деревенский домик, и словно пронзала насквозь мою утомлённую душу невыносимая нежность этого неземного покоя и счастья, настоящего на лесных травах и классической музыке, на мирном бескорыстном труде и блаженном отдохновении, когда густая истина мирового пространства воспринимается не на слух, а на вкус, когда исчезает из сердца извечная тревога за неустойчивую судьбу нашей пульсирующей вселенной, когда грустная мордочка плюшевого медвежонка кажется значительнее грядущих космических коллапсов и всех человеческих катастроф...

— Вот, проходите, проходите, пожалуйста, — сутился около незваных гостей Алик, — можно, коли угодно, прилечь, ежели притомились, конечно. Можно и вздремнуть, если есть такое желанье. Располагайтесь, в общем, в полном согласии со своей внутреннею свободой.

— Послушай, Алик, — запродолжил свою неуклюжую обработку застенчивый Иоким, — конечно, это варварство — хлебать, к примеру, чай из тявана «Фудзи», сделанного Хонъями Коэцу, или поглощать салат из блюда Бенвенуто Челлини, но представь себе такую канитель: когда бы не было вокруг во всей округе другой посуды, ужель ты предпочёл бы смерть от голода и жажды, но не коснулся бы творений мастеров?

— Ну почему же умирать? Конечно бы, коснулся, хотя ведь можно и из рук поесть, к примеру. Но фетишизм — совсем пустое дело: с посуды нужно есть, из чашек пить, поэтому причём здесь мастера?

— Ты знаешь, Алик, этот именинник совсем не может объясняться прямо, и будет здесь до вечера петь песни, пытаясь намекнуть на то, что дюже хочется ему сейчас и здесь отведать-выпить-приобщиться-воспригубить твоей поистине бесмертной самогонки, — опять вмешался в разговор старик Эоли.

— Самогончику-то? — тут же оживился Алик. — Дык это с полным нашим удовольствием... Это, конечно, не ваши заморские «швали» и «бурды», у меня тут посерьёзнее так сказать, продукция. Я её не то чтобы, конечно, из ничего делаю, но, наоборот, беру очень много всего, а потом всё лишнее, так сказать, и отбрасываю. Мой продукт семь обработок проходит, на самом лучшем антраците очища-

ется, на целебных травах настаивается, человеческим теплом согревается и ко всему прочему музыкальный настрой вбирает. Его, как я от Фуражкина слышал, аж-ник самим китайцам за золотые деньги поставляют. Так что вы не сумлевайтесь и пивайте в полное своё расслабленье.

И Алик, продолжая восторженно и радостно нахвалить своё немудрёное производство, несколько суетливо и в то же время торжественно выставлял вокруг желтоватой четверти всевозможную деревенскую снедь: нежно-розовое, пахнущее чесночком сало на деревянной тарелочке, стеклянная мисочка с килечкой пряного посола, чугунок распаренной в печке картошки, малосольные огурчики и свежие помидорки, солёные груздошки, зелёный лучок, укропчик, краюха ржаного хлеба с тмином. Потом расставил гранёные стограммовые стопки и разлил по ним запотевший от лёгкого ожидания самогонный продукт.

«Вот этот, желтоватенький по цвету и пахнущий чобером с брусничкой, это не кто иной, как мистер Гершвин! Он веселит и провоцирует раздумья. Поскольку праздник нонеча у нас, то я его и приподнёс к застолью нашему. А так, вообще-то, есть у меня различные напитки: Гер Штраус — чтобы просто веселиться, гер Бах — затем чтоб погружаться в созерцанье своих нетронутых затерянных глубин, гер Моцарт — тот для радостных полётов, а гер Бетховен — это для светящейся печали, мосье Сен-Санс способствует настрою на патетические добрые дела, мосье Де-либ — ведёт в лирические дебри, а пан Шопен уносит в фантастические грёзы, а вот, к примеру, Скрябин, господин, — зовёт прорваться в возбуждающую дальность. Но честно вам скажу, всех лучше мистер Гершвин. Конечно, Эоли, я в музыке профан, но вот в напитках я немноготь разбираю. Возможно, Гершвин попадает в тот особенный, неповторимый резонанс, созвучный внутреннему строю самогона...

Но, впрочем, я порядком заболтался. Давайте выпьем за здоровье Иокима. Такое дело — выпить за здоровье... А чтоб продукт сработал хоршенько, его принять должны мы с чистым сердцем!»

Закончив свой высокий монолог, Алик неторопливо перекрестился на образа и одним глотком опрокинул свою стопку. Потом, уважительно крякнув, зажевал Мистера Гершвина килечкой и, отломив маленький кусочек хлеба, промокнул им остатки самогона с усов. После чего, положив пьяную крошку на стол, он постукал по деревянной стене указательным пальцем и тихонько позвал:

— Жучка, Жучка, Жучка, Жучка...

К немалому удивлению Иокима и Эоли, из какой-то щели между брёвен выполз огромный, должно быть больше спичечного коробка, жук. Он неспеша пополз к Алику, забрал крошку хлеба, пропитанную самогоном, и уполз восвояси.

— У ней там своя территория... Не любит она прилюдно трапезничать. Да и то сказать, интимное это дело — трапеза-то, — сказал Алик и налил ещё по одной стопочке.

— Постой, Алик, а как же ты узнал, что она — это о н а? — спросил старик Эоли.

— Дык, ить — Жучка, потому и она, а если бы был Жучок, тогда уже, вестимо, он бы полчился.

— Но как же ты узнал, что она — Жучка? — продолжал допытываться Эоли.

— Дык, откликнулась, вот и узнал. Ага... А как же иначе?.. Ну, значит за здоровьице родителей ваших, со всем, как говорится, почтеньицем, — сказал Алик и, ещё раз перекрестившись, выпил вторую стопку. Точно так же степенно закусил

килечкой и, снова промокнув остатки самогона, выдал вторую порцию хмельного хлебushка своей Жучке из территории.

— А ты что же это, Алик, по настоящему в Бога-то веришь? — спросил, закусывая малосольным огурчиком, Иоким.

— Верить-то, может, не верю, но верую...

— То исть, это как так: не верю, но верую? — не понял Иоким.

— Ну, как бы это тебе объяснить-то? Понимаешь, верить — это значит верить! Ну, доверять там во всём, полагаться... Вот как дети малые — они в своих родителей верят и полностью на них полагаются... А веровать — это... это как бы веровать, что бог есть, но в то же время я, как Я для него, может быть, и не существую... И потому доверяться ему нет у меня никакой такой особой причины, а скорее остерегаться его должен, ибо может он во всей своей огромности и задавить меня ненароком.

— Хм... Занятно... Весьма, весьма занятно... А что же ты вот тут сейчас перекрестился, это-то в таком случае для чего? Ежели он для тебя есть, а тебя для него как бы и нет, то для чего же, позволь мне спросить, креститься-то?

— Ну, это просто знак такой. Так мои предки поступали, так и я поступаю... Ничего особенного я в него и не вкладываю... Это вроде как цветы к памятнику возложить... Или произнести в душе какую-нибудь вот такую молитву: «Здравствуйте, — мол, — мой добрый Бог, я помню о Вас, и душа моя, принимая хмель, будет стремиться взлететь, а не рухнуть в бездну или, хуже того, увалиться в грязь».

— Но для чего же молитвы ему, если ты для него не существуешь и если он тебя не слышит?

— Во-первых, молитва нужна мне для душевного равновесия и соблюдения традиции. Традиции, понимаешь ли, дело не маленькое... Во-вторых, я же объяснял уже, что не существует для Бога меня как Меня, а во всех остальных отношениях я для него существую и вполне допускаю, что он меня может услышать.

— Ну, Алик, это уж простите-извините! Да как же он услышит и заметит, когда, возможно, в это же мгновение вас тысячи таких, крестьящихся под рюмку самогона или виски, под чашку молока, тарелку супа...

— Да и пускай, хотя б и миллионы... Не вижу никакой тут подноготной...

— Ну ты представь: огромный муравейник, вернее, поле муравейников вокруг. И несколько десятков муравьёв тебе зачем-то помахали лапкой... Скажи, уже ли б ты заметил их, во-первых, а во-вторых, когда бы и заметил, то было б разве это важно для тебя?

— Дык я ж ить и не Бог... А коли ты пытаешься сравнить, то это никудышное сравнение. Уж ежели хочешь уподобить хоть в каком-то, пусть даже и дырявом приближении, между собою человека и Творца. Возьми хотя б не муравьёв, но клетки, живые клетки человеческого тела. Конечно же, ты их не наблюдаешь, и каждая из них не существует для тебя как клетка... Но ты, однако, чувствуешь их все, и если хоть одна из них зачихнет или, напротив, своевольничать начнёт, то ощутишь в том месте раздражение или боль... а то бывает, запаршивает одна клетка и за собой ещё других потянет... устроят бунт или революцию на теле — как раки расползутся, кто куда... да вместе с телом сами и погибнут. Так и с людьми — когда в душе их светит невечерний свет, когда они едины с помыслом господним, то вроде бы они и неза-

метны. Но если чёрна мысль души твоей коснулась, то и у Бога где-то закололо... И если чернота заполонит людские души, то может Бог и вовсе умереть...

Пусть это тоже небогатое сравнение, но всё ж оно немного ближе к сути, чем просто человек и муравьи.

— Однако... Это ты, брат, ловко излагаешь. Да что там ловко! Просто — гениально! Все люди — суть частички Божества... Какой-то самобытный даосизм! Нет, право, господа, за это надо выпить!

И они выпили.

3.

Движение мыслей, слов и разговоров... Движение браги по тончайшим трубам... Движение музыки по тайникам души... Водовороты встреч и расставаний... И тихая мелодия покоя... И тихий дом для собственного гона, для постижения сущности вещей, для странного стечения обстоятельств, для нахождения собственного Я...

Всё было так... Беседа продолжалась...

— Послушай, Алик. Ты мне объясни. Раз мысли чёрные приводят к смерти Бога, то где ж критерий?!

— Чтобы для чего?

— Ну как нам знать — какого цвета мысли?

— А-а, это. Ну что ты, Иоким, какой там цвет-критерий! Конечно, ничего такого нет. И каждый сам внутри себя об этом знает, а остальное, право, ерунда.

— Но подожди. По-твоему выходит, что бунтовать нельзя. Что надо жить по схеме. Молиться. Умываться. Делать дело. И прочая, и прочая, и проч.

— Нет, Иоким. Ты просто передёрнул. Бунт бунту рознь. Покой покою тоже. Традиция, поверь, отнюдь не схема. И ритуал отнюдь не есть повтор. Конечно, проще, легче, незаметней плыть по инерции событий и времён. И очень трудно вырваться из этой заполонившей тебя инерции жизни. Очень трудно поверить в свою собственную неожиданность. Очень трудно каждый раз опрокидывать стопку по-разному. Механической повторяемости маятника можно противопоставить повторяемость подъёма по ступенькам лестницы. Мой подъём — это своего рода бунт против инерции, но бунт созидающий. Если же я начну пилить опоры у этой лестницы, то она рухнет вместе со мной и...

А впрочем. Впрочем, зачем нужны слова, когда налиты стопки?

— Bravo! Bravo! Да Вы, Алик, просто поэт! А ты, Иокимушка, поразмысли, поразмысли на досуге-то о всех своих уровнях-фигуровнях. Классификатор, понимаешь ли, выискался! Но, однако, что ж это я на тебя наехал-то! У тебя ведь как-никак день рождения. А я тебя как-то всё и не поздравил ещё, — и с этими словами старик Эоли, порывшись в своих необъятных карманах, вытащил на стол бутылку-четвертинку.

— Вот, Иоким, это тебе подарок получается. От Меня.

Необычная это была бутылка. Внутри неё был разбит настоящий подводный сад из водорослей, среди которых была и карликовая кладофора, и анабела, и микроцитис, и даже лилипутовый саргассум. На песчаном дне бутылки были разбросаны мельчайшие кусочки сиенитов и яшмы, хризолитов и ониксов, а также разноцветных стёклышек и осколков рапанов, но самым главным её украшением был огромный спиралевидный прудовик, занимающий чуть ли не половину импровизированного аквариума.

— Это, так сказать, мировая аналогия. Специально для тебя, Иокимушка, выращенная. Прудовик сей — это с, одной стороны, *Lymnaea stagnalis* (что в вольном поэтическом переводе означает «Сумасшедший тихой воды»), и принадлежит он к отряду сидячеглазых, и, заметь себе особо, является промежуточным хозяином паразитических червей, поражающих человека! Не так ли и мы, Иокимушка, являемся промежуточными хозяевами мыслей, поражающих Господа Бога?! Но это с одной стороны. С другой стороны — это просто живое существо, формой своей напоминающее тот самый Водоворот, который волновал тебя всю жизнь. И мысль, заключённая в этот аквариум, такова, что Водоворот этот сокрыт внутри души человеческой, и именно там его и искать надобно. Третье размышление, символом которому служит образ этого аквариума, то, что вот попали мы в наш мир сквозь малое отверстие, в миру же крепко подросли, заполняя мыслью всю вселенную, и чтобы выйти за её пределы, необходимо нам разбить границы или же снова пойти на уменьшение самого себя до прежних одноклеточных размеров...

— Н-да-а, чёрт возьми! Красиво! И в общем, даже не хватает слов! А впрочем, как сказал недавно Алик: «Зачем слова, когда налиты рюмки!»

— Спасибо Вам, друзья. Вы просто праздник превратили в праздник! Сначала Алик, а теперь вот — ты! Ведь это надо ж до чего же здорово — отверстие, пустившее нас в мир, который мы уже переросли... И ты заметь, ведь как оно нас манит... Как каждый человек к нему стремится... Оно ведь есть предмет его мечтаний от юности до самых старых лет... И ведь действительно, когда в него он входит, хотя бы частью самого себя, на краткий миг теряются земные очертанья, душа уносится в подоблачную высь...

Послушай, но не об этом ли писал и Соловьёв, когда решал вопрос ухода в космос. Он, знаешь ли, считал, что совершенный акт физической любви способен возвратить утерянную целостность души и мира, что лишь чрез идеальное соитие способен человек уйти в своё бессмертие.

Как это здорово! Как это прекрасно, Эоли! Спасибо, старина! Ты, видишь ли, подсыпал мне на отдыхающую душу ещё немного золотой лазури.

Давайте выпьем, господа! За тот густой водоворот Любви, что вечно бережит встревоженное сердце!

Когда я описываю рассуждения о Море старика Эоли или Алика, или Иокима, то невольно задаюсь вопросом. А так ли всё это? И что такое этот мир для меня? И одна ли и та же Истина для Иокима и Алика, для маленькой трясогузки и невесомой бабочки, для инфузории туфельки и для всеобъемлющего Бога? Или и нет вообще никакой Истины? Или Истина — это только пламя той негасимой божественной свечи, вокруг которой вьются маленькие легкокрылые мысли? Или и вправду она сокрыта в вине и способна распускаться, как белая лилия среди запутанных стеблей нетрезвой беседы?

Что в Истине тебе моей?

А тем временем горячий настой на целебных травах и музыке великого Гершвина ворвался в жаждущие души трёх индивидуальных странников, соединяя их в едином порыве к прекрасной невозможности постижения.

И вдруг Жучка, тащившая на свою территорию кусок просвечивающего сала, остановилась и очень серьёзно заинтересовалась аквариумом. Заинтересовалась настолько, что напрочь запустила все дела по своим промзаготовкам. Жучка по-

дошла вплотную к бутылочному стеклу, к тому самому месту, где прилип прудовик, и, присев на четыре задние лапки, потрогала передними неприкасаемого обитателя бутылки. В ответ на это прудовик несколько расширил площадь своего прилипания и покачнулся. Жучка, словно что-то поняв, целеустремлённо направилась к Алику и, подняв вверх передние лапки, попыталась передать сообщение своему богу на языке жестов. Но бог оказался весьма бестолков и ничего не понял. Тогда Жучка, оперевшись в его указательный палец, прибегла к дактильному способу общения, но и эта азбука оказалась для Алика китайской грамотой. Но боги на то и боги, чтоб понимать своих подданных, не понимая их языка. Алик, подчиняясь наитию, выдал Жучке ещё один кусочек хлеба, смоченного продуктом. Счастливая Жучка весело (если только можно сказать о насекомом «весело») подхватила свою добычу и помчалась к забутылочному миру. Она мужественно попыталась подняться вверх по скользкой отвесной стене, но тут же шлёпнулась вниз и, лёжа на спине, беспомощно дрыгала всеми шестью своими лапками, при этом крошку из челюстей она так и не выпустила. Эоли единственный, кто догадался о том, что затеяла Жучка, поднёс её к бутылочному горлышку, и она «радостно» бросила в аквариум приготовленное угощение. (Конечно, я подозреваю, что во всей этой истории немало приукрашений и творческих измышлений, ибо пересказана даже не со своих, но с чужих пьяных глаз, причём затуманенных не чем-нибудь там, а настоящим мистером Гершвином... И всё же без туч не бывает дождя.)

— Как говорил давным-давно учитель Чжун-цы: «следи за поведением жесткокрылых, вникай в причинность дел их и поступков, любуйся ими в час своих досугов. Тогда их жизнь не будет уж загадкой», — сказал изрядно захмелевший Иоким.

— А вот по мне загадка, так загадка! Чем больше нераскрытых тайн, тем интересней. Тем больше Случая... Ну что там мистер Гершвин? Ещё нам что-то хочет нашептать? — спросил как-будто никого Эоли.

И они ещё и ещё вызывали на бис эту животрепещущую смесь, замешанную на рапсодии в стиле блюз, растворяясь в её солнечном зове, дробясь на тысячи прозрачных звонких капель, кружась в горячем вихре спиричуэлсов и контрастов джаза... Просветлённый Эоли слегка подыгрывал мистеру Гершвину на своём помятом заслуженном саксе. Потешно пританцовывала Жучка, про что-то чмокал старый прудовик. О чём-то нащёптывал беспечный Алик. И лишь философ Иоким уплыл, пожалуй, слишком далеко. Наверное, он мог ещё подумать свою мысль, но уж не в силах был воспринимать чужие. (Хотя, возможно, что в последнем предложенье, частицы нужно поменять местами. Поскольку так уж как-то повелось: от перемены мест слагаемых меняется в грамматике и сумма.)

— Ну что, великий композитор хмеля, куда-то не туда увёл ты Иокима, — заметил Эоли, отодвигая сакс.

— Ему сейчас неплохо бы вздремнуть, и снам его лишь можно будет подивиться, кабы он смог хотя б на треть припомнить их... А я не отказался бы пройтись, ну хоть до края нашего квартала.

— Пойдём к трубе. Я там тебе сыграю. Пожалуй что, сейчас ты в состоянии будешь оценить все тонкости, извивы, воспаренья той музыки, которая закрыта на задвижку в моей душе и в заводской трубе...

И они, дослушав свои впечатления от мистера Гершвина, пошли к заводской трубе.

4.

Высокая конусообразная труба обладала таинственной добротной железной дверью, запертой почему-то изнутри. В левом нижнем углу этой двери существовала железная форточка, закрытая на висячий замок. Такая дверь в двери. И вот эту-то форточку и открыл непонятно откуда у него имевшимся ключом старик Эоли. Открыв её, старый музыкант встал на колени, вставил в образовавшийся чёрный квадрат раструб своего саксофона и заиграл... Соло на кирпичной трубе с саксофоном... Музыка, направленная в Небо... Мелодия с аккомпанементом ветра...

Как долго это длилось? Сейчас восстановить уж невозможно, да и не нужно. Ведь внутренний пульсар времени и близко не стоит с движением стрелки на любых часах. И нам, пожалуй, более пристало измерять время в событиях и мыслях, поступках и ощущениях, но отнюдь не в секундах или часах... Не в часах...

Прошли, наверное, десятки эолийских гамм. Прошли наверно, сотни потрясений. Прошло не меньше тысячи открытий. Прошли увиденные в небе облака... И выжатый, счастливый музыкант упал в усталой радости на траву, уложив в её свежую зелень мутноватое золото сакса...

И вдруг дверь трубы с тяжёлым скрипом открылась...

УГОЛ 3. ЮГО-ЗАПАД

1.

Он рос странным неказистым мальчиком и своими поступками, а вернее, отсутствием таковых, вызывал аномалии в тихом социуме своего окружения. На него постоянно сыпался град нравоучений и насмешек, проработок и издевательств, тёплых шуток и холодных колкостей. Но он всегда чувствовал за потоком слов ту интонацию, которая была важнее смысла. Он чутко улавливал доброту, направленную на его неуклюжесть, и тогда припадал к ней всем своим существом. Но если за морфемами языка проступала бездарная злоба, то он не пускал её дальше ушных раковин, противопоставляя этому нападению непробиваемую стену внутреннего шума и теряя к говорящему всякий интерес.

Глаза его, чаще смотревшие на асфальт, чем в небо, были подёрнуты налётом дорожной пыли, за которой трудно было увидеть далёкий лазоревый свет...

Он спокойно плыл по движению жизни и не научился отказывать в просьбах...

Обеспеченность высокопоставленных родителей сделала из него заманчивого жениха. И вскоре нашлась барышня, поборовшая своё отвращение и взявшая впридачу к комфортной и безбедной жизни это молчаливое существо.

Долгие годы их союз не омрачался разговором. Не омрачался никаким разговором...

Но вдруг он стал пользоваться успехом. Вдруг он стал пользоваться успехом у её многочисленных подруг.

Случилось так, что после их девичьей вечеринки одна из них, в порыве опьянения, горя паталогическим желанием, зашла в его угрюмый кабинет и там, используя его почти как манекен, настолько утолила все желания, вошла в такой неистовый оргазм, что уж потом ему проходу не давала, и не было такого закутка, в котором дама та своею тонкой ручкой не направляла бы его послушный член в своё пылающее похотью жилище...

Язык у дам, почти у всех, довольно длинный, и наша леди не являлась исключением, она похвасталась одной своей подруге, та загорелась всё испробовать сама... и проба, прямо скажем, удалась. Потом ещё одна открыла тайну и третья, и четвёртая за ней... Короче, наш нечаянный гигант пошёл по тонким и изысканным рукам. Вся эта кутерьма вокруг него хотя его и сильно утомляла, но радости отнюдь не приносила, не приносила даже наслаждения... Всё дело в том, что, довольно легко возбуждаясь, он не имел ко всем этим мадамам никакого внутреннего интереса, инстинктивно чувствуя, что им всего-навсего нужен кусочек его плоти, лежащей в месте раздвоения тела. И когда они, как мухи к дерьму, слетались к этому кусочку, крутились и елозили на нём, владелец их нежданного счастья парил в глубинах собственного я, а мозг, успев отдать команду на подъём, на этом миссию свою считал оконченной и об извержение порою откровенно забывал, и лишь когда его напарница (или, скорее, наездница) взрывалась в диком сладострастном стоне и выливала на него горячую волну дрожащего подбрюшного желанья, он как бы выходил издалека и отдавал своё заждавшееся семя...

Она полюбила этого тихого доброго монстра, ещё когда была совсем совсем ребёнком, угадав, что в нём за слоём пыли таится блистающий свет. Она часто видела, как им насыщались порочные волоокие дамы, и видела, как что-то лучистое просыпалось в их пустых и сладострастных глазах. Она слышала их ликующие стоны, идущие от самого живота. Она наблюдала за ним, отложив в сторону тетрадку по математике. Она могла наблюдать, потому что их окна были напротив. Потому что он никогда не задёргивал шторы. И, о Боже! Как волновали её его движения! О!.. Как ей хотелось оказаться на месте ликующей дамы.

Она мысленно каждый раз уносила через эту небольшую преграду из двух окон и воздуха между ними. И почти каждый раз заменяла собой заоконную взрослую даму и входила в экстаз вместе с ней, истекая потоком любви.

Однажды, когда ей минуло от силы четырнадцать лет, она, поборов свою гордость и робость, и страх, и стыдливость, вошла в его никогда не закрытую дверь.

Он сидел на диване, погрузившись в свою глубину, но, увидев неожиданную гостью, в изумленье развёл руками. А она, вся дрожа от волнения и близости этого доброго монстра, не могла уж пойти по намеченной ею дороге и, присев на самый краешек стула, просто-напросто им любовалась. А потом она вдруг, из кармана доставши жевачку, протянула ему своё милое детское лакомство.

— Чего ж ты дверь-то не закрываешь? — спросила она.

В ответ он только развёл руками.

— Пойдём кататься на лодке!

— Кататься? С тобой?

— Со мной, с кутерьмой и с твоею бородой, — весело пропела она.

— Пойдём, — сказал он...

— Ну а потом, что было потом? — спросил Крестов.

— Потом? Потом меня судили за соращение малолетней и отправили вот сюда, в Матов, — заключил свой рассказ поэт Малёк-Немоватый.

— Дык ты её совратил?

— Ну а кто же, по-твоему, её совратил?

— От гад! Как же ты так, Малёк?! Она же девчонка совсем!

— Что же я, нарочно, что ли, её совратил? Ходили ко мне волоокие, им это дело нравилось, ну а она в окошко смотрела.

— погоди, Малёк, ты с ней спал или нет?

— Зачем спал? Я же говорю тебе, она меня жевачкой угостила. И мы хотели пойти кататься на лодке, но прибежала её мамаша с милицией, ну и... так мы с ней и не покатались. Не получилось...

— Слушай, Малёк, а что же ты, балбес эдакий, на суде-то ничего не рассказал?

— На суду-то? А чего мне было говорить? Совратил — значит совратил, что здесь плохого? Если никуда никогда не сворачивать, то и жить-то неинтересно... Решили вот меня сюда отправить, ну и отправили, а здесь-то оно как-то легче... здесь никаких тебе волооких, никакой-такой глупой милиции и никто, кроме тебя, баламута, в душу ко мне не лезет. Одному тебе всё чегой-та надо, чегой-та надо, чегой-та надо... мазилка перекрёстная. Нет бы с кисточками своими возился, чегой к человеку приставаешь?

— А чего же ты, Малёк, всё по Светмиле вздыхаешь да плачешь, ежели у тебя такая любовь там осталась?

— Да уж дюже она, это самое... дюже шибко она ту самую девчоночку напиминает, токмо, может, немного постарше её будет.

— Слушай, Малёк, а ты её до сих пор любишь?

— Знаешь, Крестов, а не пошёл бы ты в свою живописную задницу.

— Нда-а... Однако. Пожалуй что, точно говорят, что в тихом омуте завсегда есть чёртово гнездо. А как жена-то у тебя к твоим фокусам относилась?

— К каким-таким фокусам?

— Ну, к волооким твоим.

— А-а радовалась, конечно.

— То есть как это радовалась?

— А так. Она же у меня с детства, видать, золотым телком была кусанутая. Ей бы лишь денежки прибирать да барахлишко разнокалиберное. Она как про волооких узнала, стала с них плату взимать. Да ещё потихонечку мне новую клиентуру подбирала; капиталец её ненаглядный усиленного питания требовал, чтобы расти ей на радость, а мне в тягость.

— Слуу-у-у-шай, Малёк, а может, Светмила и есть та самая девчонка?

— Может, и есть, тебе-то что?

— Да мне-то, конечно, что? Мне-то, конечное, нет ни что. Ну, а тебе-то, тебе-то ведь что! Неужто ты у неё до сих пор так и не спросил?

— У кого?

— У кого, у кого. Ну у Светмилки этой, у кого же ещё.

— Нет, не спросил.

— Дык, а чего же не спросишь?

— Боюсь.

— Чего боюсь?

— Ответа боюсь.

— Какого ответа?

— Дык ить любого.

— Чегой-то не понимаю я тебя, Малёк, чегой-то никак я тебя, Малёк, не понимаю.

— Дурак, потому и не понимаешь. Если бы был, например, не дурак, тогда бы другое дело.

— Почему-то другое дело? И почему-то это я такой уж дурак?

— Почему ты такой дурак, я не знаю. Такой уж, видать, уродился. Э-э-эх, да что тут тебе объяснять. Я ить сейчас её светом живу. Быть может, мнимым, но светом. Быть может, что и она не ОНА, но у меня хоть есть надежда. Понимаешь такое слово? НАДЕЖДА. А вот спрошу я её, а она рассмеётся мне прямо в глаза и скажет: «Ошибочка вышла, случайная похожесть черт лица...»

— Да ну тебя, пыльноглазый, а вдруг, а если, а кабы, ну а как она и есть ОНА, а ты мешком да тёлками своими волоокими притрахнутый ходишь тут, как бдюк, да слёзы по углам роняешь.

— А ежели она и есть ОНА, то это, Крестик-нолик, ещё того хуже быть может.

— Почему по-такому хуже?

— Потому по-такому хуже, что даже если она — ОНА, то она всё равно уже не ОНА, поскольку та осталась в прошлом времени, где путешествовать способна только память..., но есть иллюзия, что некоторые вещи (заметь особо, в е щ и) выходят из континуума — Время. И я, я боюсь разрушить эту иллюзию. Боюсь, что образ той девчонки, угостившей меня жевачкой, рассыплется, как дом из домино при восьмибалльном землетрясении. Каково же мне жить без образа? Ты, образописец, ответь мне — каково?

— Нет, братец, ты у нас не Малёк-Немоватый, а ты у нас Малёк-Придурковатый. Образ твой никуда не денется, но расцветёт, как бутон раскрывает свои лепестки на рассвете к лучам тянувшегося солнца.

— Я, что ли, по-твоему, солнце?

— Для меня ты, быть может, не только на солнце, но и на кусок дерьма не похож. А для неё совсем другое дело. Да что с тобою, пыльнодурком таким, говорить. Только и можешь, что руками в разны стороны...

2.

— Ну если это вам необходимо...

Милая. Светлая. Чистая. Нежнораняемая. С жёсткой оболочкой ледяной защиты. Говорящая насмешки, за которыми скрыта любовь. Умеющая смотреть в оба глаза одновременно и видеть в каждом зрачке не только своё искажённое отражение, но и то, что за ним, ту ауру вокруг него, то холодное излучение, противоречащее законам физики и... доброты. Девушка с глазами спаниеля. Богиня солнца — Амаэрасу. Гордая львица с трепетным сердцем лани. Звезда, упавшая в небо и растопившая космический холод. Она сидела с потрёпанным томиком Фицджеральда, пробираясь сквозь нежность холодной ночи, согревая сердца героев своим дыханием, негромко вмешиваясь в авторский замысел и разворачивая сюжет в едва намеченные отступления. Ещё чуть-чуть и ей удалось бы помочь героям той далёкой книги, но... но жизнь реальных, в образе художника Крестова, довольно грубо перебила те тонкие ткани её сопереживаний в изменчивом и зыбком мире сознания...

— Видите ли, — сказал, едва вступив на порог, Крестов, — я хотел бы воспользоваться уникальным стечением света и тени на Вашем лице. Это преломление внутреннего и внешнего света, их невыразимая игра на границе двух сред, заметная лишь чуткому глазу художника... Всё это и манит меня и пугает. Я так хотел бы занести на холст всю гамму этих столкновений, но не знаю, хватит ли для этого моего скромного таланта?

Как описать мне. Этот простой разговор, проходивший в доме белокурой львицы? Когда за каждой фразой таилась совершенно другая смысловая нагрузка. Восторженно-возвышенные сочетанья слов были пронизаны чуть заметным налётом иронии, и каждый чувствовал игру другого. И отвечал ему незамечанием этой игры, и каждый всерьёз надеялся, что достигнет отрицательной бесконечности, неизменно двигаясь вправо от нуля... Возможно, что это и в самом деле возможно, ибо настоящая бесконечность никогда не имеет знака. И этот дурацкий закон един-

ства и борьбы противоположностей, как ни парадоксально, иногда работает на-зло самому себе, и кратчайший путь к заветной цели — это полный отказ в продвижении к ней, и чтобы избежать штампа в разговоре. А тем более в пересказе разговора, чтобы избежать штампа в самой обычной просьбе или, скажем, в поэме, достаточно просто удвоить штампованность речи. И если я напишу, что «они сидели в тенистом скверике и обсуждали выбор фона для их будущего портрета», то эта фраза быстро и незаметно потонет в общем потоке хаотично толпящихся предложений. Но стоит ввести один, другой абсурдный оборот, типа «тенистой тени» или «пахучего аромата», и отторжение читателя на нелепость, дурной анафоризм и высокопарность слога заташат его *volens-nolens* в этот уютный скверик с левкоями и гиацинтами. А если я контрабандой протащу в текст какой-нибудь «скверный скверик», то это и будет моя победа, поскольку, быть может, ради него-то всё и затевалось. Поскольку боковые ответвления всегда важнее генеральных линий. Поскольку именно на побочных ветвях чаще всего созревают плоды и почти никогда на самом стволе... Роман затевается для того, чтобы избавиться от вороха «лирических отступлений», заполонивших душу романиста, этого законченного графомана, этого неизлечимого маньяка-словоблуда, ловящего кайф от умно построенной фразы, от удачного эпитета или от нестандартной рифмы. Его издёрганный бессонницами мозг требует всё больших и больших доз наркотических строчек, а огрубевшая душа уже совсем нечувствительна к тем наивным оборотам речи, которые когда-то приводили его в лебединый восторг. Неуверенность в собственном гении толкает его на рискованные эксперименты, которые иногда рассыпаются просто в буквальном прах. И тогда единственный выход из прожигающей ломки видится ему в предсмертном полёте, в броске с крыши какого-нибудь высотного дома... и странно думать, что эта клякса крапчатого бордо на мостовой когда-то уводила нас совсем в другие полёты. Или же иссякнувший источник духовного наркотика заменяется грубым эрзацем из коньяка и портвейна, и эта неуклюжая попытка перебивания «кайфа» обычным «бухлом» приводит в конце концов к тому же итогу, но только клякса уже не лежит на брусчатке, а таскается по городу бесформенной грудой объёма и цвета. *Spirans cadaver**, ушедший в поисках дешёвого пива, но предполагающий, что ищет нетронутые сюжеты.

Мне доводилось испытывать это состояние растёкшейся кляксы на собственной коже. Казалось, что невозможно проскочить между Сцилой того, что всё уже сказано до тебя, и Харибдой, этого *scribere, ergo sum...***

* *Spirans cadaver* — дышащий труп.

** *scribere, ergo sum...* — пишу, следовательно существую.

Но я понял тогда, что нужно писать для себя, что если не хочешь стать дышащим смердящим кадавром, то оставь эти попытки объяснить для всего человечества подноготную сущность вещей и объясняй её только себе... поверь, что твой способ проникновения за декорацию всех явлений — это описание этих декораций. И если ты научился плавать в солёной воде своего языка, то вовсе не обязательно переплывать океан, но гораздо важнее не разучиться резвиться на песчаном мелководье. И эти фонтаны из-под твоих ладоней, вызывающие короткую радугу, сверкающую только для тебя и твоих друзей, этот разноцветный мостик из небытия в небытие, сверкающая аналогия человеческой жизни...

— Значит, Вы хотите, чтобы я просто читала книгу в изменчивой тени вот этих акаций?

— Я хочу, чтобы Вы читали хорошую книгу в изменчивой тени хотя бы и акаций. Книгу, которая подняла бы в Вашей душе небольшую бурю, разрушила привычное понимание мира и вдохновила бы на построение, пускай не вавилонской башни, но хотя бы домика из песка. Я хочу видеть тень этой бури, проскользнувшую в ваших глазах.

— Видите ли, Крестов, уже давно прошло то время, когда мои чувства проступали надписью на лице, ну а сейчас должно всю душу потрясти цунами, чтобы хоть лёгкая рябь подёрнула отражение неба в моих глазах... А вызвать цунами, Крестов, может только землетрясение, настоящее землетрясение, Крестов, а не его описание в книге...

— Ну тогда разбудите магматический слой Вашей памяти, возможно, это вызовет извержение ваших закованных вулканических чувств и лёгкую рябь на поверхности Ваших глаз.

— Память? Понимаете, Крестов, Mea memory — indefinitum*. Как человек помнящий я ещё очень молода, и негромкая жизнь нашего картонного города не подарила мне воспоминаний, способных вызвать не то чтобы цунами в моей душе, но хотя бы лёгкое дуновение свежего бриза. В результате какого-то сильного потрясения я умерла. Попала в ноль на середине жизни. Осталась только лишь память тела и память ощущений... я, не отдавая себе отчёта, понимаю, чего мне хочется и что я люблю, но события, происшедшие до нулевой отметки моей памяти, мне не известны, точно так же, как неизвестна вам ваша жизнь до рождения...

* Mea memory — indefinitum — в моей памяти неопределённость.

— Постой, постой, у тебя что же, случилась полная потеря памяти?

— Случилась, Крестов, случилась.

— Послушай меня, милая девочка, ты... ты помнишь, ЧТО ты любишь, ну а КОГО? Того, кто был тобой любим, ты можешь вспомнить?

— Вы странный человек, Крестов, ну неужели вы не понимаете, что человек — ведь это не банан, и если я могу вспомнить о любви к бананам по памяти вкуса, то как я вспомню о любви к человеку, которого, быть может, и нет посреди моего окружения?... А Вы? Вы, Крестов, случайно не знали меня до моего второго рождения? Быть может, этот портрет — только повод? Быть может, вы могли бы мне что-то рассказать обо мне?

— Увы. Увы, к моему глубочайшему сожалению...

3.

Я всё думаю, зачем описание моё так изобилует декоративностью, пышной цветистостью и хитроумной затейливостью? Возможно, это связано с тем, что во мне до сих пор ещё не умер мой далёкий предок: какой-нибудь папуас из Западной Меланезии или тонганец с острова Као, а может быть, азиат из города Трапезунда, но скорее всего, древний русич из Тмутаракани или же все они вместе в замысловатой очерёдности... И этот коллективный предок вольготно развалился в одном из лучших уголков моей души и тихо радуется блестящим побрякушкам из самоварных словосочетаний. Смакует неизвестные ему научные неологизмы, с ли-

кованием вылавливает такие родные ему архаизмы, с радостью узнаёт знакомые латинские фразеологизмы... Но возможно, что предки тут ни при чём, и я просто интуитивно почувствовал, что сцена, на которой разворачивается вся эта странная круговерть событий, совсем не похожа на настоящую, она выдумана от и до неизвестным, но великим ДРАМАТУРГОМ и воплощена не более известным и не менее великим РЕЖИССЁРОМ. Картонность нашего городка заметна даже тем неискущённым детям, нечаянно попавшим в этот опыт. И вот они, вполне живые, со своей болью, с тихой радостью любви, с наивной верой в чудеса и тайны, как будто понимая, что ввязались в интересную игру, играют свою роль вполне неплохо, во всём соответствуя картонной бутафорской обстановке. Они добровольно пошли на эту искусственную метаморфозу, превратившись из живых гусениц в крепдешинowych бабочек, в бумажных змеев, летящих по ветру, которые, казалось бы, вышли в Небо, но всё же остались привязаны к чужому пальцу туго натянутой капроновой нитью... Самым непутёвым и живым иногда удаётся порвать эту прочную связь с непрошенным указательным пальцем, и тогда ветер начинает кувыркать и коверкать их ломкие души, которые, в конце концов, падают измятым комком на землю, и далеко не всегда им удаётся себя разгладить...

Собственно, и я точно такой же воздушный змей, попавший в словарный поток моего романа, отправившийся в это рискованное плавание по запутанным перипетиям незнакомых судеб. Ведь это только снаружи кажется, что описание мира и разбрызгивание языковых капель довольно невинное занятие. На самом деле происходит беспрецедентная игра, игра, в которой на карту поставлена линия жизни, поскольку все ситуации, куда невольно забредают твои герои, впоследствии, так или иначе, вплетаются в твою собственную судьбу...

И те чернила, потраченные на написание романа, через какое-то время замесняются пролитой кровью... И даже тогда, когда писатель пытается сделать инверсию, то есть пролитую кровь заменить на чернила, он либо скатывается на уровень обычного анналиста (каковым я здесь и являюсь), либо пробует иные варианты исхода из прожитых ситуаций и вызывает новые потрясения на свой и без того перепутанный путь...

Поняв однажды свою мнимую власть над пророчествами, он начинает блефовать на всю катушку, сочиняя поистине бредовые сцены, выстраивая просто невероятные флеш-рояли, закрываясь какими-то игрушечными декорациями с ёлочками из зелёных треугольничков и солнышком из сиены и охры. А потом удивляется, потрясённый, когда этот дикий бред вдруг обрушивается на его не ожидавшую такого подвоха жизнь. И все эти хрупкие заслонки из иронии и папье-маше оказываются бессильными перед всё сметающим ураганом, потому что на самом деле писатель, как правило, вовсе не хочет сопротивляться и сладострастно отдаёт себя в руки предсказанных катастроф... Откуда в нём этот провидческий дар? Как удаётся ему заглянуть на несколько актов вперёд? Кто водит его рукой, зачёркивая, казалось бы, довольно удачные построения, ставящий кляксы на вроде бы вполне приличные места и оставляющий почему-то нетронутыми такие неуклюжие и неровные строчки?...

В одном моём разговоре с философом Иокимом им довольно стройно развивались какие-то замысловатые объяснения по поводу этой темы. Мол, якобы, сознание писателя тем и отличается от всех прочих сознаний, что идёт на три шага впереди подсознательной созидающей воли, и сначала сознание из потока хаотичной информации выхватывает заинтересовавшие его факты, подбирая их на клочках газет и в обрывках разговоров, в надписях на заборе и научных трактатах, в

великих книгах и в своих неуёмных фантазиях, в законных шумах и дорожных встречах... Болезненно-трудолюбивое сознание старательно сортирует весь этот подобранный мусор, помещая в нужные клеточки задуманной башни отобранные кирпичики явлений и мыслей. Суматошная энтропия загоняется в свой неустойчивый минимум, и, казалось бы, совсем несхожие сюжеты стоят именно там, где надо, хотя стоит подуть на них ветру свежего восприятия, и построенная башня вдруг превращается в бездонный колодец, на дне которого благополучно утоплен первоначальный замысел, и если повернуть восприятие ещё на несколько румбов, то этот замысел снова всплывает, и колодец разворачивается в испытательный полигон, с которого уносятся в неизвестных направлениях те плотно подогнанные друг к другу последовательности падений и возвышений, и по сути оказывается, что изначально конструировалась вовсе не башня, но гигантский калейдоскоп с разноцветными стёклышками шизофренического сознания. Каждый человек есть носитель уникального мира, но лишь единицы улавливают в себе его наличие, и эти единицы становятся поэтами и писателями, философами и художниками или просто молчаливыми странниками по глубинам собственного я...

Помнится, фразы Иокима низались одна на одну, как драгоценные жемчужины, светясь голубоватым матовым сияньем, и было просто не понятно, как удастся закруглить ему это жемчужное ожерелье, да и нужно ли это? Найдётся ли та шея, которой можно будет его преподнести?.. Но Иокима, видимо, не интересовала шея, ему был важен сам акт закругления, и он, теперь я уже не помню как, сумел возвратиться к тому неоконченному предложению с подсознательно созидающей волей, которая, следуя по стопам сознания, выбирает те едва заметные поворотики в пунктирном потоке разветвляющейся судьбы. Возможно, всё это и так, но я думаю, что творческие предвидения, как и творчество вообще, — просто-напросто нормальная, добротная ТАЙНА, которую не надо ковырять неуклюжими шупальцами серого мозга. Хотя образ романа-калейдоскопа, без сомнения, неплох, несмотря на то, что он, видимо, придуман мною при воспоминании разглагольствований Иокима, а может быть, вытащен (так и хочется сказать ытащен) из тайников накопленной в душе библиотеки, что, впрочем, совсем неважно, ибо любые претензии на приоритет по самой сути своей — смешны...

Так вот, конечно же, эта столь любимая в детстве игрушка вернулась ко мне рассыпчатым повествованием, составленным из разноцветных словосочетаний. Откуда, например, затесался сюда этот никчемушный выброс квази-романоведения? Почему этот незванный гость вклинился горстью страниц в историю потусторонней любви молчаливого поэта и его белокурой дамы? Не знаю. Возможно, мне был необходим какой-то разгон, чтобы въехать в душу тоскующего поэта и не ошибиться в при передаче интонаций в его ответах Крестову? Тем более, что он на все тирады художника, принявшего участие в его судьбе, просто-напросто молчал.

— Да пойми ты в конце-концов, чурбан немоватый, она ждёт тебя и ждала все эти годы и после первого и после второго рождения. Просто она забыла тебя, у неё сохранилась лишь аффективная память. Ты должен напомнить ей о себе каким-нибудь прикосновением..., хотя ты ведь её и не касался-то никогда. Ну я не знаю... Ну давай найдём какую-нибудь озабоченную тёлку, ты ей подаришь своё ласковое время, а я... а я как будто невзначай всё это покажу Светмиле...

— ...

— Да верно-верно, где ж её найдёшь? У нас таких, конечно, не бывало... Ну я не знаю — надо что-то делать

— ...

— Ну погоди же, ты! Ну что же ты уходишь?! Ведь я же не тебе... Я... Я ей хочу помочь... Она... Она мне очень дорога... А ты... А ты — бревно и есть бревно!

— ...

— Послушай, ты, с тобой я говорю или с пеньком дубовым? Чего ты всё молчишь? Я что тебе, мальчишка, носиться за тобою по жару? Ты будешь говорить, иль твой язык и впрямь в конце концов отнялся?

— ...

— Ты просто бессловесное дерьмо! Он, видите ли, пестует в душе далёкий светлый образ, а девушке живой не хочет возвратить не что-то там, не хочет возвратить воспоминание.

— ...

— Поэт он, понимаете, нашёлся, боится перервать страдающие нити, что из души его на свет несут стихи. Кому нужны твои вонючие стихи?! Тьфу на тебя. Ты просто-напросто Малёк — тупая мерзкая претворческая сволочь...

— ...

4.

Она стояла на его пороге, и паутинка волос её золотилась на солнце.

Моё милое светлышко, потерявшее память. Моя чистая девочка, забывшая своё ласковое прикосновение глазами. Забывшая свой невинный подарок. Эту смешную жевательную резинку в оранжевой оболочке, которую я так и не дожевал. Что же мне делать с тобой? Как же войти, как вернуться в твой мир? Как же снова мне стать тем порочным неотёсанным погибающим принцем? Я не знаю, что мне рассказать тебе? Я молчу, потому что молчал всегда. И быть может, молчание моё лучше слов, лучше жестов напомнит тебе то далёкое и такое короткое время...

— *Что же вы дверь-то не закрываете?* — спросила она.

И в ответ он лишь тихо развёл руками.

— *Хотите покататься со мной на лодке?*

— *Кататься????!! На лодке????!! С тобой????!!*

— *Со мной, с кутерьмой и с твоею бородой...*

УГОЛ 4. ЮГО-ВОСТОК

1.

Вторым, кто недоумённо развёл руками перед закрытыми дверьми пакгауза, был не кто иной, как Великий Ляпов. Скульптор минут пять потоптался на месте и решил заглянуть в домик математика Девяткина, стоящий неподалёку.

— Слышь, Девяткин, тут, это самое, пакгауз закрыт по причинам, ты, это самое, случаем не знаешь, надолго у него эти самые причины? А ить мне спирт для шлифовки нужен, а все запасы мои чегой-то того-с, люблю-с...

— Не-е, дядя Ляпов, я не знаю. А что ж тебе так уж дюже этот спирт-то нужен? Займись чем-нибудь другим, чем-нибудь без шлифовки.

— Чего бы ты понимал, без шли-фо-о-вки! Не могу же я целыми днями от одного к другому метаться? Ить на каждую работу, это самое, определённый на-

строй требуется. Я, может, на эту шлифовку две недели настраивался, а ты говоришь чем-нибудь.

— А-а, ну я же не знал твою систему работы. Чего ты кипятишься-то? Хочешь, вон у меня полбочонка Кахетинского есть, может, сгодится тебе на какой-нибудь случай? Я-то его для разбавления чернил брал, чтобы добиться необходимого аромата от моих формул. Так ведь для чернил-то не так уж много и надо.

— Чего?!

— Ну вино такое..., Кахетинское...

— Да я понимаю, что оно вино, я не понял, зачем ты, это самое...

— Ну для аромата. Ну блажь у меня такая, дядя Ляпов.

— А-а, блажь. Ну-ка давай-ка неси сюда свою блажь. Сейчас мы попробуем что это такая за блажь. Может, эта твоя блажь и сгодится на что ни на есть.

Девяткин принёс бочонка с Кахетинским, деревянный ковшик и миску с изюмом.

— А изюм-то для чего притащил? — спросил Ляпов, выпивая единым духом полковшика вина.

— У-у-у! Да это же отличная вещь! Амрита, а не вино, им не чернила разбавлять, а кровь, кровь разбавлять нужно. Какой там, к чёрту, камень! Разве можно такое вино на шлифовку камня пускать?! Им не камень, разве что душу да сердце шлифовать можно. Амрита, одним словом — амрита!

— А что это — амрита, дядя Ляпов?

— Амрита, сынок, это напиток бессмертия, полученный при пахтании мирового океана.

— Как это — пахтании?

— Ну сбивании..., например, при пахтании сливок получают масло, а вот при пахтании мирового океана получают напиток бессмертия — амриту.

— А что такое бессмертие, дядя Ляпов? То есть, я хотел спросить какой критерий бессмертия для тебя приемлем? Ну то есть, что там такое в человеке должно сохраниться, чтобы он всегда оставался самим собой?

— *In vino veritas!* Дорогой, *in vino veritas*. Я понятия не имею, что такое бессмертие, но что такое напиток бессмертия, я могу тебе сказать вполне определённо — вот это кахетинское и есть он. И я не понимаю, для чего мы тратим драгоценное время на пустые слова, когда стоит ещё полбочки Кахетинского вина, и стоит нам попробовать сию божественную влагу из столь уместного здесь деревянного ковша, как все вопросы растворятся из нашей праздномыслящей души.

— Но если существует бессмертие, так ли уж драгоценно это пресловутое время? Как думаешь, дядя Ляпов?

— Болван ты девятимерный, вот тебе и весь сказ. Дурилка учёная. Неуж так трудно сообразить своей математической башкой, что даже при бессмертии каждый миг неповторим и уникален, и этот миг необходимо наполнять существенным содержанием, а не пустой болтовнёй! Ну что бы ты сказал, если бы числовая прямая вместо всех чисел кратных девяти имела обыкновенные нули, а? И если я тебе говорю, что надо не рассуждать на пустом месте, а попробовать, значит и надо попробовать, а не рассуждать.

— Так ведь я же не пью, дядя Ляпов. Я ведь его только для разбавления чернил...

— Чего!?

— Ну я же говорил...

— Ну и горазд же ты, Девяткин, писать! Не пью-ю... Что ж ты хочешь сказать, что половина бочонка у тебя ушла исключительно на разбавление чернил, чёрт бы их побрал?

— Да не-е, это, дядя Ляпов, Истореьев как-то ко мне заходил, он, должно быть, и выпил.

— Вот, сразу видать сокола по полёту! Зашёл, полбочонка уговорил, небось, и спасибочка не сказал.

— Не-е, он сказал, чтобы я в следующий раз Мадеру себе заказал. Это, сказал, слишком кислое для разбавления чернил.

— Чо бы он понимал, кислое! Амрита, а не вино...

— Дык ты что же, дядя Ляпов, советуешь мне его попробовать, что ли?

— Отнюдь. Ежели ты его до сих пор не попробовал, то и не пробуй, а то ещё сопьёшься ненароком, кой толк тогда от твоего бессмертия, если ты будешь проводить его под забором?

— Не-е, я, пожалуй, всё-таки попробую, авось ещё и не сопьюсь? — сказал Девяткин и, сняв очки, отхлебнул из корчажки. Потом покатал вино по языку, проглотил, почмокал, отхлебнул ещё и потихоньку допил всю-всю корчажку.

— Слышь, дядя Ляпов, а как узнать, бессмертный я уже или ещё нет?

— Ежели сумлеваешься, значит, ещё не бессмертный...

— А ты, дядя Ляпов, небось уже и не сомневаешься, ежели затеял такую большую статую тесать?

— Хоть ты, Девяткин, и математик, но всё равно дурак и в бессмертиях разбираешься, как кобыла в тройных интегралах! Нечто одного бессмертия хватит чтобы моего Великого Кормчего вытесать? Поживу вот ещё маненько, пока ученик подходящий не сыщется, а как увижу, что дело и без меня движется, что пауза в нужном месте нужным человеком заполнена, то можно и на покой отойти и кой-чем там другим позаниматься. Вот тебе бы хватило духу, чтобы всю математику выстроить до конца, а?

— Ну ты сравнил, дядя Ляпов! Во-первых, это невозможно, математическая теория, как доказал в своё время Курт Гёдель, по сути своей неполна, а во-вторых, твоя статуя хоть и большая, но нельзя же уподобить её всей математике! Твоя скульптура всего лишь одна из теорем, быть может, великая, но всё-таки теорема, а кто же одну теорему на несколько поколений рассусоливает?

— А теорема Ферма?

— Ну, дядя Ляпов! Ну там же ведь общая проблема Диофантовых уравнений...

— А у меня общая проблема монументальных построений... Чего бултыхать из пустого в порожнее, чего перетаскивать из простого в сложное? Вот вино. Вот небо. Вот ветер. Нечего умничать. Наливай и пей. Приобщайся к бессмертию. Дыши полной грудью. Живи!

И они приобщились ещё раз, а потом ещё и ещё...

2.

— А я, между прочим, сегодня восемь тысяч девятьсот девяносто первый волос, выходящий из макушки Великого Кормчего, тесать закончил, ещё бы шлифануть его, и было бы просто блестяще, но чует моё сердце, не дойдёт сегодня до этого.

— А ты знаешь, Ляпов, что 8991 это 999 раз по 9!!!

— Хороший ты парень, Девяткин, но на цифровом завитке своём сильно много помешанный...

— Дык ведь это же переходная цифра в десятичной системе! Как же ею не восхищаться! Как же не помешаться от всех свойств, которыми она обладает! Как же...

— Да я не в укоризну тебе, а так... Конечно, хорошая цифра... Хочешь, последний волос покажу?

— Коли хочешь, так покажи, мне ещё ни разу 8991 волоса видеть не доводилось... Да и вообще. И вообще я ничего такого 8991 никогда не видел. До таких пределов нормальные люди и не считают... Это...

И они продолжили своё скромное приобщение к бессмертию и сопутствующему ему изюму, уютно расположившись между 8991-м и 8990-м волосками, спрятавшись в тень от слегка нависающего 8987-го волоса.

— Хорошее вино, но ему не хватает *cum grano salis**, ибо единственное наше преимущество перед угрюмой вечностью — истра иронии, дарованная нам богом! — вещал раскрасневшийся Ляпов, подняв кверху указательный палец. — Вечность — это наше слабое место, наша анакруса, стоящая перед первым иктом, а первый икт не что иное, как наша брэнная жизнь, и единственный метод противостоять анакрусе — это поставить в неё внесистемное ударение!

* *cum grano salis* (лат.) — крупинка соли, в переносном смысле ирония.

— Я в твоей заушной галиматее, дядя Ляпов, честно говоря, мало сейчас чего разбираю, только вон там Египтянин идёт, так, может, у него соль есть?

— Это потому, Девяткин, что у тебя научный склад ума, и, наверное, если бы атомная бомба весила ровно девять килограмм, то у тебя был бы лишний повод порадоваться... Однако Египтянина нужно позвать, он, пожалуй, тут единственный, кто хоть что-то может понимать в скульптуре и в вечности, а возможно, что и карманы его души набиты этими самыми *cum grano salis*... Эй, Египтянин, у нас есть Кахетинское и изюм, а ещё мы приобщаемся к вечности, так что если у тебя нет других столь же срочных занятий, то можешь завернуть к нам на недолго! — прокричал Ляпов в ладони сложенные рупором.

— У тебя соль есть? — спросил подошедшего Египтянина уже изрядно захмелевший Девяткин. — А то, понимаешь, нам вечность погасить нечем... а всего-то и надо что девять крупинок, потому что если три человека выпьют по три чаплышки, каждый раз гася вечность крупинкою соли, то потребуется ровно девять крупинок, только нам необходимо непременно ионической соли, поскольку Ляпов говорит, что лишь в ней таится наше преимущество.

— У тебя гипертрофированная интроекция, Девяткин, и уж коли на то пошло, нужна не ионическая, а аттическая соль! А Аттика, как известно, омывается Эгейским морем, ну может быть, отчасти Критским, при южном ветре, но уж никак не Ионическим. Но в чём ты бесспорно прав, у Египтянина она быть может, потому как египтяне жили к ней гораздо ближе, чем мы с тобой.

— Ну вот, опять интроспекциями ругается, и что я тебе такого сделал, дяденька Ляпов?

— Интроспекция, Девяткин, прямо противоположна интроекции, но ты, брат, сам того не ведая, уже настолько подсоллил эту пресную вечность, что весьма резонно было бы продегустировать этот получившийся купаж из Кахетинского с рассуждениями ботаника о динозавре, полагающем его неизвестным науке кактусом. Я думаю, что это, офкурзе*, будет здорово.

* офкурзе — от английского *of course* (конечно).

— Что ты, дядя Ляпов, изъясняешься, аки пьяный Эзоп? Причём тут кактусы на жопе динозавров? — сказал Девяткин и залпом выпил свою чаплышку.

— Я думаю, что вы, как вполне разумные сапиенсы, позвольте мне выпить немного штрафных чаплышек, дабы я смог резонировать с вашими пространства-

ми изменённых сознаний и принимать посильное участие в ваших учёных беседах, — сказал вежливый Египтянин и осушил подряд четыре чаплышки.

— Однако он, как я посмотрю, лихой сотоварищ! И что-то такое мне в нём весьма и весьма симпатично. Может, тут наложил отпечаток на моё отношение египтянский двуглавый орёл, которому надоело встечать и провожать солнце, сидя на пирамиде, и он, кочуя через Византию, прилетел к нам, дабы поработать гербом империи? А может...

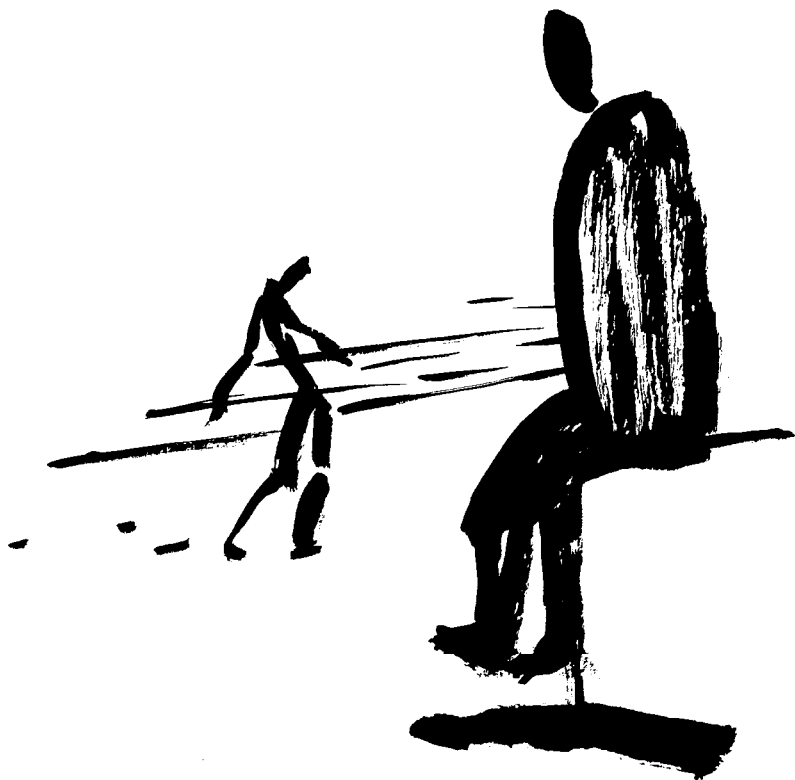
— Ну, теперь ещё и двухголовые орлы! Мало нам было трёхглавых динозавров и многоязычных Ляповых, он ещё и орлов ду кучи свалил! Ты, дядя Ляпов, лепи, да не залепляйся! У орла нашего не две головы было, но девять гербовых щитов на груди и на крыльях!

— Будто не может быть две головы и девять щитов одновременно?

— Не может! Потому как девять не делится пополам на цело, и если каждой голове достанется по четыре щита, то кому же оставшийся? А ежели никому, то тогда будет смута и беззаконие.

— Элементарно, Девятсон! Каждой голове надо дать не по четыре, а по три щита, а тремя оставшимися прикрывать задницу!

— Ну, если задницу, тогда, конечно. Если задницу, то две головы в самый раз! И как же это я про задницу-то не подумал? Ведь у нас же всё через задницу! У нас, дядя Ляпов, в математике тоже всё через задницу привыкли делать, почитай, каждую теорему через задницу доказывают. Нет бы взять её, родимую, и две строки через базис фильтра пропустить, так нет же, всюду вылезает старая испытанная задница. Классический ход, дядя Ляпов, снимаю перед вами свои очки и пью за Ваше здравомыслие! И ещё за Египет с его орлом, у которого целых две головы и всего-навсего одна задница! Гип-гип ура! Ура-а!

Как забрели в мой роман эти люди? Люди, всерьёз обсуждающие проблемы вечности и геральдики... И этот молчаливый Египтянин... Что делать мне с моим романом-водоворотом, затягивающим в своё ненасытное чрево вместе с грациозными кораблями весь хлам, крутящийся на поверхности жизни? Как же описывать эти возвышенные сцены, не пропустив два-три стаканчика портвейна? И не сопьюсь ли я через избыток творческого взаимопроникновения? Мне кажется, что именно теперь я начинаю, и весьма откровенно, изливать перед читателем свои самые сокровенные токи и пытаюсь высказать ему те самые мысли, которых и сам-то ни разу не слышал. Но и таиться-то перед кем? Ведь вокруг этих страниц осталась очень чуткая и очень изысканная аудитория, аудитория тех читателей-спутников-по-моим-скитаньям, не испугавшихся водоворотов памяти и интеллектуальных ловушек, расставленных на пути... Эти читатели, эти тёплые зрители, дающие необходимую энергию для неугасающей импровизации, и ещё... ещё эти беззаботные герои, неумеренно пьющие и бесконечно любящие жизнь. Поистине, что мне остаётся пожелать, кроме ещё одного стаканчика портвейна? Ведь без него никак мне не попасть в то единственное пространство, в котором возможна моя когерентность с высокопарным миром моих пьяных героев.

Девяткин: — Ты знаешь, дядя Ляпов, после девятой чаплышки, я, кажется, начинаю понимать, в чём сокрыты тыйные чары напитка бессмертия. ОН обладает властью над внутренним временем!

Ляпов: — Подожди, ОН скоро и само пространство перевернёт вверх тормашками. В нём, брат, такая сила...

Египтянин: — Мне кажется, что я до сих пор не вошёл с вами в психологический резонанс, и я позволю себе...

Девяткин: — ОН верховный владелец внутреннего времени!

Ляпов: — Пространство, оно ему тоже подвластно...

Египтянин: — Я, по-моему, так и не вошёл в резонанс...

Девяткин: — Давай испробуем власть над временем!

Ляпов: — А ты пройдишь, пройдишь, погуляй по пространству!

Египтянин: — Я, наверное, никогда не попаду в ваш резонанс...

Девяткин: — Пью в девятикратном размере!

Ляпов: — Ну-ну. Смотри поаккуратнее, Девяткин. Кормчий не потерпит, чтобы на него блевали!

Египтянин: — О, Озирис вас раздери, я, кажется, уже проскочил нужную фазу.

Девяткин: — Чёрт, и кто придумал столь невеликие бочонки? В нём и было-то небось метров девять!

Египтянин: — Девять куда?

Ляпов: — *Acta est fabula... and vae victis...**

* *Acta est fabula... and vae victis* (лат., англ) — Пьеса сыграна, и горе побеждённым. (Начало этой фразы — традиционная концовка театральных постановок в Риме. Конец фразы приписывается галльскому императору Бренну, который разбил римские войска и, осадив Рим, вынудил римлян приступить к переговорам, в результате которых, как пишет Тит Ливий, — «народ, которому вскоре предстояло стать повелителем мира, был оценён в тысячу фунтов золота». Когда производилась расплата, галлы притаскивали левые гири, и, когда римский трибун стал возражать, Бренн добавил к гирям на весах свой меч и бросил эту знаменитую фразу.)

Египтянин: — Ох, изид твою мать, как скачет ваша фаза!

Девяткин: — Ну нет, друзья! Давайте двинемся прямёхонько в пакгауз! Какого дьявола впадать в зависимость от мира!

Ляпов: — *Plaudite, cives! I am in omnia paratus. Fiat voluntas tua...**

**Plaudite, cives! I am in omnia paratus. Fiat voluntas tua (лат., англ.) — Граждане, рукоплещите! (традиционная форма обращения римских актёров к зрителям по окончании представления) Я готов ко всему. Да будет воля твоя. (Евангелие от Матфея 6,10)*

Египтянин: — Ох, Пта бы вас побрал, как всё же трудно с вами!

Девяткин: — Вперёд на Бастилию, или я не Девяткин!

Ляпов: — *Vox clamantis in deserto...**

** Vox clamantis in deserto (лат.) — Глас вопиющего в пустыне. (ответ Иоанна Крестителя на вопрос, кто он? Евангелие от Иоанна 1,23)*

Египтянин: — Где та Бастилия, которую разрушить. Трам-та-ра-ра-ра. Ра? Бог — Ра...

Ляпов: — *There is questio diabolica....**

** There is questio diabolica (англ., лат.) — Вот дьявольский вопрос.*

Девяткин: — Ой, плохо мне, дядя Ляпов! Тошнит меня, Ляпов, от твоей сраной вечности и от твоей вонючей латыни.

Ляпов: — *Clavum clavo, Девяткин, only clavum clavo*.*

** Clavum clavo, Девяткин, only clavum clavo (лат., англ.) — Кол колом, Девяткин, только кол колом. (Впервые встречается у Цицерона: «Иные думают, что старую любовь надо выбивать любовью, как кол колом».)*

Египтянин: — Так где же этот ваш бастион с бочонками вина?

Ляпов: — *Ad opus and ad gloriam my dear friends!**

** Ad opus and ad gloriam my dear friends (лат., англ.) — За дело и во славу, мои дорогие друзья.*

Девяткин: — Ты только не обижайся, дядя Ляпов, но я всё же сблую на макушку этого кормчего.

Ляпов: — *In hoc non lando... **

** In hoc non lando (лат.) — Этого не одобряю.*

Египтянин: — Так где же бастиона, раздери вас Ра!

Девяткин: — Ну памятник не может обижаться, когда ему в карман насерит голубь!

Ляпов: — *Quod licet bovi, non licet Jovi**

** Quod licet bovi, non licet Jovi (лат.) — Что дозволено быку, то не позволено Юпитеру. (Перифраз известного римского выражения. Римляне ошибочно полагали, что Юпитеру позволено гораздо больше, чем быку; Ляпов сторонник обратного утверждения.)*

Египтянин: — Эй, человек, скажи, где бастиона?

Ляпов: — *Copia ciborum subtilitas animi impeditur**

* *Copia ciborum subtilitas animi impeditur* (лат.) — Избыток пищи мешает тонкости ума.

(Приписывается Сенеке)

Девяткин: — Изюму мне! Изюму!

Египтянин: — Эй, человека, нам надобно вина.

Ляпов: — *Nominen quaero. Where is he?**

* *Nominen quaero. Where is he?* (лат. англ.) — Ищу человека. Где он? (Существует байка, согласно которой Эзоп, возвращавшийся как-то днём домой с зажжённым светильником (огонь у него закончился, вот он и занял у соседа), на вопрос пристававшего любопытного, для чего, мол, он днём рассказывает со светильником, ответил: «Ищу человека».)

Египтянин: — Вон человека идёт, но нас не замечает.

Ляпов: — *Quid est? Where is he?**

* *Quid est? Where is he?* (лат., англ.) — Что такое? Где он?

Египтянин: — Да вон же, вон же он, и у него бутылка.

Девяткин: — Ах он, козёл! Я здесь блюю, а у него бу-у-у-ты-ылка-а...

Ляпов: — *Cave ne cadas**, Девяткин!

* *Cave ne cadas* (лат.) — Берегись, чтобы не грохнутья. (По обычаю, в древнем Риме на колесницу полководца-победителя ставили государственного раба, который выкрикивал эту фразу, дабы полководец не зазнавался и помнил, что он всего лишь смертный, а отнюдь не бог.)

Египтянин: — Эй, человек, давай сюда бутылку.

Девяткин: — Давай неси, козёл, пока я добрый!

Ляпов: — *O, Mysterium magnum. Несёт! Ex dono!**

* *O, Mysterium magnum* (лат.) — О великое чудо. (Из Якоба Бёме) *Ex dono* (лат.) — в дар.

Подходит неизвестный человек и приносит бутылку вина. Все, кроме него, выпивают.

Девяткин: — А ты чо? Твоя же ведь бутылка!?

Египтянин: — Давай, человек, давай, догоняй эту неуловимую фазу.

Ляпов: — *Aut bibat, aut abeat!**

* *Aut bibat, aut abeat* (лат.) — Или пусть пьёт, или же пусть уйдёт. (Источником служит греческая поговорка, «либо пей, либо вали отсюда».)

Девяткин: — Ну и вали, раз так.

Египтянин: — Напрасно, человек, напрасно.

Ляпов: — Пускай уходит этот *sensor morum**. Как верно говорит Девяткин, — *vale*.**
Gaudeamus igitur, my friends
Gaudeamus igitur !***

* *sensor morum* (лат.) — Цензор морали, блюститель нравов.

** *vale* (лат.) — Пока (Ляпов играет с созвучным русским слово «вали».)

*** *Gaudeamus igitur* (лат.) — Будем веселиться (начало студенческого гимна, возникшего во времена вагантов.)

Девяткин: — Слушай, дядя Ляпов, ежели ты не прекратишь на вражеском языке матюгаться, то я, пожалуй, твоего каменного человека как пить дать облюю.

Египтянин: — Каменная человека, она тоже человека!

Ляпов: — Во! Видишь, Девяткин, Египтянин-то, кажись, уже попал в нашу фазу, а ты-то наоборот, кажись, того-с...

Девяткин: — Это я того-с? Да это, по-моему, ты того-с!

Египтянин: — Не надо ссориться, добрые люди, давайте лучше соединимся в вине, соединимся в песне, соединимся вместе...

Ляпов и Девяткин сразу же оживились и затащили какую-то вполне дурацкую песню, в то время как Египтянин пошёл куда-то в сторону:

*Тим-тим-тирьярим— на макушке...
Три мудреца, припав к друг дружке,
Мас-ки-ро-ва-лись от времён!...
А им ещё бы полкадушки
Или хотя бы по полкружке,
И зашумит камыш и клён...
И за-а-а-а-шу-мит ка-а-а-мыш и-и-и клё-ё-ён!*

Ляпов: — Кстати, Девяткин, а ты знаешь, что кружка равняется десяти чаркам, а чарка — это ровно два шкалика, а один шкалик — это целых пять штофов!

Египтянин: (откуда-то издали): — Лю-ю-ю-ю-ди-и-и.... Где вы, лю-ю-ди?

Ляпов: — Слышь, Девяткин, кажись, это Египтянин орёт. Не иначе в моих каменных волосях запутался. Ты-то хоть просто блюёшь, а он, похоже, срать ходил на моё творение. А ты, кстати, знаешь, что власы и власть идут от единого корня! То исть у кого в ту'пору борода была длиннее, тому и большая власть давалась... Представляешь, каково им, Египтянам-то... У них ить, должно быть, и борода-то не растёт, а не что-то там чего-то там...

*И три-и-и-и нескошенных тра-а-авинки
Кача-а-а-ались в поле на ве-е-е-етру-у-у!*

Египтянин (откуда-то издали): — Лю-ю-ю-ю-ди-и-и.... Где вы, лю-ю-ди?

Девяткин: — А у меня, дядя Ляпов, после девятой чаплышки как пелена с глаз слетела. Я ведь, может быть, Ляпов, на мир в первый раз в жизни нетрезвым взглядом смотрю! И ты знаешь, Ляпов, какой он хоро-о-о-ший! Сколько в нём, дядя Ляпов, сокрыто нюансов... А какие в нём краски!!! Боже мой, дядя Ляпов, какие краски!!! Я, дядя Ляпов, и песен-то не пел никогда, и казалось, что баловство это — песни... Зачем? Всё пытался понять числовую прелюдию мира...

Разбирался в законах мирового числа перехода... Ты-то хоть глыбу тесал., и вот видишь, сработал на славу... волосяные джунгли из окаменелой мысли... даже

Египтянин потерялся... Ну а кто заблудится в девятках? Для кого моя музыка формул? Если разве Эрнест Цермело? Выпьем, Ляпов, воистину выпьем! Я хочу навсегда раствориться на этой макушке!

Египтянин (откуда-то издалека): — Лю-ю-ю-ю-ди-и-и.... Эй, вы лю-ю-ди?

Ляпов:

А проле-та-а-а-више пылинки

Травы не по-о-ня-я-я-яли игру-у-у-у!

Девяткин: — Вот такие дела, дядя Ляпов, вот такие дела.

Египтянин (откуда-то издалека): — Э-ге-ге-гей! Лю-ю-ю-ю-ди-и-и.... Где вы, лю-ю-ди?

4.

Если бы меня попросили определить жанр моего повествования, то я, наверное, бы усмехнулся. Какое такое дело мне до этих жанров-шманров? Настоящий писатель, всегда пишет всего-навсего одну книгу, и конец, финал, любое завершение для него всего лишь запятая, и каждая точка лишь очередное распутье... Но тем не менее форма накладывает свои обязательства, и, отвечая на незаданный вопрос, я назвал бы всё это романом второстепенной детали. Ибо второстепенность, и даже скажем так, второсортность есть самое главное тут, если тут вообще что-нибудь есть... Ведь вся искромётная фабула разместилась на мелких и вычленированных деталях. Как будто выкрошил буханку хлеба голодным голубям, и эти крошки стали важнее буханки. А может, это действительно так? Может быть, и в самом деле часть очень часто становится больше целого? И я, пожалуй, соглашусь с Исторьевым, что ключевые моменты нашей жизни уютно размещаются между двумя кружками пива, утоляющими вчерашнее похмелье...

Быть может, не те декорации, возможно, не тот сюжет, да и сам писатель, как оказалось, оставляет желать лучшего... Но тогда откуда же это короткое ощущение причастности? Кто тот гость, ради которого захотелось напиться? Напиться, чтобы в гусарской бравате встретить его изрядно поддатым? Кто тот гость, который так и не пришёл? Кто он, тот непришедший, вогнавший тебя в колючую депрессию из-за пустого, ненужного, непригодившегося напивания? И что оставалось делать тебе, когда стало ясно, что он так никогда и не придёт? Естественно, оставалось лишь выпить, и уже целиком для себя. Уже раз и навеки подарить самому себе эту невинную игру в заполнение фужера... А как хороши в одиночестве кухни мадерные рюмки... И эти блики янтара в подвижном мареве напитка... На дне янтарной жидкости — романы... чужие слёзы... беспричинный смех... движение пушистых насекомых... смещение геологий... и начал...

И тонкая душистая сигара с вирджинским табаком... Глоточек кофе... Пара длинных слов... Страница книги... Такой вот ритуал анестезии. Но сбитая приглушенная боль всегда болит ещё чуть-чуть сильнее. Поскольку ведь душа обратна телу, и инстинктивный путь зализывания раны, как правило, приводит к раздражению. Лекарство просто разъедает напрочь такие тонкие духовные покровы. И (как окаменевший хамелеон) выползает из янтарной оболочки креплёного вина весь твой самообман, ломая метр похмельного подъёма...

Ро-мантируя свою постройку на песке, на этом тёплом песочном ландшафте, окаймляющим пучину водоворота, я всё думаю — где та языковая константа, которая оказалась способной скрепить эту запутанную конструкцию из столь необязательных насыщений? Где это романтическое число ??, которому своей иррацио-

нальностью удалось пригладить торчащие во все стороны углы и так или иначе закруглить изломанную линию сюжета? Быть может, этой константой является тот необходимый подстрочный пробел, тот равномерно-незаполненный интерлиньяж, то чистое место для комментариев и пометок...

А может быть, это та так и не сказанная фраза, под воспоминанием о которой и был развёрнут весь этот порочный круг доказательств её существования. Та самая фраза, что была брошена камнем на чистую гладь моего сознания и вызвала расхождение этих концентрических кругов... которая давно утонула, но оставила после себя это долгое возмущение, это множественное отражение своё в округлых предложениях и квадратных берегах страниц... и эти отражения, интерферируя друга с другом, дифрагируя вокруг неожиданных препятствий, забираются в самые укромные уголки их геометрических теней и наконец рассыпаются в дисперсии, преломляясь через испорченные хрусталики чужеродных зрачков. Та самая фраза, которая определяет заполнение белых листов точно так же, как заполнение нашей жизни определяется воспоминанием о смерти. *Memento mori*, как говорили древние латины, *memento mori*...

Ро-мания. Что это — страна или болезнь? И кто я — путешественник по далёким нечитаемым мирам или маниакальный больной, ковыряющийся в собственной рефлексии? Больной, повсюду преследуемый собственным словом, загоняемый им в тупик, в какую-то желанную клаустрофобию, когда тебе страшно в маленьком ото всех закрытом пространстве, но в то же время сладостно от этого страха, и ты готов задохнуться в нахлынувшей жути, но никого не впустить в свой застенчивый мир...

Ро-маньяк. Это виноградный напиток или писатель, помешанный на плотности слова? Писатель, вводящий под хрупкую оболочку множество смыслов, не забываящийся о тех перегрузках, которые наваливаются на сердце слова, которые отрывают его от корня и в конце концов разрушают... но как ни странно, он умудряется восстановить это слово из пепла... Вопрос плотности для него важен лишь в слове, а между словами, предложениями и абзацами он искусственно вносит рыхлость, расставляет протяжные паузы и сдвоенные многоточия, предлагает перетасовать игральные карты с королями и дамами своего романа...

Да и сам роман... Что это — водоворот любви или кружево текста, или имя героя? А может быть, это неизвестной природы рыба, живущая в каких-нибудь подземных реках, с огромными фосфоресцирующими глазами и с усами, ударяющими током? А возможно, что это устойчивый северный ветер, с колючими льдинками, дующий с арктических широт, или ещё не открытый астрономами астероид, маленькая планетка под номером 8991... А может быть, это необитаемый остров, небольшая скала, на которой гнездятся гагары... А иногда я думаю, что это квантовый переход из нормального состояния жизни в метастабильность текста. Броуновское движение слов, доведённое до перегрева или переохлаждения, когда стоит добавить ещё один звук, и весь текст рассыпется на форманты или окоченеет грамматической глыбой. А порой мне кажется, что он похож на плавающий город или на капсульный дом, в котором долговременный остов наводнён ежесекундно изменяемыми деталями, выносимыми на поверхность при каждом новом прочтении и вызывающими такие флуктуации восприятий, такое мерцание смысла, такой фликкер-эффект накалённого предложения, что только ради этих отклонений и стоило поднимать всю эту муть водоворота...

И вот я, случайно попавший в четвёртый угол города-романа, вышедший на четвёртый уровень понимания, приведший спутников своих в четвёртую четверть четвёртого сектора круга, невольно или нарочно подошедший к астролирической полночи откровения..., и вот я сам себе задаю этот основной вопрос филофилии*: откуда возникла твоя великая Любовь... и твоя Печаль...

*филофилия — любовь к любви

Как в накатанном дорожном разговоре со случайным попутчиком, ты, начав с анекдотов из своей безалаберной жизни, вдруг, сам того не замечая, выдаёшь ему все свои сокровенные тайны, которые и самому-то тебе, казалось, были ещё неизвестны... так и здесь, быть может, просто зацепившись за это словосочетание «дорожный разговор», я вытаскиваю из нехоженных лабиринтов памяти ту далёкую ночь из моей жизни в потерянном навсегда Большом мире. Ту далёкую дорожную ночь, плачущую неуснувшим ребёнком..., и этот чай на полу в сквозняке купейного коридора..., и ментоловый вкус табака в перемешку с запахом оледеневшего тамбура, где я впервые услышал это нежное имя — Нел-ли. Нел-ли, как неслышимый звон белых лилий. Нел-ли — голубой с фиолетовым звук. Нел-ли — зов, от которого можно сойти с ума. И этот двойной профиль, закутанный в мех чернобурки: один — здесь, совсем рядом, припорошенный черной прядью шелковистых волос, а другой — в отражении заиндевевшего стекла, с проступающим сквозь него заоконным ландшафтом... И моя исповедь, похожая на тот злополучный текст, написанный бустрафедоном, когда нужно следить за разворотом строки и улавливать недосказанное в голосе ночного пейзажа с одиноким домиком на белом снегу... Когда в проступающем скудном рассвете, в неумолимом преддверии конечной остановки я оставил ей свой телефон, этот несложный семизначный код, по которому можно попробовать вызвать счастье... Она так и не позвонила... Я пытался искать её — давал идиотские объявления в газеты, расспрашивал о ней незнакомых людей, провожал поезда, повторяющие наш случайный маршрут и... в конце концов был признан полусумасшедшим и отправлен в эту добрую резервацию перепутанных судеб и выверенных, перпендикулярно расставленных улиц...

И даже во втором варианте времени, который избирает моя память, я не могу отыскать это негромкое счастье в строгом клетчатом костюмчике, так легко ускользнувшее из ладоней, я не смею сдавить это трепыхающееся воробушком счастье и несмотря ни на что снова отпускаю его на свободу. Как и в прошедшем времени, я опять не спрашиваю номер её телефона, потому что знаю — не позвонить не смогу. Но позвонить — значит разрушить чужую, пускай не очень счастливую, но отлаженную и довольно понятную жизнь, взамен которой я могу дать лишь эскапады эмоций и свой маленький неуклюжий мир странных иллюзий и грёз...

Да и было ли это всё в настоящем прошедшем? Был ли этот тринадцатый вагон, разрезающий рождественскую ночь поперёк вагонного времени? И этот узор совпадающих чисел: вагон 13, места 21, 34... числа Фиббоначи под номерами 7,8,9 в ночь с 7-го на 8-е и возвращение назад 9-го, и дикая боль безвозвратной потери, и тихая радость промелькнувшего счастья. Неужели всё это действительно было? Или только лишь во втором варианте среди тех избирательных иррациональных промежутков, из которых моя неподвластная память накрошила букет бесконечных времён?.. Было... Нет ли, что мне с того? И на какую голубую незабудку прилепилась мохнатая пчёлка моей солнечной тёплой печали, какая разница? Сегод-

ня на сердце моём, как и в тот раз, прикорнула весна, уткнулась мягкой рассыпающейся прядкой в мою прокуренную бороду и... растаяла в клубах паровозного дыма, в уносящемся мареве бесконечной разлуки...

И вот я испешряю листок за листом, иронизируя над болью своей и плача над чудачествами своих непутёвых друзей, вычерчиваю этот странный рисунок стиха, разросшегося до объёма романа. Я ищу своё душевное противоядие в этих бессонных бдениях над разлинованным пространством, поглощающим меня без остатка. Я нахожу свою отраду и потаённый смысл в пересказах этих полуанекдотических-полуапокалипсических похождениях наших жителей и моих персонажей. Я просто восхищаюсь их бесконечно-серьёзным отношением к жизни... Я восхищаюсь их серьёзностью, которая, достигнув предела, обретает радость иронии и насмешки... Да и как не восхититься хоть вот этой окончательно охмелевшей троицей, один из которых заблудился в каменных волосах Великого Кормчего, второй выблевал всю свою подноготную на Его макушку, а третий любовно протирал остатками вина 8991-й волос, до конца не прошедший шлифовку... И эти их, казалось бы, бессмысленные поступки, и разговоры, и открытия... Но ведь разве в настоящем открытии может быть практический смысл?..

Моё перо скользит по бумаге, поскрипывая при трении о шероховатости текста, и я, прислушиваясь к его скворчанию, продолжаю свои сеансы анестезии, закрываясь от своей боли болью и радостью своих заплутавших героев...

— Послушай, Девяткин, не пора ли нам двинуться на поиски нашего египского друга? А то, упаси Господь, окаменеет на моём творенье, а глупые ценители будут рассусоливать потом о грандиозности замысла, мол, человек, запутавшийся в волосах Великого Кормчего, — это так символично... *Summa summarum**...

**Summa summarum* (лат.) — сумма сумм; итог итогов. В древнем Риме под этим словосочетанием обычно подразумевалась «совокупность всех вещей» (мироздание, вселенная), в средние века это выражение поменяло свой смысл, под ним стали понимать «самую суть» (суть сути).

— Да в твоих каменных эспланадах не то что египские, но и русские, пожалуй, потеряют всякое понятие о направлении..., и, кстати, а вне материи бывает направление?

— Это уж точно, вестимо! И никак иначе. Но дело в том, что вне материи оно неопределённо. *Natura sic voluit**... И всё же, где же наш *tertius guudens***?

**Natura sic voluit* (лат.) — Так захотела природа.

** *tertius guudens* (лат.) — Третий радующийся.

— Э-э, слушай, ежели направление постоянно неопределённо, то какое же оно на хрен направление? Или оно уже не направление, а налевление, ха-ха... Да вон он, кажись, морда египетская, из твоего каменного гроба выглядывает.

— Ничего это все и не гроб, это, брат, каменная лодка, Ляпов-Ковчег для плаванья по магматическим огненным рекам, соображать надоть, а не болтать порожнопусте... Однако египтский и правда в лодке примостился...

— Слышь, дядя Ляпов, а ты чо, и правда думаешь до магмы дорыться?

— *Abyssus abussum invocat**, Девяткин, каждого бездонного притягивают бездны. И я, брат, дойду до своей пучины, до этого огня, зарытого в глубине, он, кстати, тут совсем неподалёку, ибо тот слой, по которому мы топчемся ежесекунд-

но, принадлежит криптозойскому эону, а это значит, что сердце Земли находится рядом, *ad vocem***, у Земли, как и у человека, сердце смещено влево, если, конечно, Север считать лицом... Так что пульс магматической аорты слышится мною всё время..., и это тепло, пробивающееся сквозь камень...

* *Abyssus abussum invocat* (лат.) — Бездна бездну призывает.
(Псалтирь, 41,8 «Бездна бездну призывает голосом водопадов твоих».)
** *ad vocem* (лат.) — к слову (заметить).

— А не потопнет ли эта твоя каменная лоханка при первом же спуске в потоки огня?

— Она не потонет даже в воде, а не что-там-чего-там! Точный инженерный расчёт по эврикальному закону Архимеда показывает, что даже в воде она может держаться и катать на себе целых трёх человек средней комплекции, понятно тебе, девяткин сын, либо нет?

— Ну насчёт воды ты, дядя Ляпов, приподзагнул маленечко, и даже этот твой Архимен-супермед тебя не спасёт, потому что всем известно, что камни в воде тонут, и никаким размазыванием по объёму не заставишь их плавать.

— Хорошо же, Девяткин! Хоть ты и математик, но невежда ещё тот! Я тебе всё это сейчас быстро устрою! Ты у меня собственным задом прощупаешь торжество разума над камнем и водой! У меня же всё готово на случай спуска, и достаточно выбить крепёжные клинья, как мой ковчег заскользит по желобу из 8733 и 8732-го волос и плавно, аки белая лебедь, вонзится в гладь Основного потока, при этом заметь, неминуемо вспыхнет радуга слева на фонтане выбитых брызг.

— Ну насчёт радуги ты, возможно, и не так уж не прав, но насчёт плавания... Потопнет баркас, как пит дать потопнет... Камнем на дно, так сказать...

— Хорошо же, садись на скамейку, подле нашего египетского друга, а я выбью клинья и успею вскочить на ходу.

— Слышь, дядя Ляпов, а может, ну его на хер!

— Садись, говорят тебе!

— Может, хоть египского вынуть? Ну мы, к примеру, хоть в поисках истины тонуть будем, а ему то за что?

— Во-первых, никуда мы тонуть не будем, а во-вторых, без него не будет такой яркой радуги, ибо уменьшится высота стены брызг, понятно?

— Ну и чёрт с тобой, дядя Ляпов. Как говорится — ляпи, чего уж там!

И через несколько подготовительных мгновений Ляпов-Ковчег заскользил по желобу из 8733-го и 8732-го волос по направлению к Основному потоку...

МЕЖДУУГОЛЬЕ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОДОВОРОТ.

1.

Итак-таки, события неминуемо рвались к развязке, в то пятое пространственное измерение, сокрытое за плоскостью круга, в пучину водоворота, в выход в другой временной континуум и в другое начало..., в непредвиденное сретение перекрёстных путей, в последний пир случайности и встречи, в астрономический вечер дня и в астролирическое утро романа, в...

Но к делу. Помнится, мы оставили старого Эоли, упавшего в траву, рядом с потрясённым музыкой Аликом, когда неожиданно открылась дверь заводской трубы и...

И в чёрном проёме её появился истёрханный, замызганный пылью подземных времён, полупьяный, в сияющих глазах и улыбке, слегка покачивающийся Исторьев...

— Так вот кто музыкой заполонил подземные прогалы лабиринта! А я уж думал — кончился Исторьев... Куда идти? Где прислонить бунтующие кости? Опять же холодно. Цыганский пот по коже. И факелок погас. Глаза мои там стали рудиментом. Присел. Задумался. Вдруг слышу дивный голос флюгельгорна! Ага, смекаю, я тут не один! и потихоньку стал на музыку брести. Вот подошёл к подземной этой крипте, над головой кружочек неба и... звезда. Потом гляжу: как будто контур двери. Открыл засов. И вот — трава и вы...

— Чегой-то ты, Исторьев? Или пьяный? Как можно спутать саксофон и флюгельгорн? Небось и флюгергорна-то не слышал никогда..., но знаешь, брат, тому, кто днём сумел увидеть звёзды...

— Давай смотри сюда. В трубу её вполне отлично видно. Я думаю, что, видимо, давно трубу сооружали не для дыма, а для того чтоб можно было видеть звёзды...

— Смотри, и правда!.. Жёлтая какая... лучистая... Вот чудеса! Что не для дыма-то, конечно, очевидно! Но я всегда считал, для саксофона... а может, для звезды..., пойми их, этих древних.

— Ну что, музыканты, у меня тут в туюсь кое-чего осталось. Конечно, это не мистер Гершвин и не господин Скрябин, как у Алика, но пить можно, тем более у трубы... на берегу Северного притока..., а что там, кстати, к берегу прибило?

— Ого, похоже, плот...,

— Смотри, какой добротный!

— Так что, пойдём, что ль, прокатнёмся?

— А что, не глупо!

— Там тогда и выпьем...

— Отлично, на плотках сто лет уже не пил!

И они доверили всех себя, с закуской и саксофоном, спокойным водам Северного притока и, выпивая и распевая пиратские песни, двинулись по направлению к водовороту.

2.

— А где же взять лодку? — спросил Малёк-Немоватый, пряча глаза куда-то вовнутрь себя.

— А у меня есть небольшой клипер из тисовых досок внахлёст, на нём даже можно поставить маленький парус, — сказала она.

— Маленький парус? — переспросил он.

— Маленький парус, — повторила она.

— Но я не умею управлять парусом, — сказал он.

— Это очень просто, главное — нужно поймать ветер, — сказала она.

— Поймать ветер?

— Да, нужно поймать. Хорошо, если ветер попутный.

— Попутный ветер?

— Ну да, попутный ветер.

— Но чтобы ветер мог стать попутным, должен же быть хоть какой-нибудь путь.

— А вот пусть ветер и укажет нам путь, а уж мы никуда не уйдём из нашего с ним советрия.

— Значит, ветер будет попутным?

- Ну конечно же, он будет попутным!
- Но тогда что же мы не плывём?
- Плывём...

И они оттолкнули небольшой клипер из тисовых внахлѣст досок от берега и вышли на водный простор Южного притока. Дул свежий ветер. И дул он на Север!

3.

Каменная ладья, аки серая лебедь, врезалась в воды Основного потока, вызвав водяную стену из растянутых брызг, которые перечеёркнула мгновенным огнѣм обещающая Ляповым радуга. Из воды по невысоким параболам выпрыгнули десятки узких чехоней и белоглазок, сверкая на солнце жемчужным патом... Египкий человек радостно улыбался в своём детском сне. О чём-то непонятном бормотал потрясѣнный Девяткин. И как языческий Бог возвышался в своей власти над миром огненноборо-дый скульптор Ляпов, выруливая каменным румпелем на стремнину и что-то крича о проверке вытесанного им корабля в биении центрального водоворота...

4.

Плот, клипер и каменный ковчег с трёх сторон неслись к водовороту и, попирая все законы случайности, они сошлись там, в этой бешеной круговерти, одновременно...

Громыхал какими-то дикими криками Ляпов, мирно спал и улыбался во сне Египтянин, недоумѣнно выпячивал губы Девяткин, Исторьев и Алик орали песню о сундуке мервеца и бутылке рома, а старик Эоли подыгрывал им на своём саксофоне, и сидели, прижавшись к друг другу в безмолвном восторге, белокурая красавица и неуклюжий молчаливый поэт. Как легко и красиво они шли в это сердце водяного креста, в эту точку, изменяющую время, в это средоточие энергетического поля...

Казалось, ещё немного и всех их скроет в этой чудовищной спирали, уводящей за пределы жизни..., но какие-то неясные нам гидродинамические законы вдруг, сбив их в единую кучу, оттолкнули от зияющего центра и увлекли в западную часть Основного потока, ведущего к возвращению и заходящему солнцу...

Так и скрылись они в его лучах, окрашивающих в розово-оранжевые тона реку и одежды. Скрылись из виду, распевая песни и поднимая тосты за небо и землю. Восемь затерянных судеб. Затерянных для меня навсегда...

5.

Прошло довольно много времени с того туманного утра, когда мои медитации на песке были нарушены появлением поэта Исторьева, если оно (время) поддаётся измерению или хотя бы сравнению..., но как сравнить хотя бы тот безудержный день, притворившийся водоворотом, с последующим мирным течением нашей жизни? Никак. Сегодня мне грустно. Сегодня закончилось моѣ второе переживание произошедших тогда событий. Сегодня я выпил того самого цимлянско-го вина, пытаюсь раствориться в воспоминании вкуса тех далѣких событий. Сегодня я закончу свои записи, и...

И куда деваться мне от своего одиночества, от второго отрыва от своих друзей, и...

И видимо, я, подобно им, сяду в давно приготовленную лодчонку и рискну, подобно им, пробиться сквозь водоворот на заходящее солнце, с тем чтобы вернуться. С тем чтобы снова поехать в том самом поезде, в надежде на повторение случайной встречи, встречи с моим отпущенным на свободу счастьем и с этим именем, звучащим, как неслышимый звон фиолетовых лилий, — Нел-ли...

Зима 1993-1994 гг.

(Муром-Красногорск-Москва-Ленинград-Москва-Елец-Красногорск)

Город Матов.

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА МАТОВ

энциклопедический очерк — написан в начале 90-х годов конца второго тысячелетия, поэтому многие сведения, выдаваемые в то время за новейшие достижения науки, выглядят сегодня достаточно наивными и устаревшими, однако сам аромат, само движение мысли, ощущаемое со страниц этого очерка, остаётся безусловно интересным и непреходящим.

0. ВВЕДЕНИЕ — разделение читателей на пять групп, произведённое во введении, весьма спорно, хотя и безусловно любопытно.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ —

назло закону возрастания энтропии — Энтропия — функция термодинамической системы, характеризующая направление происходящих процессов. Понятие энтропии было введено в 1865 году немецким физиком Рудольфом Клаузиусом, который так обосновал название этой функции: «Я предпочитаю обращаться к древним языкам в поисках названий для важных научных величин с той целью, чтобы эти названия обозначали одно и то же на всех живых языках. Поэтому я предлагаю называть S энтропией тела, что по-гречески означает «превращение». Я специально так подобрал слово энтропия, чтобы оно было созвучно со словом «энергия», так как эти две величины настолько сходны по своему физическому значению, что созвучие их названий кажется мне полезным» (пер. Л.Купера и С.Бреуса).

Согласно второму началу термодинамики энтропия вселенной стремится к максимуму, т.е. термодинамические процессы стремятся выравнить температуры всех тел во вселенной.

С кинетической точки зрения энтропия есть мера вероятности пребывания системы в данном состоянии (мера «беспорядка» системы). И тогда второе начало термодинамики гласит, что вселенная стремится к хаотичности, поскольку хаотичные состояния значительно вероятнее упорядоченных.

В теории информации энтропия означает меру «недостачи» информации, или, переформулируя это положение: информация есть не что иное, как убыль неопределённости или энтропии. И то, что энтропия вселенной стремится к максимуму, означает только то, что растёт количество информации о состоянии вселенной.

Не следует путать информацию и информированность. Информация, или лучше сказать количество информации, есть свойство системы, а информированность — это наше обладание информацией. Мы придерживаемся здесь количественного подхода к идее информации, развитого в работах Ноберта Винера, Шеннона, Уивера и их последователей, в этом подходе минимальной единицей информации является бит, или возможность выбора между двумя альтернативами, этой точке зрения обычно противопоставлялась семиотическая концепция информации, развитая в первую очередь Дональдом Маккеем, а потом усовершенствованная Моррисом и Пирсом, в этом подходе минимальной единицей информации считается знак, и все информационные отношения подразделяются на: синтаксические — взаимосвязь знаков друг с другом; семантические — раскрытие значения знака; и прагма-

тические — взаимоотношение между знаком и его интерпретатором, традиционно два этих подхода к идее информации противопоставлялись друг другу, однако в последнее время появились работы, объединившие оба подхода, например Унифицированная Концепция Информации, разработанная Даниэлем Федерико Флюкигером, в которой он смысловые отношения с изящной простотой заменяет направлением, полагая все отношения синтаксическими, если они направлены к вещи, и семантическими, если они направлены от неё. В конце своей работы Флюкигер формулирует закон для информационного состояния системы, аналогичный 2-му началу термодинамики: «Количество информации в закрытой системе со временем либо увеличивается, либо остаётся неизменным».

Хотелось бы при этом отметить, что поскольку пространство сознания является открытой системой и его энтропия (в Винеровском смысле), или недостаток информации, также постоянно возрастает, то есть постоянно растёт не только количество информации, но и его недостаток, несмотря на кажущуюся парадоксальность этого положения. Но этот тезис есть не что иное, как простая переформулировка известного утверждения: «Чем больше знание, тем больше понимание о той неизвестности, остающейся за пределами знания». То есть повышение общей информированности приводит к увеличению общей недостаки информации.

Что же касается застройки города Матов, то никакого нарушения закона тут не было, поскольку Матов несмотря ни на что не является замкнутой системой.

4. АРХИТЕКТУРА И ПЛАНИРОВКА

плавающие постройки метаболистов — метаболизм, к сожалению, до сих пор не является главенствующим направлением в мировой архитектуре. Конечно, блестящие разработки Кэндзо Тангэ, Киёноори Кикутакэ и других японских архитекторов оставили зримый след в теории и практике метаболизма (проекты «капсульного дома», «города-башни», «плавающего города»). Но их великий принцип изменчивости до сих пор не приобрёл мировой популярности. Метаболисты провозглашают идею динамических строений, они сообщают жизнь каждой постройке, декларируют постоянную замену одних элементов здания другими, вечную достраиваемость и перестраиваемость дома. Они предлагают, собственно, совершенно новые решения, когда архитектура получает дополнительную временную координату. Жителей города Матов можно вполне считать стихийными метаболистами, т.е. не изучая теорий своих предшественников, они исповедуют их идеи стихийно, согласно собственному мироощущению.

странные строения инверсионистов — инверсионизм в архитектуре не был представлен как отдельное направление, но часто использовался как один из приёмов. (например, при строительстве Волго-Камского банка в Нижнем Новгороде используется этот приём, в здании сделаны стеклянные стены и кирпичные окна.) Но в последнее время инверсионизм выходит на передний край современной архитектуры. Правда, решения инверсионистов пока представлены лишь как выставочные проекты и большей частью тяготеют к художественному опыту, чем к практическому использованию. Примером чисто инверсионной архитектуры может служить «Дверь в иные комнаты» (арх. В.Мазуров, худ. Е.Стрелков), проект, в котором дверь располагается на границе двух сред (миров) и позволяет ощущать себя по ту или иную сторону двери. Комнаты, прошедшие инверсию изнутри дома во-вне, представляют собой открытое пространство, границы которого очерчивают-

ся лишь в сознании посетителя (обитателя) этих комнат. Жители Матова зачастую, сами того не ведая, исповедуют принципы инверсионизма, полагая, что если одна из стен у сарая рухнула, то чинить её вовсе не обязательно, а порой от сарая остаётся лишь двери да крыша.

5.1. ПОЭЗИЯ

Пиит Речь-Рекотечный (псевдоним, настоящая фамилия Речкин) — почти все жители города носят замысловатые и вычурные псевдонимы, так или иначе отражающие их склонности, интересы и род занятий. Эта традиция укоренилась очень давно чуть ли не со времён Матвея Горемычного. Считалось, что, попадая в Матов, человек начинает вторую жизнь и должен прожить её под новым именем.

АН ЗСГир — Академия Наук Земного Союза Государств и Республик.

многоформантным и многоформатным словам — не очень понятно, что автор очерка понимает по словосочетанию «многоформантное слово»; возможно, речь идёт о словах с двумя и более формантами (аффиксами), например, слово «крестьянствовать» имеет формант «ство» и формант «вать»; или же имеются в виду устные акустические характеристики используемых слов, так сказать, форманты женского рода. Под многоформатными словами, видимо, подразумевается использование различных кеглей при наборе одного слова.

5.6. ТЕАТР

Созидательный жанр искусства — разделение искусства на созидательное и созерцательное (так называемое СС-разделение) было весьма популярно в последние годы 20-го столетия. Надо заметить, что эта идея, безусловно, не лишена оснований, поскольку для восприятия произведений искусства нужно иметь не меньший талант, чем для его создания. И по-настоящему талантливых зрителей (читателей, слушателей) не так-то уж и много на Земле.

6. ФИЛОСОФИЯ

Великим центром, вобравшим в себя и Мир, и Время, и Дух, является, по утверждению Иокима, Изначальный водоворот — Эти воззрения Иокима не оригинальны и имеют громадную историю. Множество приморских народов символом сотворения мира почитали морскую раковину, закрученную в спираль. Известно, что многочисленные языческие жертвенники часто украшались спиралеобразными лабиринтами. Последние астрофизические открытия подтверждают, что молодые галактики имеют спиралеобразную форму. Большинство современных философов согласны с тем, что человеческое общество развивается по спиралевидному закону. Спираль поражала умы многочисленных учёных, философов и художников. Необходимо отметить, что спирали могут иметь самую разную форму, сохраняя своё основное свойство: точка, движущаяся по спирали, всё время движется вокруг центра, постоянно приближаясь или удаляясь от него. Так, спираль Архимеда — это путь, который описывает точка, равномерно движущаяся по лучу, который в свою очередь равномерно вращается вокруг своего начала (уравнение в полярных координатах имеет вид $\rho = a \cdot \varphi$ где $a \in \mathbb{R}$). Этот поразительный образ, в котором изначальный центр как бы порождает бесконечное количество новых

центров, был принят учениками Архимеда за модель познания, поскольку вновь приобретённое знание не только расширяет мир познанного, но и становится источником возмущения, который очерчивает круг новых задач, требующих своего разрешения.

Классическая, или, как её называют математики, логарифмическая, спираль пересекает все свои радиус-векторы под одним и тем же углом (уравнение её в полярных координатах $\rho = e^{x \cdot \varphi}$, где $\varphi \in \mathbb{R}$, $x \in \mathbb{R}$, где $\varphi \in \mathbb{R}$, $x \in \mathbb{R}$ — действительное число). Именно она чаще всего становилась объектом исследования философов и художников. Петер Корнель пишет, что «некоторые космологические мечтатели типа Гики, Хэмбиджа и др. считали, что в спиралевидной раковине, так называемом наутилусе, или жемчужном кораблике, они уловили глубинный образ миропорядка. Дело в том, что спираль этой раковины построена на соотношении чисел, совпадающих с гармоничной пропорцией золотого сечения, которой математик эпохи Возрождения Лука Пачиоли дал название «божественной пропорции». Спираль наутилуса логарифмически расширяется согласно шкале чисел Фибоначи: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13 и т.д., где каждое число являет собой сумму двух предыдущих. А отношение большего числа к соседнему, меньшему, образует в пределе «золотое число» 1,618... Это число якобы заложено в основу Творения, оно выражено, например, в логарифмической спирали наутилуса, в венчике цветка подсолнуха, в туманностях и галактиках микрокосма. А у человека золотое сечение проходит через точку и центр, который связывал нас с нашим происхождением, т.е. оно проходит через пупок». (Отметим, что и те буквы, которыми набраны эти рассуждения, так или иначе тяготеют к великому шрифту возрождения — Антикве, которая строилась по законам золотого сечения и к построению которого приложил руку всё тот же самый Лука Пачиоли (не знаю, конечно, в каком виде эти буквы дойдут до читателя, но я набираю их таймсом, который изобрёл в 1932 году Стенли Морисон, модернизируя ренессансную антикву, и который с тех пор является безусловным лидером в мире шрифтов). Сам Корнель строит свои комментарии к потерянной рукописи (Пути к раю) по спиралеобразному принципу, неоднократно возвращаясь к отмеченным однажды фактам, раскрывая их при этом всё шире и шире, собственно, и сама спираль является одним из объектов, непрестанно интересующих Корнеля: это и «Спираль холм» американского скульптора Роберта Смитсона, установленная в старом песчаном карьере в Голландии, и найденная и мифологезированная им же на Большом солёном озере в штате Юта «Спираль дамба», являющаяся, по его мнению, знаком изначального места, и «герменевтическая спираль» понимания у Гадамера, Хайдеггера и Андриано Марино (когда частности понимаются через целое, а целое через частности, и этот процесс понимания, герменевтическая работа может быть описан хождением по спирали), и спиралевидная улица Боливара, по которой прогуливаются герои Луи Арагона.

Логарифмической спиралью вдохновлялся и восхищался величайший имидж-мэйкер всех времён и народов Сальвадор Дали, который отыскивал её в срезах цветной капусты, в роге и в заднице носорога, в Кружевнице Вермеера...

Помимо логарифмической спирали известны: гиперболическая спираль $\rho = e^{a \cdot \varphi}$, синусоидальная спираль $\rho = m \cdot \cos(x \cdot \varphi)$, параболическая спираль $\rho = a \cdot \varphi^2$, где $\varphi \in \mathbb{R}$, $x \in \mathbb{R}$, $a \in \mathbb{R}$, $m \in \mathbb{R}$, $a \in \mathbb{R}$, $m \in \mathbb{R}$ называется спиралью Ферма, ветви этой спирали напоминают разошедшийся в разные стороны символ Инь-Ян, что опять же приводит нас к идее зарождения всего сущего. И пожалуй, наиболее любопытная из всего семейства спиралей так называемая спираль Корню или Клотоида, которая име-

ет два центра притяжения, кривизна этой линии в каждой её точке пропорциональна длине дуги кривой от начала координат. Клотоида напоминает весы, которые закреплены в начале координат, на которых одна спираль как бы уравнивает другую. И по всей видимости, если существует спираль зарождения, то её должна уравнивать собой и спираль разрушения (символами которой и являются всевозможные смерчи, тайфуны, водовороты). Любопытно отметить, что если тело человеческое создано по законам божественной спирали, то хитроумный человек догадался вставлять в тело женщины искусственную спираль, которая препятствует зарождению жизни.

УГОЛ 1

РАЗДЕЛ 2

когда я предавался квиетизму — Квиетизм (от латинского *quietus* (спокойный, безмятежный)) — учение, возникшее в конце 17 в. благодаря трудам испанского священника М.Молиноса. 68 положений квиетизма призывают к полному спокойствию души, к пассивности, созерцательности. Настоящий квиетист полностью подчинён божественной воле, безразличен к добру и злу, к раю и аду. Он свободен от любви и ненависти, от зависти и гордыни, от всех страстей и печалей. Основные принципы квиетизма очень близко приближаются к идеям даосизма, отличаясь от них лишь онтологической базой.

РАЗДЕЛ 4

Слышь, трапезит — трапезитами в древней Греции назывались менялы.

УГОЛ 2

РАЗДЕЛ 1

ибо был он, как и все мы, девиантом, в лучшем смысле этого слова — девиант-человек, отклонившийся от общепринятых норм (от латинского *deviatio* — отклонение).

Как говорится, изменился патос — согласно Платону, патос души — это это её деятельность и изменения под влиянием какого-либо воздействия. Противопоставлялся этосу — неизменным чертам характера.

УГОЛ 3

РАЗДЕЛ 1

Нет бы с кисточками своими возился, чегой к человеку приставаешь? — Здесь уместно вспомнить высказывание Сальвадора Дали: «Художник, ты не оратор! Так что помолчи и займись-ка лучше делом».

УГОЛ 4

РАЗДЕЛ 2

анакруса — слабое место в начале стиха перед первым иктом (т.е. сильным местом).

Интроспекция, Девяткин, прямо противоположна интроекции — интроспекция — самонаблюдение, интроекция — включение человеком в свой внутренний мир взглядов и установок других людей.

РАЗДЕЛ 4

фликкер-эффект — мерцание катода, происходящее вследствие испарения атомов.

Геодезия отражений

Красногорск 2000.

ОТСУТСТВИЕ СНЕГА

бифуркация судьбы

With gratitude Georgia Robles

*Я Вас любил, любовь ещё БЫТЬ может...
(А.С.Пушкин)*

*Джорджия — это Грузия,
если перевести на русский...
И я заблудился в твоих глазах,
как в горной стране...*

1. ВСТРЕЧА, РАВНАЯ РАЗЛУКЕ

ПО ЗАМКНУТОМУ КОНТУРУ (ТОСКА-МОСКВА-ЛОНДОН-ТОСКА)

Жизнь вмешивается. И даже более того...

Невозможно отказать. Хотя и непонятно, как можно предпочесть бутылку водки в весьма скучной компании процессу творчества (простите за пошлость (и ещё раз простите за пошлость извинения)). В общем-то, да. Сидели, пили и даже пытались что-то такое сказать. Как бы придвинуться, что ли? Хотя на самом-то деле придвинуться хотелось совсем иначе... Манила девушка с соседней табуретки. И это прикасание коленей...

Чтобы обрести точку равновесия — необходимо сорваться или уехать. Взять, купить билет на самолёт и уехать. Куда? Это неважно. Например, в Лондон...

И он уехал. Купил билет на самолёт и уехал в Лондон.

Конечно, не так чтобы вот прямо взял и купил, это они там могут пойти и купить, а мы должны сначала объяснить зачем или придумать некое правдоподобие или повод...

И ещё нужно выстроить объяснение для жены и мамы, и начальника, и т.д. и т.п. Тогда он придумал, что ему необходимо выучить язык. И все почему-то поварили и, даже более того, помогли с деньгами.

И вот он в Лондоне...

И всё-то здесь было какое-то ненастоящее. Огромные игрушечные дома, двухэтажные игрушечные автобусы, вишни в цвету, магнолии и павлины, которых можно кормить с руки. И, конечно никаких туманов, а тем более снега...

Люди все очень важные, но тоже игрушечные, особенно полицейские. В этом городе всё игрушечное, начиная с колокольчикового названия лон-дон, лон-дон, лон-дон... Вот разве что пабы... Пабы, пожалуй что, настоящие. И пиво в них настоящее и виски тоже настоящее, только дорогое.

Ключ: Лондон — столица Великобритании, один из крупнейших городов и портов мира, в эстуарии Темзы у Северного моря. Конурбация Большого Лондона образует особую административную единицу 1.8 тысяч квадратных километров.

Он сидел за добротным, насквозь пропитанным пивом дубовым столом и развлекался тем, что проделывал с пивом и виски следующий фокус. Накрывал стопку со скотчем пустой пивной кружкой, быстро переворачивал, чтобы виски не вытекло. Заливал эту шаткую конструкцию пивом из второй кружки и начинал пить... Больше ему пива не дали. Оказывается, оскорбил...

Боже мой, и здесь та же самая скука. Стоило ли ехать через всю Европу, чтобы ясно осознать — ничего не меняется с перемещением в пространстве. Я-сно... Что значит ясно? Я сновидений или я снова... Я снова спую и, словно во сне, опять ничего-то не ясно мне...

Он медленно брёл сквозь сумерки незнакомого города бесконечно одинокий, потерянный и нетрезвый... Он шёл сквозь отблески загорающихся витрин, сквозь отраженья иностранных слов, сквозь тоску свою и усталость. Шёл наугад, не разбирая и не запоминая дороги, и вдруг уткнулся... Это был костёл. Начиналась вечерняя служба. Повторяя все действия шедшей перед ним старушки, он омыл руку в какой-то чаше, взял непонятный листок с иностранными текстами, которые он, впрочем, уже мог читать, но не понимая, а лишь угадывая...

Костёл был практически пуст, лишь человек 5 или 6 сидели на двух первых рядах, и ещё он на третьем. Вышел священник в белом одеянии и, водрузившись на кафедре, стал читать, правда, не долго, быть может, один абзац или два... И вот... И вот на сцену вышел хор из негритянских малышей, и они стали петь. Петь, видимо, те самые псалмы, что были написаны на взятой им бумажке, и верующие с первых рядов стали им подпевать... И он тоже стал подпевать, читая... Что-то такое оборвалось там, внутри. Тоска неожиданно отпустила. К горлу подступила слеза... Эти маленькие чёрные просветлённые лица... Хотелось тут же расплакаться и навсегда уверовать в Бога. Чтобы вот так же вот. Чтобы вот, как они. Чтобы каждый вечер...

И он вспомнил вечер перед отъездом, когда как неприкаянный метался по всем своим компьютерным файлам, что-то исправляя, что-то подметая, что-то дописывая и всё не понимая зачем? Для чего вся эта суета и мельтешение? Создание никому не нужных нетленок. Выстраивание тонких фраз на пределе собственного понимания. Постигание жизни через компьютерное окно. Неровный пульс твёрдого диска. Слова и буквы. Милый Теле-Мак, все адреса похожи друг на друга, когда так долго пьянствуешь и мозг уже сбивается, читая строчки. Компьютерное чрево застит глаз... Взгляд, засорённый интернетом, плачет... Не помню я...

Ключ: Windows — системное программное обеспечение, в переводе означающее окна, а ещё точнее, двери для ветра. Двери для компьютерного ветра, который уносит тебя неизвестно куда.

Вот, казалось бы, ветер. Глупо считать его просто движением воздуха. Ведь те запахи, что он приносит, оседают в глубинную память, чтобы потом нечаянно где-нибудь в совсем другой стране проснуться свежим и ярким воспоминанием... Вот и сейчас пахнуло на него густым вишнёвым цветом, и тут же всплыла та далёкая бесконечная ночь его первой любви, когда он впервые поцеловал эти тонкие и нежные губы, а вишнёвые лепестки падали им на головы и на руки, и на лицо... И запах цветущей вишни перемешивался с запахом её волос...

Он зашёл в полупустой паб и, заказав себе пинту Гинесса, закурил...

Можно уехать от своей жизни, но не от самого себя. Можно ослабить напряжение сюжета, но как избавиться от энергии мысли? Если бы он по крайней мере искал ответ, то была бы хоть какая-то ясность, но когда пытаешься найти вопрос, то попадаешь в ту самую точку, которая называется ноль.

ШКОЛЬНЫЙ РОМАН

Поскольку поводом было изучение языка, то существовала и школа. Он вошёл в этот класс, где учились итальянцы, поляки, болгары, венгры, венесуэльцы, колумбийцы и... И сразу наткнулся взглядом на неё. Длинные каштановые волосы, строгий слегка вытянутый профиль, голубые глаза... Что-то давно позабытое шевельнулось в его душе, что-то такое, как тот вчерашний ветер, принёсший запах цветущих вишен, и он снова ощутил на своих губах этот трепещущий вкус далёкого детского поцелуя...

По заданию, каждый из них должен был описать одного из своих одноклассников, а все остальные угадывали, про кого сделано описание. И они выбрали друг друга.

She has a long brawn hair, straight rome's nose, big grey-blue eyes. She is very pretty and very nice. Her face has the artistic features. She clothes in yellow-brawn tones. I think, she is about 23 years old. I think, that she works in the theater, or in the magazine. I think, that there is a big and beautiful soul hides behind her bright appearance.

(У неё длинные коричневые волосы, прямой римский нос, большие серо-голубые глаза. Она очень мила и симпатична. Её лицо имеет художественные черты. Она одета в жёлто-коричневые тона. Я думаю, ей около 23 лет. Я думаю, что она работает в театре или в журнале. Я думаю, что за её яркой внешностью скрывается большая и красивая душа.)

He is a strong and violent man. He has dark green eyes, dark hair and beard. His nose is little turned-up. He is about 35 years old. He dresses a black woolen sweater and the blue-dark jeans. He is beautiful.

(Он сильный и мужественный мужчина. У него тёмно-зелёные глаза, тёмные волосы и борода. Его нос немножко курносый. Ему около 35 лет. Он одет в чёрный шерстяной свитер и синие джинсы. Он красивый.)

И это было их первым объяснением в любви.

Было в этом что-то странное и необычное: объясниться, ещё не успев познакомиться, не сказав друг другу ни слова, но уже высказав и угадав в друг друге ту силу, которую они так давно искали и жаждали, и вот нашли...

Она жила в Бразилии, в большом просторном доме в центре Сан-Паулу. Работала художником-оформителем в журнале научной фантастики. И он покорила её рассказами о Торквемаде, которого ей нужно было нарисовать для какого-то там рассказа. Её звали Джоржия (в честь Грузии, в которой, по её словам, родилась бабушка). И в ней действительно было что-то такое от грузинской княжны...

Ключ: Сан-Паулу — крупнейший город и главный экономический центр Бразилии. Основан в 1554 году, в 16-18 вв. центр кофейных плантаций. Дворец правительства (16 в), небоскрёбы (20 в).

Она тараторила без умолку, и он, плохо понимая её довольно ломаный, но бойкий английский, вполне точно угадывал интонацию и основной смысл. Отвечая и прекрасно зная, что когда нет вопроса, то любое предложение может служить продолжением беседы.

И они заходили в пабы, пили кофе и красное вино. И он всё пытался сказать ей, что она красива особенной художественной красотой. И он ловил себя, что иногда вдруг сбивается на русский, и тут же переводил. И они смеялись. И ещё он рассказывал, что она напомнила ему его первую (школьную, надо же, тоже школьную) любовь. И тут вдруг выяснилось, что они родились в один день (нет, не он и она, а она и она, то есть обе они солнечные львицы), и чем можно объяснить такое совпадение? (Вкус?) ... Но чтобы вплоть до числа!

Ключ: Астрология — учение о якобы существующей связи между расположением небесных светил и историческими событиями, судьбами людей и народов; несмотря на глубоко антинаучные постулаты, даёт поразительно точные характеристики и предсказания.

Он проводил её до дома и, не решаясь войти и не зная, как расстаться, стоял вместе с ней на пороге, держа её за руку и бормоча чепуху об артистической красоте... И скорее не он, но тело его прижалось к этим хрупким девическим плечикам, и руки его утонули в этой тонкой каштановой паутине, и губы впитали в себя её тонкий и такой сладостный рот... И она потянула его за руку... И они вошли... И эта милая путаница в объяснениях. I want you, прошептал он. Give me, шептала она..., и хотя слова означали «дай мне», смысл их, конечно же, был «возьми меня»...

И когда они, счастливые, среди разбросанных одежд и покрывал, сидели, прижавшись спина к спине, он спросил у неё: «How to say by portugal I love you?» — «By portugal? Ил ти эмо...» — «Ил ти эмо Джорджия, — сказал он. — Ил ти эмо».

Ключ: В древности территорию Бразилии населяли индейцы. В начале 16 в. Бразилия завоёвана португальскими конкистадорами, уничтожившими большую часть коренного населения и создавшими крупные плантаторские хозяйства.

ЛИРИЧЕСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ

И тут она вдруг засуетилась, бормоча, что Soon mast come back the homestead, and he mast go on now, and see you letter and so on...

Счастливый и расслабленный Мишель покидал эту тихую, но такую бурную пристань на час или даже на сорок минут, пока не было поблизости английских хоумстеев, этих жалких таможенников их межконтинентального счастья.

Он окунулся с головой в мелкий лондонский дождик и побрёл в сторону Кенсингтонского сада, чтобы побродить там по мокрым лужайкам и умыться древней прудовой водой... Но сад уже был закрыт, и Мишель зашёл в тёплый паб под названием «Чёрный лев». И, заказав себе пинту Strong bow, с наслаждением закурил.

Казалось невероятным, что ещё сегодня утром он сидел на лужайке хозяйского сада и, потягивая кофе, тоскливо смотрел на окружавшую его со всех сторон частную собственность. Неужели же это было сегодня? Как сильно растянулось время...

Взяв порцию двойного виски, он уткнулся взглядом в струи дождя, стекающие по стеклу, и поймал себя на том, что пишет стихи... Боже мой! Он уже лет пятнадцать не писал любовной лирики. Этого милого вздора, который непременно требует слушательницу, ради которой, собственно... Но сейчас! Для кого?! Откуда?!

И тогда, блаженно улыбаясь, он взял бумажную салфетку и занёс в неё этот лирический бред.

Стихи на бумажной салфетке:

*Всего лишь спутница печального дождя,
Всего лишь хмурая прекрасная погода...
Мне было странно полюбить тебя
Ненастной страстью, страстью без исхода.*

*Твой путь — струиться от небес домой.
Мой путь — сорваться или раствориться.
Ты не сумеешь быть моей женой.
Я не сумею с этим примириться.*

*Ты будешь жить в неведомой стране,
Я сохранюсь, быть может, только взглядом.
И лишь случайно, где-нибудь во сне,
Мы сможем снова оказаться рядом...*

10.03.98

Pub «Black Lion»

И тут он осознал, что пишет не о встрече, а о разлуке. То есть только теперь в стихах он осознал эту дикую неизбежность, противостоять которой практически невозможно. И она всего лишь тёплая спутница этой промозглой лондонской погоды. И впереди у неё солнечный Сан-Паулу, а у него тоскливая Москва... Всего лишь спутница печального дождя...

ГОРОДСКИЕ БЛУЖДЕНИЯ

И они бродили по этому игрушечному Лондону. Сидели на едва просохшей траве Японского сада. Кормили с руки павлинов. Пили его крепкую Русскую водку. И говорили, говорили, говорили... Она рассказывала про свою чернокожую няню, которая до сих пор уверена, что солнце — это золотая тарелка и что земля плоская, и что над ними висит хрустальный купол. А ещё про своего толстого начальника, который курит дорогие сигары и постоянно пытается её соблазнить. А ещё про свой маленький форд, на котором она любит ездить на пикники вместе с друзьями...

И они целовались на каждом углу и на каждой скамейке, и в пабах, и в метро, и в автобусе на втором этаже... она прижималась к нему, дрожала, словно тонкая нервная струнка... а он ласкал её маленькие упругие груди и блуждал в аромате её волос, и целовал её огромные глаза.

А потом она вдруг снова, как вчера, заторопилась. Какие-то компьютерные курсы. Нет-нет. Она должна идти. Это её работа...

И вот он снова сидит в старом английском пабе. И, заказав себе виски (double and twice without soda without ice), уткнулся в свой блокнот и что-то пишет.

Стихи из записной книжки:

*Быть может, сумерки? Быть может, неизвестность?
Быть может, странствие в потёмках языка...*

*Я называю слово. Слово — «вечность»...
Когда их много — стало быть, «века»?*

*Пытаюсь вычислить количество предлогов,
Коротких слов, ведущих в никуда.
Их оказалось много. Очень много.
— Ты хочешь быть?
— Хочу? Конечно, да!*

*Я быть хочу! И каждый день рождаться!
И каждый день почти что умирать...
Я слышал, в мире существует счастье,
Но я не знаю, как туда попасть?..*

*Сегодня я потерянный прохожий,
А завтра начинающий поэт,
Который сделает, составит, слепит, сложит
Из всех предлогов трепетный сонет.*

11.03.98 г.

Pub «Rat @ Parrot» at Moscow Road

НЕПОНИМАНИЕ

- No! Enough! I must to work. I don't want. Please, leave me.
- But why, Georgia? Why? I don't understand.
- I don't want.
- But our love...
- I don't want anyone love. Please, leave me.
- But, I am...
- Good by. I must to work.
- Georgia!
- Good by!

Он ничего не понимал. Почему? Что вдруг произошло? Может быть, он что-то сделал не так? Чем-то обидел? Но он ничего не знает, как нужно, чтобы было так... Ведь она должна понимать. I don't want anyone love. Как это можно не хотеть любви? То есть, конечно, наверное, можно не хотеть с кем-то конкретным, но чтобы не хотеть никакой... И главное, всё было вроде бы так хорошо. Она была так нежна, так трепетна... и вдруг...

И ещё эта стена заграничного шума...

Мишель сидел на бетонном парапете Трафальгарской площади в бестолковом и предельно наглом окружении голубей. Ко всему привыкшие птицы, видимо, считали человека движущимся элементом ландшафта, безопасным, как качающаяся на ветру ветка дерева, и более того, даже отчасти полезным, поскольку около него всегда появлялись кусочки хлеба, семечки, крошки печенья...

Голуби топтались по его плечам и по голове, шумно махали крыльями, испражнялись и счастливо ворковали о чём-то. А он сидел, погружённый в свои мысли, и перекачивал на языке неизвестно откуда появившуюся фразу: «Я сегодня прожил одинокое слово «закат»... А потом вдруг резко встал, встряхивая с себя бесцеремонных птиц, и отправился в первый попавшийся паб.

Заказав бутылку дешёвого итальянского вина, он устроился у окошка и стал писать на пачке от Беломора: «Я сегодня прожил...»

Стихи на папиросной пачке:

*Я сегодня прожил одинокое слово «закат»...
Я сегодня узнал невозможное слово «прощанье»...
И слезою ударил твой печальный потерянный взгляд,
И осталось в душе лишь его ледяное дыханье.*

*Где-то там далеко, на другой половине Земли,
Ты, быть может, вздохнёшь о немного безумном поэте,
Кто учил тебя строить из туманов и снов корабли,
Кто учил тебя слушать, как в душе зарождается ветер.*

12.03.98 г.

Pub «City of Quebec»

И он пустился в плавание по лондонским пабам, заходя, выпивая полпинты эля или бокал вина, или унцию виски, прикуривая одну сигарету от другой, бормоча: «I don't want anyone love. Подумаешь! Я, может, тоже не хочу! Но это же не в нашей власти хотеть, не хотеть, а если бы и было в нашей власти, тогда бы не было никакого смысла, тогда на фиг всё это вообще нужно?! Лондон этот... Мосты... Полпинты Гинесса... Литература... Если научиться контролировать свои, то есть себя, и там хочу люблю — хочу не люблю, то, конечно, всё окажется проще, но и ради ли простоты мы живём?» И тут взгляд его уткнулся в паб под названием «Poet's Corner», ну уж и конечно, нельзя не зайти. И где же ещё можно выпить? И писать стихи?

На стенах паба висели полки со старыми книгами, на столах горели свечи в кованых подсвечниках, народу было мало. Заказав пинту London Pride и листок бумаги, он уткнулся в угол Угла и... И погрузился в свои переживания. Мысли растекались, подобно тягучему лондонскому пиву, скользили одновременно по остову рождающегося стихотворения, отслеживали окружающую обстановку и любовались своим полупьяным носителем, тосковали по Джорджии и в то же время где-то в самой своей глубине радовались столь неожиданному повороту романа... «эта старая потрёпанная истина, что писателю страдания идут только на пользу, не так-то уж и глуп, как ему казалось раньше... вот ведь, собственно, эта размолвка и толкает его на написание стихов, блуждания по пабам, выстраивание теорий чувства... и, конечно, неприятности способствуют..., но ведь и порядочным скотом надо быть, чтобы использовать, чтобы из своей же собственной горечи вытягивать материал!!! Есть в этом какая-то подспудная низость, это так же аморально, как заглушать своё горе водкой или (какая разница) элем. Ты человек или уже нет? Или ты уже превратился в профессионального литератора, для которого каждая литера — это часть души, а каждое событие — это будущий набор литер... Вот ведь сидишь здесь и смакуешь! Смакуешь горе своё, разбавленное пивом и стихами, и смакуешь низость развлечения, и видишь в этом...»

Стихи наконец-то выстроились и перебили...

Стихи на обратной стороне счёта:

*За пинтой пива на углу поэтов
Собираю стихов непослушные нити,
Вот только понять бы, для чего мне всё это?
Ведь ты всё равно их не сможешь увидеть.*

*К сожалению, а может быть, к счастью,
Существует предел языка.
И как бы я не разрывался на части,
Словами не выразить то, что может сказать рука.*

12.03.98 г.
Pub «Poet's Corner»

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВОДЕ

Мишель проснулся от ясного желания увидеть море. Он понял вдруг, что не хочет ни с кем встречаться и что-то такое бессмысленное говорить, как-то объясняться... и лишь морской ветер, лишь запах выброшенных водорослей и эти солёные брызги... Не долго думая, он двинул на вокзал Чарринг Кросс и купил билеты до Дувра.

Дд-Дув-Дд-Дув — Дд-Дув-Дд-Дув-Дув-Дд-Дув — Дд-Дув-Дд-Дув.

Поезд нёс его через аккуратную ухоженную Англию. Мысли несли его через хаос чужеземной информации и нагромождение чувств: «Удивительно не то, что один человек влюбляется в другого, а то, что этой влюблённости нет никаких разумных объяснений, а если бы они и были, то тогда — не любовь... выстраивать сущность любви с позиции внутривидового отбора, конечно, можно, но только из этого ничего не получится, то есть это всё равно что объяснять красоту картины с точки зрения теории спектра... То есть, вот едет поезд, ты видишь на платформе прекрасную девушку, дёргаешь стоп-кран и выходишь, а она говорит: «Извините, я уже замужем», тогда ты достаёшь пистолет и убиваешь её вместе с мужем, а потом и себя, и где же во всей этой глупости внутривидовой отбор? В том разве, что уменьшилось количество влюбляющихся идиотов. Видимо, любовь как раз и противостоит биологическому отбору и ведёт борьбу не за выживание, но, наоборот, за вымирание. Впрочем, как и вся человеческая деятельность, вектор которой начинает менять своё направление от борьбы с внешним на борьбу с внутренним. Хотя внутренность, вывернутая наизнанку, незаметно превратилась в поразительного внешнего врага, который грозит гибелью человеку как существу, осознавшему самого себя. Беспощадный поток информации с одной стороны и ужасающе бурная деятельность с другой зажали человека в такие мощные тиски, что он уже просто не в состоянии оглядываться. Конечно, существуют духовные уроды вроде него, которые предпочитают осмысленной созидательной деятельности бесцельные шатания по чужим странам и душам, которые вместо того чтобы взять ещё один барьер продвижения, сидят и ковыряются в бесплодности собственного я..., и возможно, им удастся хоть что-то сохранить... И совершенно ясно, почему целеустремлённые личности, типа Джорджии, так боятся сильной любви. Потому что

она выбивает из делового ритма, из этой сумасшедшей гонки за место под солнцем, потому что она ломает всю жизненную программу, потому что она грозит выбросить тебя из безостановочного маршрута от рождения до смерти, а ты уже не понимаешь, что обочина всегда прекраснее изъезженной дороги...»

И вот он шагает по безлюдному тихому Дувру. Булыжные мостовые закругляют шаги и мысли. Сердце радостно бьётся навстречу приморскому ветру, и взгляд, проскальзывая по серым волнам пролива Па-де-Кале, упирается во Францию, которую, как его уверяли, отсюда увидеть невозможно, но он видит. Видит эти туманные очертания крепостей, стены города, шпили...

Ключ: Пролив Па-де-Кале (на английских картах The Straits of Dover) вместе с Ла-Маншем (English Channel) соединяет Северное море с Атлантическим океаном. Длина пролива Па-де-Кале 56 км, наименьшая ширина 29 км, глубина до 64 м.

ЧУЖЕЗЕМНЫЙ САД

Он вернулся с побережья в полной уверенности, что вся их размолвка — какое-то досадное недоразумение. Аберрации чужеземного языка. Что нужно просто-напросто взять её за руку, посмотреть в её огромные, запорошённые облаками глаза и улыбнуться...

И он взял её за руку и попытался взглянуть в эти жёсткие стальные глаза, и, жалко улыбнувшись, пробормотал:

— I become bored off you, Georgia.

— ...

— Why do you keep silence, Georgia?

— What must I say?

— You don't want to say? What is the matter?

— Nothing.

— ...

— We can not be together, Misha. I want all or nothing. I don't want little part of love, of you. I prefer nothing.

— I am gratitude you, Georgia. You woke my feelings. You know, I wrote poem. I wrote love poem, again. I did not write this poems may be 10-15 years. But now I write. It is very excellent, Georgia, and I am very gratitude you. But, if do you know, how is difficulty me, мне. То есть я не знаю, тьфу, I don't know, what I must to do.

— Nothing.

И они ещё долго бродили по чистым дорожкам Green парка, то ли прощаясь, то ли не решаясь проститься... Потом она выскользнула из его нервно вздрагивающей руки и, изящно взмахнув на прощание, нарочито небрежно бросила своё очаровательное «Good by»... И контуры её тонкой фигурки растаяли за блёклой пеленой английского дождя...

А Мишель опустился на мокрую парковую скамейку и погрузился в свою печаль, в свои сигареты и в свои стихи...

Стихи на форзаце словаря:

Величавая тишь чужеземного сада.

Одинокие сумерки русской души.

Ты сегодня молчишь, может, слов и не надо.

Ты когда-нибудь после для меня напиши...

*Помнишь, как мы бродили по английским тавернам,
Помнишь, как объяснялись на английских словах...
Я сбивался на русский и пытался, наверно,
Подарить тебе счастье на своих облаках.*

*Ты сегодня молчишь, может, слов и не надо.
Да и что ещё можно в этот вечер сказать?
Величаяя тишь чужеземного сада
И грядущей разлуки тугая печать.*

16.03.98
Green Park

Он медленно поднялся и побрёл сквозь этот мелкий тоскливый дождь, любуясь (всё-таки любуясь) искусно подсвеченными ивами и их отражением в чёрных прудах... Он брёл по дорожкам опустевшего парка и напевал абсолютно дурацкую песенку:

«Миша-Миша-Миша-Mishap!
Миша-Миша-Миша-Mishit!
Миша-Миша-Миша-Mishap!
Миша-Миша-Миша-Mishit!»

Ключ: **Mishap** — в переводе с английского: неудача, несчастье.
Mishit — означает: 1. Промах 2. Промахнуться.

Выйдя из парка, он пошёл в сторону Вестминстерского аббатства и, встретив по пути тёплую надпись «Капитанская каюта», зашёл туда с занятым коктейлем в своей душе, коктейлем из тоски и радости, приправленным небольшой порцией удивления... И выпил рому. Горячее тепло растекалось по всему телу, мысли заволакивало, душа размягчалась... И снова просыпались в нём эти странные детские стихи о любви и разлуке, все какие-то ломкие, необычные, но, как и положено, в рифмах и классических размерах:

*Отсутствие снега. Зимой расцветающий Лондон.
Республика света. Короткая вспышка любви.
Английское небо, прозрачно-печальное, словно,
В него отразились глаза неземные твои.*

*Быть может, придумал тебя от конца до начала.
И ты только строчка моей загрустившей души...
Которая вдруг почему-то смертельно устала,
И снова вздохнула, себя от тоски разрешиив...*

16.03.98 г.
Pub «Captains cabin»

ПИНТА ЭЛЯ С ВОСТОЧНЫМ ВЕТРОМ

На следующий день он не пошёл в школу. Не смог. Опять встретиться с этими странными глазами. Опять ничего не понимать. Опять пытаться объясниться... Зачем? Что от этого изменится? Какое может быть всему этому продолжение? Продолжение... А ты бы смог жить в Бразилии? В Сан-Паулу? Ну, смог бы попробовать жить. Писать. Переводить... Попытаюсь выстроить новую линию жизни... Ведь хотя бы иногда нужно хоть что-то менять в своём дурацком бытии, пускай лишь среду обитания... Но а как же твоё семья, дети?.. Но ведь не на совсем! Ведь уходят же моряки в плавание! И ничего! Он ведь тоже своего рода моряк... А вот и паб имени Перси Биша Шелли! Разве что заглянуть на кружечку эля да написать там какую-нибудь Оду к Восточному ветру или трактат в защиту от поэзии...

И, уткнувшись в свою пинту пива и ученическую тетрадь, он набросал своим неровным почерком несколько хрупких изогнутых строчек.

Стихи из ученической тетради:

*Жизнь становится строже. Жизнь становится жёстче.
Исчезает поэзии лёгкий мотив.
А сегодня, быть может, я живой переводчик,
Тот, кто чувства на строчки в этот час положил...*

*На раскосом пространстве белокрылой бумаги
Я придумал иллюзию странной любви.
И далёких поэтов посевшие саги
Опустились в прозрачные рифмы мои.*

*Я не знаю Зачем? И не знаю Откуда?
Эти строчки сегодня на бумагу сошли...
Просто жизнь — это лишь ожидание чуда
И любви, и поэзии лёгкий мотив.*

**17.03.98 г.
Pub «Shelly's»**

ТУМАН

Остальные дни промелькнули в каком-то диком хмельном забвении. Он куролесил на всём лондонском пространстве от Гринвича до самого предела. Пытался что-то объяснить ей, сказать. Взять хотя бы адрес. «For what?» Ну не знаю. Написать. Приехать. Поздравить с днём рождения. «For what?» Для чего, для чего... потому что люблю. И...

И вот её уже нет и нет ничего. Ни адреса, ни прощальных слёз... Впрочем, слёзы, кажется, были, но только не у неё. У него. Ещё остались три последних стихотворения. Где и когда он их написал, не совсем ясно, хотя остались пометки, но никаких воспоминаний. Туман. В Лондоне за этот месяц их так и не было. Но он восстановил эту несправедливость.

Всё кончено. Завтра отъезд.

Стихи на клетчатой бумаге:

*Печаль моя, естественно, светла.
Я улыбаюсь бережно, сквозь слёзы...
Был тёплый Лондон, и весна была,
И нежного стремительного сна
Меня умчали ласковые грёзы...*

*Лишь на губах остался вкус любви,
Твоих ресниц неведомая тайна.
Глаза и губы, волосы твои...
Прикосновений белая случайность...
Ты растворишься в синем далеко.
Растаешь на далёком континенте.
И мне сегодня грустно и легко
Пройти по краю нежности и смерти...*

19.03.98 г.

Pub «The Leinster Arms»

Стихи на полях газеты:

*— Ты плачешь?
— Что ты! Это только дым
Моей английской сигареты*

*Попал в глаза,
И вместе с ним
Упала хрупкая слеза
На эти ломкие сюжеты,
Где тает формула стиха
И зарождается ненастье...*

*Моя душа сейчас тиха
Предельной тишиною счастья...
Перед прощаньем ледяным
Я отгорел, как след кометы...
Слеза? Нет — это только дым
Моей английской сигареты.*

19.03.98 г.

Стихи на подставке для пива:

*Ты ушла, не оставив мне адреса.
Я оставил свой адрес тебе.
Я прошу: напиши мне, пожалуйста,
Пару строк напиши о себе.*

*Напиши, что ты помнишь, как вместе мы
Жили два удивительных дня,
Что промчались короткою песнею,
Дождевою струной прозвения...*

*Ты пойми, я ни капли не жалеюсь...
Ты — мой ветреный праздник души,
Но прошу, напиши мне, пожалуйста,
Пару строк о себе напиши.*

**20.03.98 г.
«Gaid Park»**

2. РАЗЛУКА, РАВНАЯ ВСТРЕЧЕ

ЗНАКИ

Он бродил среди чёрного снега московских улиц и всюду натыкался на короткие послания из далёкой Бразилии. Он покупал пакет апельсинового сока, рассматривал красное пятнышко на синей карте и читал: «Апельсины — это маленькие подобия солнца, и для их созревания важнее всего жаркий климат. Бразильская провинция Сан-Паулу — идеальное место для выращивания апельсинов. Сквозь тонкую кожуру жаркие лучи наполняют плоды сладким соком. Этот солнечный сок Вы разливаете из пакета J7». Он открывал банку растворимого кофе, и ему сразу бросалось в глаза, что Maxwell House приготовлен из лучших кофейных зёрен, выращенных на знаменитых горных плантациях Бразилии, и что он почувствует богатство и силу настоящего кофе в каждой капле Maxwell House.

И он неоднократно испытывал судьбу, набирая на своём телефоне заветные цифры 55-11 (код Сан-Паоло) и первый пришедший в голову номер, но в ответ на Can I speak with Georgia Robles он слышал только это гнусно-гнусавое No.

А в конце месяца приходилось платить по телефонным счетам...

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА

Он отыскал её адрес через соучеников, по длинной цепочке сквозь Венгрию, Италию и Боливию. И отправил письмо. Отправил не от себя, а от придуманного неизвестного и почему-то покалеченного Бориса. Потому что... Потому что просто не мог от себя...

Georgia Robles@mandis.com.br

Dear Georgia!

I am sorry, for this letter. I found your artist site and it was interested me. Sometimes I also draw, but not professional. When I saw your pictures, I also imagined you. You seemed me very beautiful girl with long brawn hair, straight rome's nose, big gray-blue eyes..., but it is only my imagination. And it is very interesting for me: Haw do you see really? My appearance is not good. I am small fat man, without legs. Of course I will can to write that I am strong and beautiful, but I think that my appearance is not very important thing in our intercourse. About my interests: I like to read poems and lyrico-philosophical prose, I collect stamps with dirigibles, I very like dirigibles — these big fish, which swim in the air. I work in mathematics, but I like art and literature. I have many friends in all world. We sent each other letters by email. And my defects are not important in our relations. Please, if it is possible sent me the answer, tell about you, about your interests and wishes.

Good by Boris Tumanov

bbboris@sir.com.ru

Dear Boris!

I was very glad to read your letter. It is amazingly, but you described my appearance absolutely right. I don't know what I can to write about myself. I live in Sao Paulo, in my little house, which has only six rooms. There is little garden near my house, there are

some flowers and orange tree in the garden, and I like to sit there in evening and to read books. I like science fiction books. I work in the magazine as illustrator. I like my work.

Boris, I am very glad that you are from Russia. I known one russian man. And we had the little love adventure in London. But I did not want to continue our love story, because my feeling went too far.

He is very interesting man. He said, that he is a poet. It looked very much like true. He was little strange, but beautiful.

Tell me about Russia, please.

Sincerely Georgia.

Georgia Robles@mandis.com.br

Dear Georgia!

If you know, haw I am glad to receive the letter from you. And especially I am glad, that you didn't say anything about my appearance. Thank you. Georgia, you write that you have little house consisting of six room. For me it is very big house, because my flat has only one room. But it is very nice room, with the balcony at the eight floor. There are some my pictures on the walls, there are many books in the shelves and there is a good computer on the table. Osvald Spengler said, that home is the purist expression of the race. And my home is the expression of myself.

Georgia, I have interest for your London story. If it isn't secret, will write me the name of your russian poet. It is interested me, because recently I red in one literature magazine very good poems written by our famous poet Mihail Pogarsky. It was cycle «Absence of snow», and it was written in London. There are very good poems, as the all poems, which he writes...

We have the golden autumn now. And it is my favorite season.

Good by Boris T.

bbboris@sir.com.ru

Dear Boris!

It is fantastical, but Mihail Pogarsky is the same poet with whom I had the love adventure in London. If is it possible sent me some of his poems, I want to read these.

Boris, I don't know, how I can to explain my relationship with Misha... I loved and may be love him, but I wanted him whole, I didn't want the part of him, but it was impossible, he has the wife, Russia, poetry and so on, I was only casual girl for him not more... But I gratitude him, he retained the bright track in my soul...

Now I can not write more.

Sincerely Georgia.

Georgia Robles@mandis.com.br

Dear Georgia!

It is so sad that you broke your relationship with Mihail Pogarsky. I wasn't introduce him personally, but I read his poems, and I can to say he is big person, and he loved you by the big love. I try to translate for you one of his poems about your meeting. Of cause it is impossible, but may be you will be able to read the more than I shell send.

*Only satellite of sad rain,
Only frown fine weather.
It was so strange to love you
By nasty feeling, feeling without end...*

*Your way — to stream from the sky to home.
My way — to fall may be to disappear...
You can not be my lovely wife,
I can not agree with this.*

*You will live in unknown country.
I will be keep, may be only as glance.
And only by chance, somewhere in dream
We can again will be together.*

Good by Boris.

bbboris@sir.com.ru

Dear Boris!

Thank you for the poems. It is really very nice. I think, that may be I was not right. May be I must... I don't know, Boris, what I must? It was some month ago, but I can not forget our meetings, I can not forget how we kissed, how we walked, how he talked me about Russia, how he presented me the book with Kipling's poem:

*I've never sailed the Amazon,
I've never reached Brazil;
But the Don and Magdalena,
They can go there when they will!*

And I returned this book. I was frightened myself loves. And now I fright it as before. But sometimes I want, that he sit on the Don or Magdalena and reach Brazil.

Sincerely Georgia.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБРАЗЫ, КОТОРЫЕ МЫ СОЗДАЁМ

Всё кончилось совсем не так, как он планировал и к чему стремился. Она полюбила не его (Мишеля), а придуманного им виртуального калеку Бориса. Этот добрый убогий интеллектual, превозносивший до небес достоинства «Великого поэта земли Российской», тронул горячее сердце бразильской львицы, он затащил его в путы своих путаных, завуалированных объяснений в любви, и вот она (Боже мой, ОНА!) приезжает. Она приезжает к нему (к Борису), и... И тогда всё то, что выглядело таким нежным и добрым, и благородным в устах маленького безногого толстяка превратится в корыстную и гнусную мистификацию... Мистификацию влюблённого эгоиста, стремящегося любой ценой добиться своей цели. Он пал жертвой своего дурацкого таланта. Он вылеплял для себя помощника, а вылепил опасного конкурента. Но как?! Как можно было так ошибиться! И ему ли не знать, что женщина любит ушами, а отнюдь не глазами. Ему, боготворимому Сирано де Бержерака чуть ли не с пелёнок, ему, ни во что не ставящему внешний облик мужчины (с женщинами, конечно же, всё как всегда наоборот), и так попасться. Попасться в свою же собственную ловушку. Старая как мир песня: Голем убивает своего создателя. Но что, что же ему делать? Встретить её с букетом цветов, во всём признаться и молить о пощаде? А может быть, просто-напросто убить своего конкурента. Вот так вот взять и умертвить... Он встретит её в траурном наряде и с прискорбием сообщит о смерти своего лучшего друга Бориса Туманова. И они

пойдут на кладбище и постоят у недановно установленного креста, на котором кладбищенский сторож, не устоявший перед поллитрой, напишет масляной краской годы жизни сочинённого им Бориса... Потеря общего друга, общее горе наверняка сблизит их... И постепенно..., постепенно она наверняка полюбит его, но этот чёртов Борис!!! О. Он всегда будет стоять между ними... Нет, это невозможно. Он... он должен сейчас, немедленно написать ей всю правду. Да, это самоубийство, но это единственный выход из сложившейся ситуации. А потом... Потом добиться бразильской визы, купить билет на самолёт и... И вложить свою судьбу в переменчивое дыхание этой странной голубоглазой львицы... Но что если... Что если и она это не ОНА... Ведь он узнавал адрес через Соню, а она (чудесная девочка из Болгарии), она ведь явно была равнодушна к нему, и что если она сыграла с ним в ту же самую игру, в которую, он... Тыфу ты чёрт, Соня же знала, что он это он, и поэтому не могла... Н-да, сочинение обманов играет дурную шутку со своим сочинителем, ты начинаешь подозревать в своих собственных грехах весь мир...

СКРЕЩИВАЮЩИЕСЯ ПРЯМЫЕ

Боинг-77 пересекал линию экватора на высоте 9000 метров. У круглого иллюминатора в задней части салона сидела удивительной красоты девушка. Девушка, в которой кровь древних грузинских князей перемешалась с кровью испанских конкистадоров. И которая любила. Любила и ненавидела одного из самых сумасбродных русских. Одного невозможного гнусного обманщика-поэта, который ворвался в её детскую душу в тёплом весеннем Лондоне, который научил её строить белые корабли из пролетающих облаков, котрый обманом дотянулся до неё, через вездесущие щупальца интернета... Она смотрела на белые паруса проплывающих внизу облачных каравелл, и взгляд её засорился маленькой точкой, оставляющей после себя белоснежный след. Почему-то резко заныло сердце. Она вызвала к себе элегантного стюарда и заказала двойную порцию виски...

А в это время российский авиалайнер ИЛ-62 на высоте 6000 метров уносил совсем в другую сторону потерявшегося во всех пространствах поэта...

Ключ: **Скрещивающиеся прямые располагаются в параллельных плоскостях и не имеют точек пересечения.**

Лондон 1998 г.
Красногорск 1999-2000 г.

Т О Ч К А Н Е Б А

ВЫВЕТРИВАНИЕ

*

Сонька рылась в моих старых рукописях, смешно морща лоб и изредка улыбаясь. Рукописи каким-то странным образом сортировались, и каждой отводилось специальное, выбранное Сонькой место. Я сидел в глубоком кресле, потягивал клинское пиво и курил. Наблюдалась гармония.

**

Сонькина рука задрожала, и листок полугодовой давности, начёрканный корявым нетрезвым почерком, упал на пол, не найдя должного места в её сортировке.

На листке полугодовой давности были не менее корявые стихи:

*Мужество уже с тво-им рассталось телом...
Хочется немедленной любви...
И срываешь в буйстве оголтелом
Все одёжки рваные свои...*

*Душу по рукам пустив, как кружку,
Угощаешь водкою бомжей
И, обняв случайную подружку,
С пиджака не стряхиваешь вшей...*

— Никаких вшей у меня никогда не было! — восклицает она. — И вообще, мои друзья никакие не бомжи, а хиппи...

— Хиппи, по определению, должен быть бомжем, а то какой же он хиппи... А что касается вшей, то откуда ты взяла, что они у тебя были? То есть, где это про это сказано? Раз не стряхиваю, значит, и не было! А потом, Сонька, жизнь и поэзия... у-уу-у-у-у... Это отнюдь не одно...

— Ты, Погарский, сноб. Сноб и этот ещё... И эстетическая гюрза!

— Почему же сноб, Сонька? И почему гюрза?!

— Только сноб и эстетическая гюрза будет кормить бездомных кошек сырокопчёной колбасой.

— Причём здесь кошки?

— А кто вчера купил дорожкой колбасы для облезлого кабысдох?

— Ну-у...

— Баранки гну... Ты, Погарский, вовсе не такой добрый, как кажешься. Бедный кабысдох чуть зубы не сломал. Ты эстетическая гюрза, вот ты кто!

— Да причём тут гюрза?!

— Ты пускаешь яд своей эстетики на всё живое!

— Сбрендил, да?

— Ты и меня-то взял к себе из эстетики. Я у тебя тут как экспонат живой, чтобы перед своими дружками похвалиться. Ты меня, Погарский, вовсе совсем и не любишь. Но, впрочем, ты, гад такой, всё равно хороший...

— Давай, Сонька, не будем ссориться, а лучше пойдём на улицу и будем собирать облака, похожие на морскую пену. Пена будет оседать на наших просолённых зимних сапогах, и голодные лоси будут слизывать её своими шершавыми языками.

— Можно, я сожгу эти противные стихи?

— Рукописи, Сонька... Впрочем, сожги, конечно, но не забудь ещё и выжечь их из памяти, а ещё и встречу нашу заодно выжги. Выжги, как твой друг Серёжа облевал мой новый парадный пиджак. Выжги, как второй твой друг Костя собирался убить меня за то, что ты предпочла меня в тот вечер ему. Выжги и само это предпочтение. Выжги мою головную боль на утро. Выжги солнце, пробивающееся сквозь грязный тюль...

— Почему ты такой противный, Погарский?

— Какой?

— Гю-юрза...

— Хорошо бы, Сонька, сейчас портвейну крымского выпить...

— Ну... Схожу уж... Сиди тут, пока...

Страшно хочется спать. Сознание зарывается в вату бессознательности. Милая Сонюшка зарылась своими ручонками в мою давно не стриженную бороду. Её аккуратненький голый пупочек, призывно выглядывающий из-под топики, уткнулся мне прямо в затылок. Сонечка-Сонька, сон моей пьяной души... Откуда взялось это странное чудо? Чудо, вернувшее меня к жизни. Чудо, благодаря которому я снова жив и снова пишу...

— Знаешь, почему я тогда ушла от Костика к тебе?

— Потому что я лучше.

— И ничего-то ты не лучше. Костик, на самом-то деле, очень даже хороший. Просто ты тогда так здорово рассказывал про точку неба.

— Точку чего?

— Ну неба... Ты что, не помнишь? Когда ты подошёл к нам тогда, то сказал: «Ну наконец-то я вас нашёл!». А я спросила: «А как ты нас искал?» И тогда ты рассказал, что иногда при редчайшем стечении атмосферных явлений в небе образуется особая точка. Точка-зеркало. Ну там каким-то образом замерзает нижний облачный слой, и получается отражающая поверхность. И вот как раз тогда это и было. А ты посмотрел на небо и увидел в отражении меня. Тогда ты вычислил угол, прикинул, где может находиться владелец отражения с этими расстаманскими косичками, и стал искать. Вот. А потом нашёл.

— А-а-а... Ну да. Да-да. Вспомнил...

— Знаешь, Погарский, мне кажется, что ты врёшь. Никакой-такой точки никогда и не было. Просто ты был очень пьяный и всё это, наверное, придумал.

— Пьяный? Ну да, конечно, пьяный. Трезвый человек редко рассматривает облака, а тем более видит в них отражения земных расстаманок. Тебе, Сонька, просто повезло, что я был пьяный. Пьяный человек гораздо чувствительнее.

— Да уж, конечно! Уснул тогда, как бревно. Всю руку мне отлежал.

— Чего ж ты её не вытащила?

— Мне тебя будить было жалко. Ты так хорошо улыбаешься во сне...

*Он проснулся утром и ушёл в никуда,
Не оставив ни адреса, ни телефона,
Но, я слышала, что через тысячи лет города
Были названы именем, таким дорогим и знакомым...*

2000 г. Красногорск.

ГОРОДСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

очерки

ПЕРОЧИННЫЙ ГОРОД

Орёл. Город или птица? Теперь, наверное, только город. Потому что орлов не стало. Кто из нас хоть когда-нибудь видел живого незлопарченного орла? Я не видел. И поэтому — город.

Несмотря на гордый и величественный прообраз, название города вызывает какой-то принижённый облик. Стоит только сравнить: Ростов, Курск, Ярославль, Владимир, Суздаль, Муром, Кострома, Нижний Новгород, Санкт-Петербург — за этими названиями стоит притягательная сила, которую достаточно сложно объяснить.

Слово Орёл не обладает притягательностью.

И тем легче мне было проникнуться к нему (городу) симпатией и нежностью.

И если Курск — это чаша, окаймлённая горизонтом, то Орёл — это авоська с яблоками, потерянная пьяным гражданином.

Парки, реки, мосты, памятники и люди обладают здесь лёгкой солнечностью. И солнце действительно сияло.

Не случайно здесь обитали и Тургенев, и Лесков, и Бунин.

Это в Курске можно писать героическую оперу «Князь Игорь», а Орёл — родина «Записок охотника», «Левши» и «Антоновских яблок».

В отличие от Курска в Орле очень даже просто купить перочинный ножик. Что я и сделал в конце концов.

А человек с перочинным ножом — это совсем не то, что человек без перочинного ножа. Перочинный нож делает человека вооружённым. Теперь вы можете отрезать себе колбасы и хлеба, открыть бутылку марочного вина и даже вскрыть консервную банку. Я уж не говорю о починке карандашей и перьев, к чему, собственно, сей инструмент был изначально предназначен. Ибо раньше обедали не на лавочках, а в трактирах, а уж если шли на пикник, то и ножичек брали соответствующий.

И тут мне почему-то показалось, что и сам Орёл из важного Губернского центра, окружённого Дворянскими гнёздами, превратился в маленький «перочинный» городок, где старики рыболовы ловят мелкую рыбку-плотвичку.

Но, утратив некоторую помпезность, Орёл обрёл новые крылья нежности, что особенно ощутимо в пору цветения яблонь и каштанов.

22.05.97

КРАСНОГОРСК 1989

(штрихи к проспекту)

В древних городах, таких как Пекин или Муром, улицы располагались по четырём частям света. Каждый дом стоял в них на своём месте. Пространство было организовано и располагало людей к философствованию, созерцательности, к неторопливому и спокойному восприятию Мира.

В древнем Пекине я вроде бы никогда не был, зато 16 лет прожил в старой части города Муром, что на Оке-реке, и влияние организованного пространства испытал на себе вполне. Кварталы здесь, в точности соответствуя своему названию, были четырёхугольные. По периметру их шло обрамление из невысоких домиков, и в сердцевине непременно сады...

Собственно, строгая организация пространства и отличала всегда город от деревни. Деревня никогда не изменяла окружающую среду, но лишь подстраивалась под неё. Второе обязательное отличие древнего города от деревни — заборы. В городах никогда не было штакетника, но всегда сплошной высокий забор. Город тяготел к интиму, интим способствовал размышлению, творчеству, проникновению в иные сферы сознания... Недаром и в деревнях люди, потревоженные мыслью (чернокнижники, ведуны и пр.), ютились всегда на отшибе, подальше от суетности, любопытства и пустопорожного взгляда.

Эти краткие рассуждения приведены здесь, чтобы определить место современного города на карте метафизического пространства. Получается, что современный город, как правило, должен стоять на этой карте несколько ниже деревни. Он не организует пространство и не подстраивается под него, но вваливается всей своей серо-бетонной тушей, разрушая и уродуя естество. Так, например, суперсовременный японский городок Токио, по слухам, в бестолковости своих джунглеобразных извилин оставил далёко позади себя любую деревню. И говорят, что без подробной карты с многочисленными условными знаками там невозможно найти даже свой собственный дом (преувеличивают, быть может, но ведь и дождя без облака не бывает).

А теперь попробуем определить, где, собственно говоря, в цепочке Пекин-Муром-деревня-Токио находится Красногорск? Читатель, должно быть, уже смекнул, что сразу после Константинополя, который, разумеется, после Токио. Вы можете, конечно, удивиться и спросить, что уж такого может быть запутаннее Константинополя и Токио? И я вам отвечу — Красногорск. В Токио, как известно, нет нумерации, и надежда там лишь на интуицию и карту, в Константинополе нумерация равна отсутствию таковой (см. Аркадия Аверченко), и это уже никого не сбивает. В Красногорске нумерация есть, и она сбивает. Представьте себе почти что квадратную улицу с нумерацией по часовой стрелке. А теперь представьте уроженца древнего Муром, который, находясь в двух шагах от нужного ему дома N 28, но стоя напротив дома N 1, вынужден отмахать километра 3-4 и лишь тогда обнаружить, что эти дома соседние. Представили? Так вот, этим уроженцем был я. А если вы не в состоянии такого представить, то приезжайте в наш замечательный Красногорск, в этот музей запутанной нумерации, где улицы могут поворачивать под прямым углом, продолжаясь по прямой уже под другим названием, или вдруг расходиться вверх и вниз ножницами, или врезаться по касательной в высоковольтную линию, продолжаясь диавол поймёт его где. Нумерация может идти здесь по кругу, по зигзагу, в разбивку и вообще непонятно как. Такое понятие, как чётная и нечётная сторона улицы, находятся далеко за пределами Красногорска. А уж в новых районах, где используется супердостижение современной нумерации «корпус такой-то», и вообще — мрак, хаос и полная неразбериха.

Единственная улица Красногорска, не сбивающая с толку, это бывшая тропинка «Козловка». На этой улице нет никаких номеров, потому что и домов тоже нет. Ведёт она известно куда. К магазину. И известно откуда. Из лесу. А уж в лесу и стекаются добрые люди со всего, стало быть, Красногорска. Магазин раньше

торговал. И были очереди. И беспорядки. И тогда по просьбе окрестных жителей перестал. То есть перешёл на нелегальное положение, а именно на полянку близлежащей рощицы. И сразу наступил порядок. Там стало возможным купить в любое светлое время суток, но чуть дороже, но без очереди. А в тёмное время лучше идти в автопарк или, на худой конец, к шинкарям, адрес коих за полстакана узнаётся тут же у вновь закрытого магазина.

Но что бы там ни говорить, Красногорск — город, всё-таки сохранивший своё лицо. Первые его домики двухэтажные, брусчатые или кирпичные, с верандочками или балкончиками, все покрашены вслед за усадьбой прошлого века в песочный с коричневым или серым. Что это? Случайность? Наличие единственно возможной краски? Или, может быть, почерк?..

Красногорск — город костров и голубятен. Что есть, то есть. Костры жгут чаще по вечерам, а белых голубей выпускают исключительно днём. И если по бестолковости нумерации Красногорск стоит после Константинополя, то по сохранению окружающего ландшафта он находится рядом с деревней. Город практически не сломал доверенное ему пространство. И это накладывает отпечаток на живущих в нём. Да оно и понятно. Одно дело принять посреди янтарных сосен, наблюдая полёт белой стаи, когда и сам ты не переламаываешь пейзаж в жанр, но растворяешься в нём, когда душа твоя звучит и живёт, а друзья твои светлы и одухотворённы... И другое дело где-нибудь в подъезде спального района, когда давит на тебя серая тяжесть бетона, а над головой твоей нацарапано, что «все вы козлы» или хуже того... Ясно, что второй антураж сводит почти на нет все позитивные начала напитка и толкает человечество к дебошу и разрушительству. Недаром самый революционный клас конца прошлого и начала нынешнего ютился в трущобах и не имел никаких условий нормально посидеть и принять для раскрытия вышнего в твоей душе...

Ещё одно, что так же существенно влияет на характер жителей, — это снабжение. По каким-то не очень понятным причинам в Красногорск поставляются по преимуществу сухие и креплёные вина. И что не менее важно, индийский чай (раньше он даже лежал в магазинах, а сейчас в связи с обстановкой перекочевал в кухонные буфеты горожан).

Вполне понятно, что человек, пьющий вечером сухое вино, а утром индийский чай на чистейшей артезианской воде, никогда не пойдёт громить революцией что бы то ни было, но посвятит досуг свой размышлению и восприятию Мира.

Красногорск — надёжный город.

Май 1989 года.

КРАСНОГОРСК 1999

(10 лет спустя)

Какие, собственно говоря, такие глобальные изменения произошли за эти 10 лет? Ну, например, исчез кефир в бутылках... Вот такое событие. Нету! Не стало кефира в бутылках и всё тут. Пакет. Пакет экономически выгоднее и удобнее. И вот уже не вернуться. Прогресс движется к пакету. И это так. История прогресса — есть история упаковки. Мы и знания-то свои научились паковать гораздо компактнее и передаточнее: интернет, CD-ром... технология... А кефир в бутылках

исчез! Тогда где же традиция? Хорошо, хоть голуби (белые голуби) по-прежнему режут красногорское, но, впрочем, очень голубое небо. Вот хоть они как память о белом кефире... Кстати, известно ли вам, что кефир как слово произошёл от арабского «кейф»?! Я вот не знал. Вычитал. Из того самого злополучного пакета (одна от них польза, можно читать). Да. Оказывается, человечество, то бишь Россия, 100 лет назад и не больно-то знало, что это, блин, такое — кефир! И вот одна храбрая женщина, по имени Даша, отправляется на дремучий Кавказ и выведывает там у тёмных горцев секрет приготовления! И то сказать, кефир — это вам не простокваша, не ряженка, не йогурт какой-нибудь. КЕ-ФИР... Да и впрямь, что, действительно, может быть кай(кей)фовее, когда и смотреть-то больше ни на что не можешь, стаканчика кефира из бутылки.., и ты продавливаешь внутрь эту тонкую пробочку из зелёной фольги, а не мучаешься с гнусным процеллофаненным пакетом, от которого польза лишь в смысле компактности и чтения. Ке-фир... Ну быть может, ещё бульон. Бульон — это, надо вам сказать, тоже очень сильная вещь, только именно не настоящий, а вот из этих самых кубиков: говяжий, грибной, куриный (ку-ри-ный)... а после уже можно и покукрить, и кофе (опять ли не от «кайфа»?)... Да... Но речь-то о городе или, скорее, месте. Месте силы. Территории обитания... Что тут можно сказать? Символика. Гордость. Опять же символисты. Оказывается, вот тут-то они и ходили, и писали свои стихи, и Бальмонт в одежде бросался в ручей, доставая луну, не откуда-нибудь, а из нашей маленькой речки Баньки... Какая, кстати сказать, гармония: Банька и Синичка, две вот такие речки в городе Красногорске. Две речки. Две плотины. Раки. Вот уж, на удивление, в них до сих пор обитают раки... А хорошо бы ещё развести диких черепах... Вот есть в этом что-то такое. Ты, например, лежишь на зелёной траве, а мимо тебя идёт купаться черепаший выводок... Впрочем, кажется, у них не бывает выводков. Это, кажется, те немногие существа, которым родителей заменяет место... Но я отвлёкся. Стало быть, символисты. Что-то надо сказать. 100 лет назад, тогда ещё не Красногорск, но Губайлово-Знаменское. Усадьба. Прибежище русского символизма. Имение Поляковых. Поляков-сын — математик, переводчик, поэт, меценат. Редактор (со-редактор) «Аполлона» и «Весов». И вот здесь, под этими самыми со снами, он, прогуливаясь в своей широкополой шляпе, раздумывает о точности перевода (передачи) прозы Генрика Ибсена на русский. Неподалёку, на островке, на зелёной прибрежной травке, развалились Бальмонт, Брюсов и Балтрушайтис. Конечно, шампанское! Конечно, Брюсов, блистая эрудицией, учит людей, как нужно пить по-афински, разбавляя воду (имеенно воду, а не наоборот) вином... И этот привкус свежей прудовой воды с оттенком дуба (ибо дно-то прудов дубом-то и выстелено)... И свежие прозрачные стихи... «Будем как солнце!» — говорит Бальмонт. «Будем!» — говорит Балтрушайтис, опорожняя греческий напиток... И где-то на тропинке возникает задумчивый Андрей Белый и что-то бормочет о теории света... Пронзительный летний день 1899-го. И вот ведь что забавно, совсем нетрудно перескочить в тексте на век, но на год уже гораздо труднее, а на полгода ещё... Я уж не говорю о минутах... Но нас, собственно, интересуют полгода. Встреча Нового Века. Здесь, в тогда ещё неКрасногорске, они и собрались, и уже шампанское без воды и тост Белого: «За русскую культуру и самых достойных её представителей, то бишь них, и вот (внимание!). Я надеюсь, что лет через 100 потомки наши, встречая Третье тысячелетие, вспомнят о нас и, может быть, наконец-то пой-

мут!» Вот и вспоминают, по крайней мере, один. Пусть не потомок, но хоть, в какой-то мере, последователь. Да... Такое место... Оказалось, что живу в Назарете! Ни много ни мало... Патриарх Никон, воссоздавая в своё время Иерусалим, перекрестил всю округу, и речка Истра была Иорданом, Москва — Мёртвым морем, а то, где я сейчас, Назаретом. Митрич рассказал. Рядом со мной живёт. Настоящий митёк. Художник. Тоже назаретянин. Нарисовал у себя в подъезде собственную Голгофу, и теперь на неё приезжают смотреть иностранцы, ну как на что-то такое... Ну как на витражи Рериха в замызганном подъезде Петербурга. Хотя, конечно, есть и отличие. Рерих всё это очень серьёзно и на заказ, и за деньги. А Митрич так, с будуна, в своё, как говорится, удовольствие, изгоняя похмелье творчеством...

Но я-то хотел о последнем десятилетии. И понять: что же в конце-то концов произошло с миром и городом? Изменились ли? И если да, то куда? Видимо, да... И как говорил Конрад Лоренц (писавший, кстати, свои труды здесь же, у нас, уже на берегу речки Баньки (в буквально только что получившем своё название Красногорске), в концлагере)... Так вот, как говорил Конрад Лоренц: «Внутривидовой отбор на уровне человеческой особи — это мощнейший фактор преобразования среды...» Может, конечно, и не говорил он такого, но мог... По крайней мере, наваял... Н-да... Среда, получается, изменилась. Или в большей степени я? А красногорские сосны по-прежнему спят, точно так же, как во времена Никона, Бальмонта, Лоренца, Давида Самойлова... Вот, кстати, он-то уже почти современник..., то есть я встречался с теми, кто встречался с ним, и не где-то там, а здесь, в Красногорске, на поэтическом вечере, и были стихи, и расстилался сигаретный дым, и почему-то кажется, что лица светились восторгом, а внутривидовой отбор временно отдыхал, и приходил ему на смену великий принцип мирного сосуществования, придуманный Карлом Марксом.

Но что-то я опять не туда. Очерк места у меня сбился куда-то на Историю места. География сменилась энтографией, а вместо кефира появились поэты... Что делать — сам такой. И всё-таки об изменениях. Козловка по-прежнему есть, но ведёт она уже не куда-то там, а просто так... через лес. Слава Богу, места притяжения, где можно было взять, вдруг исчезли как класс. И уже нужно поехать в Лондон, чтобы ощутить эту странную дикость запрета на продажу в неурочное время и почувствовать эту странную радость, когда всё-таки добьёшься своего (но, кстати, как у них всё это обставлено! Левое Виски (чёрт возьми, Виски) тебе спускают со второго (по-ихнему, первого) этажа в корзиночке, на верёвочке, вот уж только без бантика... Традиции, блин! И то ли дело у нас (ну не теперь (теперь-то мы уж впереди планеты всей), а когда-то), когда идёшь недобратый в автобусный парк и тебе вытаскивают из-под полы поллитру неразбавленного спирта, а ты и не очень-то и соображаешь уже, чем неразбавленный отличается от той градус-нормы, которую придумал Дмитрий Иванович, и только по обожжённому нёбу и этому великому резиновому послевкусию понимаешь, что выпил что-то не то, а блевать, к сожалению, уже разучился, и остаётся одно: попытаться наконец-то понять, ради чего всё это? Почему вдруг я и в этом месте, и такой пьяный?! И если я вот такой уж венец творения, то для чего же мордой в грязь? А ведь как-то получается, что и действительно венец, потому что те, кто не больно венец, те почему-то мордой в

грязь не... Они ещё могут в икру, и типа «Жизнь удалась!», но уже никак не понять им, что в грязь-то лучше, но для них уже невозможнее, ибо и грязи-то рядом не...

Впрочем, как-то нарисовались в моей жизни горные лыжи. Благо, подъёмники есть. И от кого-то уже узнал, что, оказывается, живу в подмосковной Швейцарии... А катание на лыжах уже и обязывает, поскольку за ними следуют теннис и сауна, и глоточек (NB глоточек) коньяка, и сигара... Может, думаю, скурвился? Но и с другой стороны, нельзя же быть столь зависимым от мира вещей! Отторжение благ и желаний мирских не менее порочно, чем стремление к ним. Надо жить просто. Жить в соответствии с Библией, как те птицы небесные, которые не сеют, не пахут, но живут на иждивении судьбы и Господа нашего. Аминь!

Апрель 1999.

ЗА-КАТИВШЕЕСЯ СЧАСТЬЕ

*Ночевала тучка золотая
На груди утёса великана...*

(М.Ю.Лермонтов)

КЭТЛАНДРИНА

Мы нашли на свалке старый унитаз, и я сказал: «Садись, Катя, на унитаз, я буду снимать про тебя клип». И она села. И я начал снимать. И унитаз упал. И Катя скатилась... Но боже мой, как же она скатилась! И как грациозно прилегла она на обочине старой помойки! Среди отброшенных от жизни вещей лежала маленькая и хрупкая королева или, скорее, кэтландрина. Катя на лэнд-арте. Девочка на шаре. Девочка на Земном шаре... И тогда я понял, что начинаю тонуть в её странно-притягательных жестах. Но поскольку она была со своим учителем и сидела у него на коленях, то я думал, что у них роман, и поэтому запаковал своё сердце в целлофановый мешок и запретил ему дышать ароматом её движений. Но когда мы вернулись в Москву и учитель не пошёл её провожать, я вдруг радостно понял, что никакого такого романа и вовсе даже и нет, а нам оказалось целых две остановки по пути, и тут я понял, что есть целых ДВЕ остановки, и тогда я сдёрнул целлофановый пакет со своего сердца. И сказал: «А если хочешь, поедем ко мне, я покажу тебе ночной Красногорск!» И она сказала: «А к тебе можно?» И я сказал: «Можно».

*Иногда встречаешься с человеком и тут же вспоминаешь,
Как когда-то давно.., за пределами этой жизни
Ты гулял с ним по весеннему городу...*

*Мы шли разгораясь и остывая
За те пределы... За горизонт...
Ты помнишь, тогда ты была святая,
А я тебя просто, ну... брал на понт.*

*Читал поэмы, читал сонеты
И рассыпался в своих стихах.
О юность! Ветреность! Где ты? Где ты?
Так и осталась в тех облаках...*

*Ну а сейчас я уже не ветрен,
Почти что верю своим словам,
И знаешь, буду, наверно, верен
Тебе и звёздам, и облакам.*

06.05.00.

А потом, когда я стал читать её тексты... Когда я стал читать её тексты, то вдруг понял, что она-то и есть то реальное воплощение всех моих героинь...

***Если Земля круглая, то где же у неё самый край?
Получается, что практически везде.***

*Я опаздывал на встречу с тобой, зачитавшись тобой же...
А кругом шёл снег и цвела сирень...
И я подумал, что в этот день
Должно что-то произойти...
И скорей, уже знал, чем чувствовал,
Что где-то на самом краю Земли
Какой-то одинокий отшельник
Впервые в жизни прикоснулся к настоящей любви...*

12.05.00

*Читал твои хрупкие тексты. Находился под их напряжением.
И каждый раз открывал в них что-то новое...
Со снежной радостью бродил по твоему воображению
И потихоньку становился личностью. Потому что не брал чужого,
Но, наоборот, оставлял в нём что-то своё...*

*А за окном по-прежнему шёл снег.
И я подумал: что вот где-то живёт человек,
Которому хочется отдать всего себя. Без остатка...
Помнишь, была такая смешная загадка:
«Скажите, откуда берутся стихи?»
Ответ на неё до конца неизвестен,
Но вполне возможно,
Что они зарождаются на границе вечности и любви
И ещё тогда, когда читаешь до боли знакомые строки
И толком уже не знаешь, твои они или мои...*

14.05.00.

*А что, хорошо бы было узнать свою музу!
Проснуться ранним весенним утром и увидеть,
Как она спит утомлённым котёнком в твоей постели.
И где-то в тайниках твоей запутанной души зарождается песня...*

*Ты говоришь себе: тридцатое апреля,
Тот самый день, когда воскрес Христос.
Я улыбался Курскому вокзалу
И на перроне повстречал тебя...
Так уж случилось... Мысли под откос,
Приходит неземная электричка,
И я сажусь в неё, уже почти любя,
Уже горя, как маленькая спичка,
Уже смеясь, как взрослое дитя...*

И воскресаю...

14.05.00

*Я выводил тебя из лабиринтов сна,
А ты доверчиво держала меня за руку,
Кругом стояла какая-то странно-густая весна,
И температура сознания была слишком высокой.
Ты сказала, что у каждого города есть своё небо,
И для чего же выходить из лабиринта,*

*Если всё равно попадёшь неизвестно куда...
И тогда я подарил тебе кусочек облака.
Облако рассыпалось майским снегом на твоих плечах.
И мне пришлось согреть тебя своим дыханием.
А когда снег растаял, то я увидел отражение звезды на твоей щеке.
Я прикоснулся к нему языком и чуть-чуть не обжёгся.
«Видимо, ведьма», — прошелестело в сознании...
И я с радостью отдался этому древнему вдовству
Просыпающейся любви...*

14.05.00.

*Проснулся с глупой улыбкой на языке...
Эге, Погарский, да ты, не иначе, влюбился!!!*

*Что же делать? Уселся писать стихи...
Прислушиваясь к отзвукам твоего голоса,
Которым пропитались стены моего дома...*

*А потолок, как незнакомое белое небо,
Притворялся уютной домашней бездной...
В которой расходились концентрические круги
Моего сумасшествия...*

*Тут зазвонил телефон, и ты сказала: «Привет».
И я наконец-то согрелся...*

14.05.00.

*Помнишь, как мы опаздывали на поезд...
И придя за полминуты, до отправления,
Тут же умчались курить...
А потом полчаса говорили стихами,
И у пассажира, едущего с нами в купе,
Постепенно округлялись глаза...
Потом мы споткнулись о слово «вагон-ресторан»
И отправились пить французское вино,
Закусывая его осетриной...
Вернувшись, тут же забрались на верхние полки.
Я лёг параллельно движению, а ты поперёк.
Вместе мы составляли частичку креста,
А в поцелуи примешивался запах дороги...
И я читал тебя, как музыку, с листа...
А где-то в небе смеялись ангелы...*

14.05.00.

*Сегодня одинокая секунда
Нечаянно застыла предо мной...
Впервые в жизни рассмотрел её спокойно...
И знаешь, у секунды этой замеревшей
Вдруг оказалось...
твое лицо...*

16.05.00.

ГРАММЫ РАЗЛУКИ

А потом ты снова уехала в Тулу, а я вдруг остался один. И тогда я стал посылать тебе телеграммы на главпочтамт, до востребования. Я приходил на почту по три-четыре раза за день и писал несколько строк, а приёмщицы серьёзно пересчитывали слова и выдавали мне какие-то квитанции.

*Твои расчёска и зубная щётка / Грустно лежат на своих местах. / Когда же
вернётся хозяйка?*

И вот я иду по утреннему городу, и мне падает откуда-то сверху сообщение на пейджер:

«Получила когда телеграммы, фотоаппарат опустила. Курок в пустоту».

*Сегодня откуда-то с неба сообщение на пейджер пришло. / Стоял с бестолковой
улыбкой. / Мешал движенью прохожих.*

И тогда я перестал ездить в метро, опасаясь, что именно в этот момент от тебя придёт какое-нибудь новое сообщение. И оно пришло:

«Я на главный почтамт ушла навсегда»

*Ехать не стал на метро. / Боялся, что пейджер-малыш / сообщений твоих не
услышит. / А на главном почтамте тебе оставаться навеки не стоит...*

СНИМКИ СНА

А ещё иногда я встречался с тобою во сне. И выбираясь из этих странных скитаний, зависая на тонкой ниточке между грёзой и явью, писал стихи:

*Короткими перебежками сна
Пробирался сквозь ночь...
Заканчивалась весна,*

*И всё было точь в точь,
Как тысячи лет назад,
В ту далёкую пору,
Когда над пустынной планетой
Блуждал только твой одинокий взгляд.*

*И я проснулся на каком-то уступе.
И увидел, что мир удивительно юн
И что впервые в нём пробудилась любовь
На искрящейся дрожи из дождя
И из солнечных струн...*

А сегодня мне приснилось ни много ни мало, а зарождение новой вселенной...

*Пространство сужалось до точки
И упиралось в ветер твоих мыслей,
В пронзительный ветер, где странные зодчие
Возводили дома на песке...
И тогда я вошёл...*

*Всё было немного нарушенным,
Но дышалось легко...
Я увидел зеркальце на твоей ладони,
В котором отражалась обратная сторона песка...
И мне подумалось, что вот так же века
Могут уснуть на твоих ладонях...
Я взял тебя за руку и стал слушать пульс времени...
Оно замирало, иногда на год, иногда на два,
Но, сказал я себе, вряд ли ты сумеешь остановить его навсегда.
И в этот миг всё погасло.
Сорвавшиеся песчинки застыли в воздухе,
Постепенно разгораясь до звёзд...
Ну вот, подумал я, похоже, всё только ещё начинается.
И, стряхнув слезинку, вышедшую навстречу ветру,
Отказался проснуться.*

А иногда на меня, наоборот, накатывала моя добрая старая бессонница...

*Сегодня вместе с тобой я бродил по своей бессоннице,
Путешествовал на край ночи...
Ветер воспоминаний кружил мне голову,
И слова рассыпались на клочья.
Я пытался хоть как-то собрать их,
Хоть как-то приблизиться к чувствам,
Которые дрожали во мне,
Но, видимо, это возможно только случайно
И только во сне...*

ТИСКИ ТОСКИ

А недавно вдруг стали размагничиваться проездные... И я никак не мог понять, в чём тут дело? Выдерживали день или два. Не больше. Спрашивал совета у

разных знакомых. Говорили: «Могут повлиять на это дело ключи и прочие железные предметы». Переложил проездной в карманчик у сердца. Он размагнитился через два часа. Появилась гипотеза об источнике возмущений. Тогда положил его в сумку. Проездной продержался целых четыре дня!

Эсинский сказал мне: «Всё с тобой ясно. В тебе, Погарский, произошло гипернарушение энергетического баланса. Одна твоя половина всё ещё цепляется за серую мощностность разумности, а другая тонет в белой пелене безрассудства. Теперь тебе не рекомендуется опускаться под землю, и поэтому твой организм начинает этому сопротивляться». А Смыслов сказал: «Это бессмысленно — во всём искать причину. Не законы правят миром, но мир законами». А Катя сказала: «Под землёй не работает твой пейджер, и ты боишься пропустить мои сообщения. Но это не страшно, Погарский. Ведь за счастье нужно же чем-то платить..., хотя бы размагнитивными проездными..».

Оказалось не только. Счастье поэтов не бывает долговечным. Двум безалаберным душам так сложно уместиться в одном пространстве. Происходит напряжение границы. Их миры, привыкшие к свободному полёту, начинают томиться своим спутником. Каждый видит некое покушение на своё сокровенное я. Пытается вобрать или приручить к себе этот чертовски привлекательный, но чем-то чуждый мир. Так недолго и до полной катя-строфы... Остаётся одно: научить миры параллельному существованию. Но процесс привыкания очень болезнен. Боль, которая сваливается на тебя, порой настолько необъяснима, что ты думаешь, а не сошёл ли ты просто-напросто с ума? И единственный способ хоть как-то от неё излечиться — это выплеснуть, выкричать свою боль в пространство. И я сидел ночи напролёт на своём балконе, прикуривал одну сигарету за другой и черкал строчки боли на огрызках бумаги.

Вот некоторые из них:

*Сижусь. Лечу себя стихами
С ухмылкой жалкой.
А дождь всё бродит по балкону,
И я топлю свою любовь...
Мы с ним растаем, растворимся
И в землю протечём...*

*Ветер, что ты подняла в моей душе,
Затих...
Свернулся клубочком на самое дно...
Сырым морозом устлано окно,
Ведущее вне мир...*

*Слишком уж много в тебе
Этого свежего ветра,*

*Боюсь захлебнуться,
Или, быть может, я тебе уже не снюсь,
А ты по-прежнему не собираешься проснуться...*

*Кофе принёс тебе. Разбудил.
Взглядом с балкона тебя проводил.
Ты уходила в утренний свет.
Я утыкался в дым сигарет...
Что-то на сердце моём перебой.
Ночь расписалась на нём иглой.*

*Всю ночь вытаскивал занозы
Из перегруженного сердца.
И вот, почти опустошённый,
В густое утро ухожу...
А впереди тоски и грусти
Стоят расставленные сети...
И я смотрю сквозь них на небо,
Но вырываться не хочу...*

*Ты скажешь не дра-
матизируй...
Но боже мой, причём тут драма?
Когда теряешь сам себя
И невозможно уклониться...*

*Но ты не бойся,
Я уже снова
Начал брать
Уроки одиночества
И ночь один веду едва (куда?)
От твоего пророчества.*

*Серое-серое сердце
Утомлённо прощается с морем.
С бесконечно-лазоревым морем
Бесконечно-пустынной любви,
В котором (море) не случилось утонуть,*

*Но и поплавать не случилось...
А впереди слепая жуть
из фиолетовой трясины.
И не свернуть...*

Потом мне показалось, что наши миры пытаются опять соединиться. Осторожно, ощупью я пытался достучаться до тебя или, наоборот, услышать... Кажется, ещё чуть-чуть — и мы снова сольёмся в один беспшабашный корабль, но... что-то опять не срослось... не выстроилось... И я снова выплёскиваю на бумагу непогоду своей задожившей души:

*Напряжение ветра иногда переходит границы.
Напряжение чувства иногда прорывается сном...
В чувство ветра ушла до конца не проснувшейся птицей.
И горело сознание каким-то неверным огнём.*

*Я уткнулся в тебя, но боялся продвинуться дальше.
Я боялся нарушить эти хрупкие ниточки грёз...
Я, казалось, забыл, как парил в твоём облаке раньше,
Как блуждал в твоём мареве тонких ресниц и волос.*

*Ты была так нежна, так легка и воздушно красива...
Но и пропасть порой завершается каменным дном.
Я болтался над ней на краю сумасшедшего срыва
И тушил свою страсть надоевшим кровавым вином.*

*Я не знаю, зачем на меня опрокинулось небо.
Я не знаю, куда уходила земля из-под ног.
Но я верил, что там, на границе из пепла и снега,
Зарождается жизни неверный, но чистый источник...*

*Ты умчалась в такси в глубину ускользающей ночи.
Одиночество снова швырнуло в меня пустотой.
И опять мне осталось лишь метаться от линии к строчке,
Закрываясь от мира немного дрожащей рукой.*

*Знаешь, раньше русалки летали по небу, как птицы.
Ты из этой из древней породы порхающих душ.
Я бы тоже хотел за тобою летать научиться
И из неба смотреться в зеркала подсыхающих луж.*

*Я бы тоже хотел в напряжение ветра уткнуться.
Я бы тоже хотел в напряжении чувства тонуть.
В сон уйти за тобой, не надеясь обратно проснуться,
Или взять тебя в явь, никогда не надеясь уснуть...*

*Я читал в старых книгах, что в мире бывает любовь...
Я пытался искать, но всегда упирался в разлуку.
Сердце стёрлось, устало, но снова и снова и вновь,
Как наркотика, ждёт расставанья печального муку.*

*Не хочу уходить! Ибо нежность превыше любви!
К чёрту страсть, от которой, как ни пей, не удастся напиться...
Но уже поднимали свои паруса корабли,
И на юг собирались моих чувств перелётные птицы.*

*Ты не влюбилась в этот ветер,
Но умудрилась приручить...
Так странно — приручённый ветер...
Но как же с ним соединить
Твои разрозненные сны?
И невозможно отпустить его на волю...
Ручные звери не живут в лесу
Не потому, что не умеют,
Но просто дохнут от тоски
По ласке и теплу...*

*Похоже, ты сама метафора...
Метафора самой себя.
И эти поиски напрасны...
Свобода. Дождь.
По тонкой грани честолобия играет ложь
Не жертвы даже (чем тут жертвовать?),
Но этой жажды потерять
Того, кто снился столь доверчиво,
Но в яви кем не обладать...*

*И это страшно, быть потерянным,
Хотя ты до сих пор ничей...
И ангел твой — любви поверенный,
Не спит ночей...*

Но, пожалуй, можно до бесконечности рассыпаться здесь в своих грустьях и счастьях, и всё-таки, наверное, гораздо лучше предоставить оставшиеся страницы книги их чудесной виновнице*...

* **Виновница** — это такая специальная бабочка, пьющая виноградную кровь... Бабочка — это чья-то заблудившаяся душа... Душа — это хрупкий осколок вселенского ветра... Вселенский ветер — это дыхание творца... А творец сидит на твоей ладонке и играет на дудочке...

Возможно, это самая лучшая часть моей странной коллекции строк и сочинений.

ЕКАТЕРИНА ЛЫКОВА

О МИЛАЯ МОЯ...

Вот и чашка. Пей я не буду смотреть. Головою не ударюсь о край. О ми-лая оми лая... кроме лая ни — черта не смог. Для тебя... ах помнишь мой свитер такой — потрогай это я.

Милая мо... Я не просил тебя об этом. А кто она такая? Пусть. Заходит. С закатным солнцем. Шлюха. уФ.

— *Балерина.*

Дорогой м-ой, я гошщу У. БутылкУ рома я держу в руке. И больше ни-кто не скажет мне “не дуРа”.

Я — это не ты и он, ты и она, она и он. Я — н еК то.

*Ваши голуби съедены. Не я это сделал а кто же?
поПлачьте детка моя Пусть это сделает вас красивой.*

Тиская меня как только мог жил рядом ходил на работу щерился и шепотом умолял не думая кстати о чем обретал внутреннее равновесие а я тревогу пригоршнями.

Пришла и закурила пришло мне время вылизать раны. Манна небесная вскричал он и сплюнул. Достойно и по-домашнему. Я кровати своей не надоем.

*Свезу судьбу на голень жизни.
Пусть не мерцает предо мной
Ее развратный бог.*

Кричу потому что устала плакать сколько можно собирать крошки и жечь трупы. Мило мило приговариваешь в похмельном сне а если так? Почему искажается твоя улыбка прекрати гримасничать ты не дома. Почему и искажается твоя улыбка.

*Как хорошо быть одному и никому не желать зла
Как жалок мой сегодняшний вид
О милая моя
Разжалуй меня
Брось жалеть
Ороши розовым вином
Я встречаю не тебя на этом перроне
Не ходи...*

О милая, о милая моя улыбнись ему что тебе стоит. Голубок твой ничего не узнает да и ты не знаешь кто из нас этот голубь. Когда-то ты приехала. Они были прекрасны как боги... ты так любишь это повторять. Кто эти они? Он и она, говоришь ты, мечтательно шурясь. А я? Я тоже был. Чему же ты так усмехнулась...

Милостыни не берешь. Ты покупаешь ее. Что ты отдала вчера летом? Опять себя.

*Ты запрокидываешь свои зеленые глаза
Я не спускаю свои с твоих плеч
Не забудь закрыться на ночь
Я так о тебе забочусь
Ты сварливо завариваешь чай
Господи говоришь
Как все это насточертело!*

Я кажется пьян. Чего не сболтнешь. А ты — красивая. И еще я нахожу тебя милой. Портвейна?

*Изгибы твоих настроений. Мне страшно утонуть в твоих сказках.
Хватит лжи. Скажи прямо «пошел вон».*

О милая Ло-ла достань мне робости глоток жизни.

*Я горькой листвы заварю полный чайник
С удобством старого Хама сплуну на бархат стойки
Улыбнусь незнамо чему звякну рюмкой о рюмку
И в экран окна на невидимый свет оглянусь с очерствелым непониманием.
И с угрюмым привычным собой заведу разговоры
Что ты думаешь ты позабыл что ты кто ты
И зачем тебе боль головная зубная пустая как время
Будет утром рассвет для тебя будь счастлив как был ты
В те единственно важные дни когда море печали
Безнадежно отсутствием слез и желаний
Но когда понимал ты что жить если стоит то утром
Когда нету других запятых и заглавий и прочего гона
Обо что с такой бестолковой миной ты любишь тереться
Где ты каждый раз одинаково очутившись
Все волною какой-то стараешься пробежаться
Не умея ни бегать ни обижаться
И старательно пудря мозги себе все забываешь
Уповая на память которая не шалостью жизнью
Погоняет события лет беззастенчивых брличку
Истерично не значит проснуться в плохом настроении
А вообще не проснуться а с о в е р ш е н н о .*

У меня есть много цветных рубашечек. Разных. Зеленых, сиреневых. Но я их не ношу. Когда наступает ночь, я накидываю их на лампу.

*Несколько ночей назад
Сон забился в уголок
Диванной.*

*Скоро утро
Оно не согреет меня своим призрачным шарфом
Я буду плакать
Не утирая слезы катящиеся в простынь
Потоп устрою
Придет быть может мой рыцарь
И скажет: Катя
Опять ты с шутками злыми.
А я не злая.*

«Алло» таким-м-нежным-м-баритоном-м ты говоришь мне это слово, что я опять забываю поджечь сигарету и уютнее сворачиваюсь в кресле. «Как день» говоришь ты позевывая в трубку и забывая что мы два часа назад расстались. «Ску-чаю» скрипом отдается в моих ушах. «Когда?» удаляющийся гудок твоих легких и рассеянных грез.

Я не пошел за ней. Она так хотела этого. Ее глаза говорили «люблю». Но уже какой год. Я, пожалуй, привык к ней. Пора идти домой — шесть.

ОДИН

*Один сижу и нахожусь
Сидеть одним
Гораздо лѣгче
Чем БЫТЬ вдвоем.*

КАК интересно: написал — прочитал и — свободен? Один. Один раз прочитал, второй...

*Торопились поезда
В голубое никуда
Я куплю себе вина
И билет купейного.*

Лучше буду мужа любить. Например его собаку. Сигареты книги музыку. Цвет его. Кресло. А вино — оно одно.

*Ненадолго же ты отлучалась.
Немного теперь другая.
Ну — ладно: за снег в мае!*

*Ибббо лодка не моя
Ибббо бя.*

И вот сидишь ты. За окном лето. Никого нету. И только ощущение у тебя появляется боль в спине и в жопе. Засыхаешь. Ха. Дом склепом а ты как мумия как фараон. Если б еще кто баланды приносил. Эдак в семь утра звонок в дверь «ваша баланда сэр». Ее не будет. Отрезан ото всех. «Я ушоль. Я не специально ушоль». Музыка. Белые стены фобия нечистот мраморные собаки ночь под лампочкой приступ голодной смерти оторопь свежей кожи фрагменты старого вальса прошлой кончины. Папочка улыбнитесь вашему позору я не могу видеть вашей Итаки. Ис-

комое недотрога ага робкий взгляд в мою сторону мы поладим. Их ишь как а вас не просили ставить свечки сентимент я прошу после закрытия бросить в кружку с виски. Торопись в апрельскую ухмылку собственного дерьма а понедельник отпечатай тиражом в три тысячи слов гораздо спокойнее чем тиражом в 6 тысяч звонков по телефону.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ.

Вопрос: почему тебе так хреново, детка?

Ответ: я не могу склеить две штуки Это мои мозги и мои эмоции. Серьезность моя плещется в винном уксусе. Еще то пойло говорю я себе и наливаю из другой бутылки. Чаще всего в голове давка пустоты. Целая толпа непроклюнувшихся мыслей мыслей-дел. Уверенность моя страдает отсутствием зубов поэтому самонадеянная моя улыбка и фальшива А я как девочка после порки со звоном в ушах ощущение светлое и звезды на черном небе счастье ком в горле дым в легких стопочка коньячку Убивающая смертельная красота смеха Опьяняющая бьющая ниже пояса отдача в солнечном сплетении дерганность бесполезная но никак до конца не сдохнувшая Задайте мне тему я сделаю ну а после гонорар в первый же день в первом же кабаке или автобусе оставляю.

Вопрос: и как же ты собираешься поступить?

Ответ: выпить и лечь спать и все к чертям собачьим стихи порвать и в подпол с дрожащими мыслями вогнать. Выключить часы Забыть Не начинать Разрешите мне пожалуйста подумать ЛСД марочку нету мочи.

ВОДОРОСЛИ СЛОВ

*Словом сняли бесы
Занавес Небес
Опрокинув души
Томных поэтесс.*

Посмотри на чужое лицо разбив зеркало — не твое ли небытие прошлое ?

Лови снежок моего голоса — зима еще не выпалась.

*Оловянный мой стих догорает в твоей ладони.
Не забудь выпить пепел
Впрочем, выпить ты не забудешь...*

Каменное слово закинуть проще.

*Закрой глаза и ищи мне письма
В своих закрытых снах.*

Лоси, снежки моего
гол ося
зима

Слова в бессмысленности букв
Роняют тень
На наши стоптанные руны
Осёдых стен
Я без ухмылки не умею
Запомнить слог
А мне кричали из-за двери:
Поменьше слов?

Я не сдавалась и молчала
Но вот во сне
Я с головою выдавала...
И под утро
Встречала отражения их лиц
В щите
А ты Горгону прятал
В одеяле.

Водоросли слов
По моей ладони
По твоей — ручьи.

Я тебе совью
Колыбель любви
Из одного слова.

Слово это — лед
Растопи и выпей.

Но яд не вытит мной
И опрокинув не бокал
Я убегала
Не от смерти.

Я спою без слов
Ты услышь...
Ишь — Эшь...
Так зовут меня.
Я откликнусь лишь
Когда ты
Уснешь.
Только твой паук
Разгребая мух
Будет знать о чем
Говорила я
Без улыбки вслух.

*Трубку свело от крепкого слова.
Дым от слов.*

*Лови свои слова обратно:
Онтарбо аволс иовс ивол.
...Когда-то я без запинки
Читала их на песке...*

*Слово на слово — вечер шопотом
Не кричи во сне
День так короток
Я очнулась на последней странице
Спохватившись
О тебе.*

*Слово ужасом опаленное
Не прочтешь
Его можно услышать лишь
Уронив
Не на землю которая
Бездной манит
А в ладонь которую
Не найдешь.*

*Я, научившись говорить без слов,
Тогда же улетел без крыльев;
Твоя вина что ты не вспомнил ведов
Когда пошел искать свою любовь.*

*Я чист душой
Твой Ей
А перегар —
Так ночь не первую
Я пью
Порт Вейн.
Наши слова
Почти что вздор
Детей —
А дети никогда
Не мелят вздор.*

*Мой милый, почему ты
Так дерзостно настойчив?
Зачем тебе колдунья?
Хотя могу я, впрочем.
Но ты не понимаешь,
Что гибелью напиток*

Пропитан.
Мой милый, почему ты
Не хочешь старой сказки?
Слова и так волшебны
Без ведьминой подсказки.
Иль ты не понимаешь
Что гибелью пропитан
Напиток?
Я думала, что мы
Увлечены лишь бредом
Но ты вошел в мой дом
С заклатьем древним...
И ты не понимаешь
Что гибелью напиток
Пропитан...

Слово — за слово
Слово на слово не попадало
Словно засветло
А на самом то деле
Ночь снов
Ты метал ты мечтал
Чтоб сама я об этом сказала
Но ни ты ни я
Знать не знали — не помнили
Слов.

У острова слов
Тонут сотни поэтов
А какой-то Один
Там родился и пишет картины.

Я снял провалившийся в вечность замок
Ни разу в нем ключ не топ
Закинул его в пасть циклопу
Доволен теперь циклоп.

Цикады запели в ночи
А я от души заорал
Небесная хлябь дрожала
А вечность хранила оскал.

Зло мне писать но не писать отвык
Рука саднит и чешется впридачу
Почти что так же надоело пить
Но пью, пишу и не тушу светильник.

*Я постелил дорожки слов
И босиком прошелся
Теперь следы моих стихов
За мною остаются.
Мне рук не оторвать от головы
И шагу не ступить без боли
Безумный мой конек
И тот
Теперь не иноходью ходит.*

ЯЯЯ

Некому устраивать сцен. От этого как-то легче.
У меня забытая горечь встала с утра. Почесала ногу и произнесла: Я.
Ваня случайно оказался со мною строг.
Насквозь протерты сабо — больной день. (4427351 \ п;7974444 для 70085 жж)

Ваня, я счета почитала. Счета — нужно заплатить за жизнь. Пошла — до 10-го разрешили пожить. Не отключат. Но я боюсь до-смерти. Оплатила сразу. Давайте вымоем полы французским вином.

*Делать вид что ты нужен очень темное дно
Я сверну себе ужин из листьев чая
Голубого щенка — под зад тинком
Накатило скуля начало мая.*

*Сigaretный туман — и не видно порога,
За которым сидишь не у дел, не до трогой,
Шаря ложкой в котле
Брать со словом «не мне».
Но с утра и до вечера, строго.*

*Мне не не не не надо дивного дивного дивного утра
А прошлого прошлого прошлого я не помню
Мне позже напомните позже напомните позже напомните позже
Я встану тогда и встану тогда и встану тогда и встану.*

Я я я, пошла и увидела. Трубки из ротосплава. С еще еще хищной резью в глазах. С ухмыльем Хама. Мне во сне сказала мама: Что же ты. А больше ничего.

Просыпаюсь в родильном доме. Хватила лишнего ль. Фараон пил из моей фляги. Туши свет! Ау, а утром вальпургеева ночь очнулась с голой задницей.

Частенько пробегаю мимо, и прячась за улыбкой сквозной, аминю: Не меня не меня... А меня хлоп и терновник — дом мой родной.

Соло — проще суд ишь себя си дя, си га рет ку куешь с мачно с мрач ной у лыбкой ой да же про па щий кайфлю вишь.

Слывешь проживаешь маешься аоуэ пошло смеешься валишь на прошлого днее.
Нее врет.

*Я качусь к чертям
Босиком
Не успела обуться
Второпях
И какой-то добрый
Чертенок
Мне копыта достал
В топях.
Я теперь пожалуй
Сама
В топи за рогами
Схожу...
— Ты плесни мне в чарку
Вина,
Я тебе свои
Одолжу.*

*Милое, да гнилое
Утречком во вторник
Встало из могилы.
Делать Кате нечего
И она доверчиво
Руки опустила.
Тут же как по-песенке
Выпрыгнули бесы.
Так вот Катя весело
На короткой с бесами
Веснами.*

*У меня внутри пропасть
Без дна, где кричат в последний раз
И наверно поэтому
До сих пор я в нее не упала
Мне кричать — не кричать
Все равно жизнь опаснее фраз
Про которую все позабыли
Следя за причалом.
Сон мой пьян.*

*День, второй...
Все запой.
А года все мечтают
О смерти.
Не пройдет:*

*Я жива
Стороной.
Не найти меня
В этом конверте.*

*Я мечтала об удушье
Трезвым утром
Слишком трезво мне казалось жить
И крутилась музыка вокруг
Моих глупых и послушных рук*

*Занавески розовым сияньем
Пропускали солнца уголек
А в бокале не коньяк плескался
А дорога без каких-либо дорог*

*Слишком уж трезва я
Слишком часто
Я ловлю чужие руки в темноте
И отвыкла я любить несчастье
Что и надо было Смерти. Пустоте*

*Погарский, ты скажи, зачем тебе русалка?
Ведь ты ее задушишь на воздухе стиха...
Поэты слишком пьяны,
Чтоб помнить о проклятьях
Русалки ж слишком пьяны —
Чтоб этого не знать.
Ага — ты морищишь брови,
Не вспомя, что глотаешь,
И небо голубое и солнце на висках...
Давай-ка я тебе бесплатно погадаю,
Беззвучно беспристрастно
Без боли что в бегах
Без страха что убьёшь ты
Безумную гадалку
Без путаных метафор —
С дотошностью врача!
Куда же ты, мой милый
Без штопора-без платья
Отправился,
Негоже влюбляться натощак.*

*И остался влажный след в морищине
Старого утеса, одиноко
Он стоит, задумался глубоко...*

(М.Ю.Лермонтов)

НАГРОМОЖДЕНИЯ АВТОРА

С момента выхода 3-го тома сих неполных сочиненьев автор успел в своей жизни нагромоздить целые кучи всяких важных и неважных событий, среди которых имеет смысл выделить следующие

КНИГИ

а) для детей

1. Мои игрушки// Стихи./ Склеяная на картоне. 12 стр. Тираж 10 000 экз. Издательство ЛИНГ
2. Азбука// Стихи./ Склеяная на картоне. 12 стр. 6-е издание. Тираж 15 000 экз. Издательство ЛИНГ
3. Страна чисел// Стихи./ Склеяная на картоне. 12 стр. 4-е издание. Тираж 10 000 экз. Издательство ЛИНГ

б) для взрослых

1. Дракон// Исследование./ 60 стр., твёрдый переплёт. Тираж 3000 экз. Издательство «ФИТОН+»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ

1. Книга «Утрирование утр» (художники А.Суздалев, О.Хан, музыка — И.Колесов, Н.Небогатов). // Самонаборный штамп, аудиокассета, смешанная техника. Тираж 30 экземпляров
2. Книга «Libra Librarius». // Коллаж, смешанная техника. 1 экз. (по заказу Ю.Елашкина)
3. Книга «Весы настроения». // Самонаборный штамп, пергамент, дерево, смешанная техника. Тираж 12 экз.
4. Главная книга. // Самонаборный штамп. Тираж (10+5 экз.)
5. До востребования. // Самонабрный штамп, почтовые штампы, конверты, почтовые карточки. Тираж 12 экз.
6. Изнанки Вдохновений (художники А.Суздалев, О.Хан.)// Уникальный экземпляр, 2х1,5 м, целлофан, дерево, ручная раскраска.
7. Вино-водочные часы (лабораторные часы.) // Бутылки, водка, коньяк, пиво, дерево, смешанная техника. Тираж 3 экземпляра.
8. Факсимиле огня. // Факсовая бумага, дерево, свечи, огонь. Тираж книги совпадает с количеством её прочтений и не ограничен во времени.
9. Слияние слов (совместо с Катей Лыковой.) // Пергамент, вентиляторы, электрический лампочки, ветер.

ПУБЛИКАЦИИ

1. Альманах «Дирижабль» N 9 // Русские подзаборные сказки. // Пойма времени.
2. Гид: Неофициальная Москва. // Лаборатория экспериментальной книги. Стр. 166.
3. www.dirizhabl.sandy.ru/landart

РЕЦЕНЗИИ

1. Эклибрис НГ. // (Примерно от 2 сентября 1999)
2. Книжное обозрение. // (Примерно от 7 сентября 1999)
3. Книжное обозрение. // N5, от 31.01.2000

СОБЫТИЯ

1. Литературно-музыкальный перформанс «Утрирование утр», в рамках фестиваля «Неофициальная Москва» 4 сентября 1999 года.
2. Творческий вечер в клубе «Образ и мысль» 22 ноября 1999 года.
3. Участие в первой части фестиваля «Пойма времени», проходившем с 30.12.99 по 03.01.00 в д. Черемас и в устье реки ОКА (Окский съезд), на котором были представлены следующие объекты: 1) Выигрыши, 2) Белая музыка, 3) Мосты, 4) Обрамление пространства (совместно с А.Суздалевым и О.Хан), 5) Схемы света (совместно с А.Суздалевым и О.Хан), 6) Притяжение огня (Совместно с Е.Стрелковым, А.Суздалевым и О.Хан).
4. 1-е прочтение «Изнанки вдохновений», акватория реки Синичка, Красногорский р-н, март, 2000.
5. 2-е прочтение «Изнанки вдохновений», деревня Таганьково, март 2000.
6. 3-е прочтение «Изнанки вдохновений», Москва, Учебно-воспитательный комплекс «Издательское дело», март 2000.
7. Презентация 9-го номера альманаха «Дирижабль», Москва, галерея «Спайдер & Маус», 8-го апреля 2000 года.
8. Выставки группы «Дирижабль» совместно с английской группой «Luna Neru», Лондон с 9-го по 16 апреля, кафе «Tactical», галерея «Fundary».
9. Участие в лэнд-арте и выставке «Грани города и грани искусства», Тула, 1 мая — 11 июня.
10. Участие во второй части фестиваля «Пойма времени» 10-22 июня, Нижний Новгород (берег Оки) и Москва, галерея «Спайдер & Маус».

Иллюстрации *Андрея Суздалева, Ольги Хан*
На обложке рисунок *Евгения Стрелкова*
Фотографии *Евгения Стрелкова, Елены Спириной,*
Михаила Погарского, Екатерины Лыковой

Погарский Михаил Валентинович

неполное собрание сочинений

том 4

ГОРОДА И НАГРОМОЖДЕНИЯ

топография смыслового пространства

приложение № 8/4 к альманаху «Дирижабль»

Готовятся к изданию:

Том 5. Пятая стихия (книга-трактат)

Том 6. Встречный свет фар (свидетельства очевидца)

Том 7. Кунсткамера хранения (том-музей)

художественный редактор Евгений Стрелков

компьютерная вёрстка Дмитрия Хазана

В текстах Екатерины Лыковой сохранены авторские пунктуация и орфография

издание подготовлено при участии издательства и дизайн-студии «Дирижабль»

альманах «Дирижабль»,
лицензия №16100 от 14.05.97

603106, Н.Новгород, а/я 17

Тел./факс: (8312) 37-51-34, тел: (095) 564-51-45.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.